

Дэвид Дрейк Джанет Моррис

Индекс убийства

Сэм Йетс – 1

by Harryfan

«Индекс убийства»: Армада; Москва; 1995

Аннотация

Действие остросюжетного романа известных американских писателей Дж. Моррис и Д. Дрейка происходит в недалеком будущем на Луне, Земле и орбитальной станции. Герой романа "Индекс убийства" Сэм Йетс оказывается свидетелем странного массового отравления

Дэвид Дрейк, Джанет Моррис

Индекс убийства

(Сэм Йетс – 1)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. СТОЛИК НА ОДНОГО

Если бы Сэм Йетс не был так огорчен недавним телефонным разговором с женой, звонившей с Земли, он повнимательней пригляделся бы к официанту, пока тот был жив.

«Ты получишь извещение от моего адвоката», – написала ему Сесиль после того, как он позвонил ей месяц назад и сообщил, что будет работать в Службе Безопасности ООН, штаб-квартира которой расположена на Луне.

Сесиль сказала тогда, что хочет поговорить о своих чувствах. На самом деле она имела в виду его чувства... а когда он сказал ей об этом, она бросила трубку. Ну и ладно! Одной проблемой меньше!

– Вот ваш столик, – сказал араб-официант бледному, тяжело дышащему маленькому человечку, который, очевидно, гораздо дольше, чем Сэм, пробыл вдали от земного солнца и гравитации.

Ресторан «Мулен Руж» славился своей французской кухней, хотя владела им семья алжирских дипломатов, аккредитованных в ООН. Алжирцы всего лишь в третьем поколении, они не забыли еще своих египетских корней. Кабильская революция лишила их дипломатических постов, но они решили не возвращаться в Алжир. Ресторан был очень популярен среди экспатриантов, оставшихся на постоянное жительство на Луне.

Коротышка тщетно требовал себе отдельного столика, очевидно не зная, что на Луне существуют свои, особые правила. Йетс не был полицейским в полном смысле этого слова, но своей наблюдательностью всегда гордился. Вот и сейчас он внимательно следил за своим спорящим соседом по столику. Тот явно не был жителем Луны. Скорее всего, прибыл с какой-нибудь орбитальной станции.

Парадоксально, но факт: на Луне – небесном теле, сопоставимом с Меркурием, жизненного пространства постоянно не хватало, в то время как на орбитальных станциях, строившихся в вакууме, таких ограничений не было. Станцию начинали сооружать с

электромагнитной оболочки, защищавшей ее обитателей от космического излучения, затем внутри подстраивались все необходимые конструкции. Если потом требовалось увеличить объем жилых помещений, просто расширяли площадь электромагнитного щита. Орбитальные станции росли, как коралловые рифы, ошестиниваясь алюминиевыми балками, покрываясь стеклянными панелями, лениво поблескивающими в черной пустоте.

На Луне же люди жили в туннелях, с огромным трудом пробитых в скалах. Большая часть отвоеванного у камня пространства использовалась для строительства не жилья, а дорог. И все равно добраться до какой-нибудь отдаленной точки лунной колонии часто бывало довольно трудно. На орбитальных станциях такой проблемы просто не существовало – лифты, занимавшие минимум полезного места, могли в считанные секунды доставить пассажиров или груз до пункта назначения.

Конечно, было бы достаточно легко построить колонию не в недрах Луны, а на ее поверхности, но в условиях естественного гравитационного поля электромагнитные экраны не работали, что делало всю затею бессмысленной – разреженная лунная атмосфера не могла защитить людей, находящихся на поверхности спутника, от смертоносного космического излучения.

Была и еще одна причина – психологическая. С самого начала освоения Луны повелось, что все сооружения должны быть защищены многометровым слоем камня, и колонисты цеплялись за эту традицию, чувствуя себя в безопасности только под прикрытием несокрушимых скал.

В обеденном зале «Мулен Руж» было всего шесть столиков на двоих, так что предоставлять отдельный столик коротышке никто не собирался. Йетс тщетно собирался не обращать внимания на докучливую ссору, рассеянно поглядывая на других посетителей, среди которых было всего две женщины (к ним Сэм всегда проявлял повышенный интерес), пока наконец ему не принесли заказ – запеченную форель.

По другую сторону узкого прохода несколько столиков занимала делегация индийских дипломатов. Среди пятерых смуглых мужчин в строгих костюмах и узких галстуках сидела женщина в оранжевом сари. На лбу у нее Сэм заметил багровую точку – кастовую метку.

В ближнем конце зала клиентура была более разношерстной. За соседним столиком двое молодых парней громко говорили на каком-то незнакомом языке, который Йетс наугад определил как славянский.

Столик рядом с кухней занимали мужчина и женщина. Суровое лицо мужчины обрамляла густая черная борода, старившая его лет на десять. Он, как и Йетс, ожидал заказа. Свой стакан с водой бородач придерживал сверху рукой – видимо, как и спорящий с официантом коротышка, он прибыл с орбитального спутника, где по всей посуде приделывали по краям ободки, чтобы при вращении станции жидкость не выливалась. Он сидел с отсутствующим видом, ни на что не обращая внимания.

Однако на его соседку внимание обратить стоило. Йетс это сразу отметил. Черные короткие волосы девушки чудесно гармонировали с белой, а не бледной, как у всех жителей Луны, кожей. С этими контрастными цветами удивительно хорошо сочетались и калейдоскопические контактные линзы, которые, несмотря на то что были в моде, вообще-то мало кому шли.

Девушка подносила ложку ко рту, когда ее искрящиеся глаза встретились со взглядом Сэма. Она отвернулась с недовольным видом.

Сэм тоже отвел взгляд, чувствуя некоторое смущение. Но в конце концов смотреть – не преступление, завести разговор – тоже, и он не особенно огорчился, когда ему отвечали «нет». Тем более что это происходило достаточно редко.

Коротышка наконец-то уселся на свое место, фыркая от возмущения. Йетс кивнул ему, что могло рассматриваться и как приветствие, и как оскорбление. Значение кивка в Центральной Пенсильвании, где Сэм родился и вырос, было иным, нежели на Луне, где люди придерживались иных обычаев, и уж вовсе ничего не имело общего со смыслом, который вкладывали в него жители орбитальных станций.

Йетс про себя сразу решил, что его сосед по столику прибыл со Звездного Девона. Эта станция была основана англичанами – «фермерами» (на самом деле многие из них имели титулы) для снабжения продовольствием всех внеземных колоний. Чтобы произвести небиологическим путем настоящую пищу, а не какие-нибудь там водоросли, годные лишь для очищения воздуха, требовалось чрезвычайно дорогое оборудование, которое составляло большую часть стоимости орбитальной станции.

Звездный Девон должен был покончить с этим натуральным хозяйством. Низкая стоимость межорбитальных перевозок, эффективность выращивания животных и растений в специально созданных условиях, высокий профессионализм биотехников и агрономов, не уступающих по своему уровню инженерам с металлургических спутников, делали эту задачу вполне выполнимой.

Да, судя по йоркширскому акценту и куртке из твида, этот ворчливый чужак действительно прилетел с Девона. Сэм всю свою жизнь играл с собой в такую игру – наблюдал, задавал себе вопросы и пытался ответить на них. Похоже, сейчас он одержал маленькую победу. Если бы все на свете решалось так просто...

Такая пустышка, как Сесиль, не должна больше влиять на его жизнь. Конечно, она не так уж глупа, да и вся затея с женитьбой сначала выглядела достаточно прилично. В конце концов, не его вина, что все так закончилось.

Йетс поднял стакан с водой, поглядывая на своего соседа. Тот не переставая что-то ворчал.

Хотя... Нет! Он не ворчал, а наговаривал что-то в микрофон! Причем микрофон, вероятно, был вживлен ему в горло, а не спрятан в воротнике – не видно специальной подушечки. В этот момент вода из стакана выплеснулась прямо в лицо Сэму, оросив глаза, лоб и темно-русые волосы.

Сила тяготения на Луне требовала от землянина повышенного внимания к своим движениям, пока не успели выработаться определенные рефлексy. Инерция воды здесь была ничуть не меньше, чем на Земле, поэтому, когда стакан остановился на уровне губ, слабая гравитация не смогла удержать жидкость. Йетс шепотом выругался, все посетители смотрели на него. Официант, несший с кухни две тарелки с десертом, поставил их на ближайший столик и молча подал мокрому клиенту салфетку.

Йетс искоса посмотрел на девушку с калейдоскопическими линзами – она смеялась, а заметив его взгляд, притворно смутилась и снова занялась своим супом.

Денек выдался не из лучших.

Теперь мысли Йетса переключились на девушку. Ей надо побольше улыбаться. Улыбка так красит ее, смягчая и гармонизируя черты лица.

Фигура у нее тоже ничего. Платье из черной ткани с беспорядочными белыми полосками хорошо подчеркивало ее грудь. Да все ее тело являло собой великолепный ансамбль – стройные ноги, высокий бюст, а кроме того, отличное состояние мускулатуры. Сэм подумал, что вряд ли находился бы в такой прекрасной форме, если бы даже провел на Луне столько же времени, сколько она.

Движения этой девушки, плавные и медленные, свидетельствовали, что она уже привыкла к низкой гравитации. С ленивой грацией подносила она ложку ко рту, не проливая ни капли. Будь ее движения хоть чуточку быстрее, суп бы непременно расплескался. Йетс как раз проделал только что подобный опыт со стаканом.

Официант поставил десерт перед высоким бородачом, который даже ухом не повел, думая о чем-то своем. Его безразличие к еде выглядело снобизмом. Может быть, там у них, откуда он прибыл, принято так вести себя в ресторанах? Черт его знает, откуда он приехал!

Внезапно Йетс вспомнил, что этот бородачатый парень не посмотрел в его сторону, когда он выплеснул на себя воду. Его глубоко посаженные глаза во время этой комической сценки неотрывно смотрели в стену. Бородач либо был чересчур рассеян, либо обкурился наркотиков, либо – что вероятнее всего – просто спятил.

– Позвольте, сэр, – почтительно произнес официант по-английски с французским

акцентом, ловко выдернул у Сэма из руки мокрую салфетку и заменил ее новой, прежде чем тот вспомнил, что в данный момент он просто посетитель ресторана, а не офицер Безопасности.

Йетс невольно задумался, сколько еще языков может знать этот араб. Ну, английский тут необходим, поскольку здесь часто бывают дипломаты, наверное, еще и...

Внезапно официант закашлялся, обрызгав при этом Йетса и, видимо, перепугав его соседа-коротышку: тот моментально отъехал на стуле к каменной стене – части несущей конструкции пещеры.

Араб прикрыл рот мокрой салфеткой, в его глазах мелькнул ужас. Йетс с недоумением посмотрел на него, потом деликатно отвернулся. Кажется, у этого парня сегодня тоже плохой день. По крайней мере, другие посетители не таращатся на него, как...

Пятна на скатерти были алыми, капля, которая с кашлем попала в стакан Йетса, растворялась, образуя маленькие красные водовороты.

Йетс был высок – шесть футов, два дюйма, и поэтому когда он вскочил, отшвырнув стул и стол в разные стороны, то сумел дотянуться и поддержать падающего официанта. Тот снова закашлялся, изогнулся, вскинул руки, как бы отталкивая Сэма, но это была уже судорога. Отброшенная салфетка взлетела вверх и плавно опустилась на пол. От крови она была ярко-алой.

Стул Йетса перелетел через проход, всполошив шестерых индийцев, которые затараторили что-то на родном языке. Они явно не понимали, что происходит.

Сэм Йетс тоже этого не понимал. Он видел только, что официант уже мертв, хотя его тело еще изгибалось, упираясь ногами в стол, за которым сидели девушка и бородач.

Йетс прослужил три года в армии США, два из них – в Центральной Америке, когда президент Стюарт посчитал, что в мире станет безопаснее, если в каждой никарагуанской хижине будет по американскому солдату. Сэм видел, как подобным же образом, выкашливая кровь, умирают люди, которым пуля пробила оба легких.

Но он не слышал выстрела. Мультизвуковая пуля в этих тесных туннелях произвела бы страшный шум. Наконец официант окончательно рухнул, опрокинув столик, тарелка с супом медленно по дуге полетела в сторону. Черноволосая девушка неуклюже увернулась от падающего тела. Рот ее был открыт, но она не кричала, а лишь машинально подняла руки, словно хотела защититься от Сэма, которого приняла за убийцу человека, корчившегося сейчас на полу в кровавой агонии.

Бородатый мужчина медленно повернул голову к Йетсу. В глазах его не было ни одной мысли, казалось, его разум не участвует в этом движении.

Но Сэму Йетсу некогда было наблюдать за реакцией посетителей. Он лихорадочно осматривал ресторан. С этой стороны никто выстрелить не мог. Значит, пуля прилетела из-за входной двери или...

Двое европейцев, сидевших около двери, в панике вскочили с мест. Когда Сэм отвернулся, один из них уже нажимал на кнопку, открывающую аварийный выход. Завыла сирена. Сигнал должен быть подан на ближайший патрульный пост.

Дверь, на которую напирали снаружи, открылась не сразу. В проходе столпились стоявшие в очереди люди, на их лицах было написано любопытство.

Нет, из коридора никто не стрелял. Звук выстрела перепугал бы этих зевак до смерти.

Йетс не успел задержать европейцев, но особо не огорчился, ибо был убежден: они бежали не потому, что были убийцами – просто их, как и всяких нормальных людей, напугал вид легочного кровотечения. Конечно, они могли понадобиться в качестве свидетелей, но их будет легко найти по отпечаткам пальцев на обеденных приборах. А возможно, они и сами свяжутся со Службой Безопасности после того, как придут в себя и сообщат о происшедшем в своем посольстве.

Нельзя винить их в том, что они перепугались. Руки Йетса были алыми от крови, вытекшей из легких официанта.

Из кухни после включения сирены никто не выбежал. Наверное, там нет никого.

Человек – слишком редкое и поэтому дорогое существо на Луне, обслуживающего персонала здесь немного. Официант вполне мог выполнять обязанности и кассира, и повара.

Дверь в коридор не выпускала клиентов, пока они не оплатят счет, и одновременно сдерживала очередь. Что поделаешь, на Луне даже дипломатам приходилось принимать пищу уровня четырехзвездочного ресторана в помещении, соответствующем по размерам обыкновенной земной забегаловке.

Нет, на кухне все-таки должен кто-то быть. Йетс на бегу распахнул дверь и устремился к телефону, ожидая увидеть ошарашенного и бледного от страха повара.

Их оказалось там целых четверо, хотя в живых оставалась только женщина лет тридцати, черноволосая, но с голубыми глазами. Скрючившись в углу между стеной и плитой, она в отчаянии зажимала рот обеими руками.

Мужчина средних лет лежал на полу. Его обуглившаяся рука, сжимающая половник, касалась раскаленной конфорки. Воняло горелым мясом. Рядом билась в судороге вторая женщина, на которую из открытого холодильника одно за другим опрокидывались блюда с салатом. Еще один мужчина, гораздо старше первого, возможно даже, его отец, ничком лежал в центре помещения, отброшенный распахнувшейся дверью.

Давно уже Сэму Йетсу не приходилось видеть столько крови. С тех пор как он осматривал бункер, в котором находилось семнадцать никарагуанских детей. Тяжелый снаряд пробил крышу и разорвался внутри.

Телефон находился слева от двери. Йетс шагнул вперед, стараясь не смотреть больше по сторонам. Он попробовал вытереть запачканную в крови руку о рубашку, стремясь при этом не испортить пиджак и не смазать какие-нибудь важные отпечатки.

Тем временем в кухню проскользнул коротышка – сосед Сэма по столику и, таращась по сторонам, принялся бормотать что-то в свой микрофон.

Сэм Йетс был далеко не спокоен, просто он привык не давать волю эмоциям, полагаясь только на рефлексы, приобретенные в Центральной Америке. Конечно, это было не его дело, но он все-таки схватил коротышку за отвороты куртки испачканными кровью руками и прижал его к стене.

– Какого черта ты здесь делаешь, приятель? – рявкнул он ему в лицо. – Убирайся, или я тебе...

Хотя что он мог ему сделать? Этот фермер со Звездного Девона (если он действительно оттуда) был явно напуган и совсем не походил на обыкновенного зеваку. Он продолжал нашептывать безжизненным голосом, словно робот:

– Женщина в углу жива и невредима, находится в шоке. Мужчина лежит на полу и не шевелится. Другой...

– О Господи! – опомнился Йетс и разжал руки, отпуская его. Это же всего лишь жалкий перетрусивший фермер, которому он, Сэм Йетс, только что погубил костюм, а себе – карьеру офицера Безопасности, ибо вмешался не в свое дело. Сесиль была бы рада узнать, как бесславно началась служба на Луне ее бывшего мужа.

Йетс достал из потайного внутреннего кармана личную карточку сотрудника Безопасности и прижал ее к плате телефона. Вместо того чтобы набрать свой личный номер, он надавил на красный треугольник – вызов Службы Безопасности.

За его спиной, спотыкаясь, бродил по кухне этот проклятый фермер и с видом слабоумного бурчал в свой микрофон. Время от времени он оттягивал окровавленную ткань куртки, очевидно опасаясь, что кровь просочится насквозь. Возмещение убытков будет стоить Сэму месячного оклада, если только у него будет оклад после нанесения столь серьезного морального ущерба уважаемому члену общества.

– Служба Безопасности, офицер Гомес, – с сильным испанским акцентом произнес женский голос.

Ниша в стене, где висел телефон, была рассчитана на большой обзорный экран, но этот аппарат не передавал изображения, как и большинство других местных телефонов. Конструкторы не учли неизбежного притока населения на Луну, и кабели, проложенные в

толще скал, были рассчитаны на число абонентов, которые жили здесь еще в двадцать втором веке. С тех пор прошло уже семьдесят лет, все линии были перегружены, и никто не хотел связываться с прокладкой новых.

За дополнительную плату можно было получить в пользование канал изображения, но стоило это безумно дорого, и мало кто раскошеливался. Те же немногие счастливчики, у которых была видеосвязь, могли, как правило, созерцать лишь изображение хорошенькой телефонистки на коммутаторе.

– Инспектор Сэмюэл Йетс, – произнес Сэм, наклоняясь к отверстию микрофона. Аппарат был повешен низко, явно не рассчитывали на его рост. – Вы получили сигнал тревоги из» Мулен Руж «, Центральный Сектор? Здесь четыре трупа и женщина в шоке, так что побыстрее...

Человечек со Звездного Девона выскользнул из кухни. Дверь осталась открытой, и на пороге появилась девушка с калейдоскопическими линзами. Она явно прислушивалась к тому, что говорит Сэм.

– ...пришлите кого-нибудь, не откладывайте до следующей смены.

– Минутку, – произнес голос из динамика. Диспетчер проверяла, есть ли поблизости свободные сотрудники.

Девушка неотрывно смотрела на Сэма все то время, пока он ждал ответа диспетчера. Может быть, она просто боялась отвести взгляд, чтобы не увидеть лужу крови? Не похоже. Ее лицо было бесстрастно, подбородок тверд – полный триумф воли над эмоциями. Это удивило Йетса, немногие неподготовленные люди могут оставаться спокойными при виде стольких трупов.

– Ожидайте прибытия патрульного отряда, сэр, – произнесла наконец диспетчер напевным голосом, прерываемым потрескиваниями из динамика – телефон плохо переносил влажную и жаркую атмосферу ресторанной кухни. – Медицинская бригада прибудет, как только будет возможно. Извините, в эту смену слишком много вызовов.

– Хорошо, я жду, – ответил Йетс, засовывая карточку обратно во внутренний карман.

– Значит, вы из Службы Безопасности? – произнесла девушка у него за спиной. Голос у нее слегка дрожал, видимо, она все же напугана. Наверное, считала его убийцей. – Как вы здесь оказались?

– Я спросил у начальства, где тут есть хороший ресторан, мне посоветовали этот. – Сэм едва сдерживался, его коробил ее обвиняющий тон.

Дома быть офицером Безопасности значило носить высокие ботинки и ходить, помахивая дубинкой. Йетс проработал год, а потом устал, видя, как вытягиваются лица знакомых, когда он упоминает о своей профессии. Произношение у этой девушки американское, и она явно считает, что он во всем этом замешан.

– Теперь вы знаете, кто я, – сказал Сэм. – А вы-то кто?

Он посмотрел через ее плечо в зал ресторана. Там оказались только двое перепуганных индийцев. Все остальные убежали, даже в коридоре никого не было видно.

Официант все так же неподвижно лежал поперек перевернутого стола. На его измазанном кровью лице было написано предсмертное удивление.

– Я – доктор Элинор Брэдли из Нью-Йоркского университета, – ответила она с вызовом. – Аккредитована при Генеральном Секретариате. Мои исследования заинтересовали кое-кого в Секретариате и в правительстве моей страны.

« Не лезь не в свое дело, вонючий коп », – прочел ее мысли Йетс. Она права, это действительно не его дело. Забавно, что они оба так думают.

По коридору подъехала открытая машина с четырьмя патрульными. Йетс бросился им навстречу и по дороге налетел на стол, который от столкновения со страшной силой врезался в стену и развалился на куски.

Индийцы забились в угол, опасаясь, видимо, новых сюрпризов от здоровенного парня, не избавившегося от земной неуклюжести.

Из машины выпрыгнула светловолосая женщина-лейтенант и приложила к дверному

устройству свою личную карточку, не толще Сэмовой. Она подозрительно взглянула на Йетса. Нет, это был не лучший его день, впрочем, тем четверым арабам повезло еще меньше.

– Я просто обедал здесь, – объяснил Йетс, вручая ей свою личную карточку. Он прочитал фамилию лейтенантши на нагрудном кармане – Есилькова. – Из этого парня вытекло столько крови, словно ему враз вскрыли все вены. Выстрела не было. Еще три трупа – на кухне, там же женщина в шоке.

– Тодд, Шедрон! – Лейтенантша махнула рукой, и двое патрульных направились в сторону кухни. Держалась она очень уверенно. Йетс был на две ступени старше по званию, но сейчас он выступал в роли простого свидетеля.

Третий патрульный уже возился возле трупа официанта, доставая переносной диагностический прибор из сумки.

– Так, четыре насильственные смерти, – пробормотала лейтенант Есилькова, оглядывая зал, Йетса, индийцев, смилившихся, по-видимому, с неминуемой гибелью, Элинора Брэдли. – А медицинская бригада прибудет только через час! – И она выругалась по-русски.

– Ах, да! – спохватился Йетс. – Вот эта женщина, ее фамилия Брэдли, говорит, что она доктор.

– Я антрополог, инспектор, – торопливо проговорила Брэдли, испепелив взглядом Йетса. – И ничем не могу помочь вам, разве что поговорить с той женщиной на кухне...

Есилькова с легким презрением посмотрела на черноволосую красавицу, обратившуюся к ней не по званию, и отрезала:

– Спасибо, мы сами справимся.

Она рассеянно ткнула ногой диагностический прибор и буркнула:

– О женщине позаботится Тодд.

Третий патрульный уже разложил аппаратуру возле трупа и опутал тело официанта серебристой сетью датчиков. Острие каждого из них сквозь одежду касалось кожи.

– Прибор показывает, что смерть наступила семь с половиной минут назад, – заявил патрульный. – Если только у покойного не было повышенной температуры перед смертью.

– Он вопросительно посмотрел на Йетса.

Тот развел руками, показывая, что не имеет ни малейшего представления о предсмертном состоянии официанта. Он совсем забыл, что руки у него в крови, пока не заметил, что Брэдли и двое полицейских внимательно его разглядывают.

– Э-э, видите ли, я его подхватил, когда он начал падать, – смущенно пробормотал Сэм. Похоже, обстановка несколько разрядилась.

– Понятно, – проговорила лейтенантша, нарушая неловкое молчание. Она махнула левой рукой, приказывая подчиненному вернуться к работе. Йетс заметил, что правую она постоянно держала на кобуре игольчатого станнера. – Здесь еще кто-нибудь был, когда это произошло?

– Конечно, – влезла в разговор Брэдли, хотя спрашивали вовсе не ее. – Все места за столиками были заняты.

– Вот их было шестеро, – медленно начал Йетс, показывая на индийцев. Проклятое бабье! Всюду лезут! – Поднялась паника, и все, кроме этих, сбежали. Но их будет легко отыскать по отпечаткам пальцев.

Хорошо бы этого психа со Звездного Девона не нашли или нашли бы, когда он уже забудет, как с ним невежливо обошлись.

– Никаких следов укола, – хмуро сказал патрульный, глядя на сине-зеленую шкалу прибора. – Я проверял трижды, проводимость меняется только там, где кровь попала на кожу.

– Ксао, мне нужна копия на пленке, – раздраженно бросила Есилькова. Потом уже более спокойно обратилась к Йетсу: – Сэр, не могли бы вы...

– Соня, пленка закончилась, – подал патрульный голос откуда-то снизу. – Копию можно будет сделать только по возвращении на станцию.

Лейтенантша снова выругалась. Йетс уловил только интонацию, но по лицу Брэдли

понял, что та при желании могла бы перевести замысловатую русскую фразу. Говорят, отвратительный язык. Неплохо бы его выучить и пользоваться, когда попадешь в очередную передрагу.

Один из патрульных вывел из кухни женщину. Она все еще находилась в шоке. На абсолютно белом, без единой кровинки, лице сияли безумные голубые глаза. Полицейский бережно поддерживал ее за талию, отчего оба напоминали влюбленную парочку.

Сам полицейский выглядел тоже весьма неважно. Йетс вспомнил, как он сам избавился от завтрака, впервые попав в подобную ситуацию. Кстати, ему было тогда столько же лет, сколько этому парнишке.

– Никто к ним не входил, лейтенант, – сквозь зубы произнес патрульный, борясь с приступом тошноты. – Все случилось неожиданно.

Он снял фуражку свободной рукой и вытер лоб. Поддерживаемая им женщина что-то тихонько бормотала на незнакомом языке.

– Простите, лейтенант, мне чуть не стало плохо, – извиняющимся тоном сказал патрульный. – Вообще она говорит по-английски, но сейчас что-то лопочет по-своему. Тодд думает, что это не арабский.

При этих словах Брэдли с победным видом посмотрела на Есилькову, но удержалась от снисходительной улыбки. Сэм отметил про себя, что антрополог и этот язык наверняка знает.

– Ну ладно, – сказала лейтенантша, сурово глядя на молодого патрульного и оставив без внимания неприязненный взгляд Брэдли. – Главное мы знаем. Видимо, это яд...

Тут она неуверенно посмотрела на Йетса, как бы обращаясь к нему за поддержкой.

– Что это? Самоубийство?

Сэм кивнул в ответ, начиная испытывать симпатию к этой женщине, показавшей, что нуждается в его совете, но не успел ничего сказать.

Ксао оторвался от своего прибора и произнес:

– Это не яд, Соня. Вирус.

– Что?

– Вирус, – повторил патрульный спокойным голосом, словно речь шла о чем-то будничном, а не о смерти. – Клетки легочных альвеол совершенно разрушены. Сплошная каша. Когда, говорите, это произошло?

Ксао смотрел на Йетса. Все смотрели на Йетса, на его руки, испачканные кровью официанта.

Ксао вскочил на ноги, одновременно выхватывая из сумки маску с осмотическим фильтром, и торопливо натянул ее. Все остальные невольно отшатнулись от Сэма. Он смотрел в призматические глаза Элинон Брэдли и думал, что, жестикулируя во время разговора, он, наверное, касался руками глаз... или губ.

Лейтенант Есилькова сняла с пояса подземный передатчик и подошла к стене.

– Мне плевать, что там у них еще обнаружится, – сказала она, прикладывая антенну к полированному камню. – Нам нужна медицинская бригада, и немедленно.

2. РОКОВАЯ ОШИБКА

Родни Бэтон неплохо зарабатывал как инженер на Земле, но на Звездном Девоне получил звание всего лишь техника четвертого класса, а попросту говоря, мальчика на побегушках, да и в тайной организации его положение было примерно таким же. Поэтому он и оказался на Луне, в штаб-квартире ООН.

Ему платили намного больше, чем он получал за выполнение своих легальных обязанностей, но и риск был соответственный.

Он дрожал от страха. Ему хотелось заползти куда-нибудь в темный угол, подальше от людей, и свернуться там клубочком.

Выбравшись из» Мулен Руж «, он долго бежал, то и дело спотыкаясь. Техник привык к

пятидесятипроцентной псевдогравитации на Звездном Девоне, поэтому здесь, на Луне, ему приходилось несладко. Он понимал, что лучше встать на роллеры, как все нормальные люди, но не мог заставить свое тело подчиниться мозгу, пока организм не переработал огромное количество адреналина, выброшенного в кровь.

До гибели официанта в ресторане Бэтон думал только о деньгах и власти, которые он получит за участие в заговоре. Он понимал, конечно, и раньше, что риск существует, – более того, сам его просчитывал. Но тогда это были всего лишь бесстрастные цифры, вроде данных о производстве зерна. Все сразу изменилось, когда он впервые в жизни столкнулся с легочным кровотечением, увидел пятна крови на столе, на посуде, почувствовал ее запах в воздухе.

Впереди по коридору виднелось что-то вроде развязки. Вращающиеся голубые огни аварийных служб бросали сияющие потоки света на бежевый потолок туннеля, окрашивая его в новые, зловещие оттенки. Частные машины были остановлены, и одетые в униформу шоферы вместе со своими высокомерными хозяевами переругивались с полицией. Большое скопление народа несколько успокоило Бэтона, теперь он видел, что никто не интересуется им. В конце концов, на свете есть вещи поважнее, чем его, Родни Бэтона, секретная миссия, какой бы рискованной она ни была.

Он неловко столкнулся с тремя парнями, разговаривавшими на каком-то восточном языке, которые пытались протиснуться между стеной и шестиместной машиной. Сидевший в ней роскошно одетый шофер громко пререкался с женщиной в скромной униформе дорожной полиции.

Женщина выглядела довольно хрупкой на вид, но специальная программа упражнений для полицейских давала им в условиях пониженной гравитации большое преимущество в силе по сравнению с обычными смертными. Женщина ухватила шофера обеими руками за то место униформы, где к нормальной одежде пришивают воротник, и оторвала его от сиденья, так что его голова высунулась в окно.

– Посмотри вокруг, придурок! – пронзительно кричала она ему прямо в лицо. – Посмотрел? Видишь, что творится? А теперь проваливай отсюда, или одним идиотом на свете станет меньше!

Единственным пассажиром этой машины была толстая негритянка, увешанная золотыми украшениями, которые мелодично звякнули, когда она приподнялась со своего места. Бэтон заглянул через машину, чтобы рассмотреть, что случилось впереди.

Около десятка патрульных отчаянно ругались и размахивали руками, пытаясь направить поток транспорта в объезд. На обочине дороги несколько медиков в белых халатах, взволнованно переговариваясь, сутились вокруг неподвижно лежащего человека. От стоявшей неподалеку на разделительной полосе «скорой помощи» еще двое их коллег тащили носилки.

Пострадавших было трое. Они, должно быть, находились на роллерах, когда это случилось. Перекатывающиеся внизу несущие валики заставляли тела шевелиться, словно жизнь еще не ушла из них. Тюрбан одного мертвеца совсем размотался.

Кровь сплошь покрывала одежду и лица погибших, как будто они побывали в чане с алой краской. Ужасная догадка осенила Бэтона. Он в ужасе оглянулся. Непрерывная лента роллеров во многих местах была запятнана красным, прохожие в общей суматохе этого еще не заметили. Запах крови явственно чувствовался в воздухе.

В крови был вирус. Тот же, что Бэтон принес в «Мулен Руж» в баллончике, спрятанном в одежде. Только одно удерживало техника со Звездного Девона на месте – миниатюрная камера, вшитая в отворот пиджака. Повинуясь закрепившемуся рефлексу, он повернулся, чтобы занять более удобную позицию для съемки, и принялся наговаривать в микрофон:

– Мужчина, женщина, девочка-подросток, – ее покрывало с маленькими жемчужинами лежало на краю тротуара, – в коридоре...

Бэтон взглянул на светящуюся табличку на стене.

– ...в коридоре Д-Д двести один, – продолжил он вполголоса. Время указывать не

требовалось – встроенный микропроцессор делал это автоматически.

Он наклонился так, чтобы камера панорамировала ленту роллеров.

– На движущейся ленте видны свежие следы кровохарканья, следовательно, их смерть наступила несколько минут назад.

Шофер плюхнулся обратно на сиденье. Его пассажирку внезапно вырвало прямо на пестро раскрашенное платье.

Они не ожидали, что крови будет так много. Бэтон, по крайней мере, не ожидал. Его била дрожь, когда он проходил мимо неподвижно лежащего сотрудника Бюро Утилизации, которого вызвали, чтобы остановить движение ленты в этом районе. Лицо мертвеца было покрыто крупными каплями предсмертного пота.

Этот тоже готов. Но все они должны были умирать тихо, быстро и незаметно, как морские свинки... А вместо этого – кровавое месиво. Бэтон только однажды видел нечто подобное, когда вскрыл грудную полость живого голубя. Кровь, везде кровь, ярко-алая, кишася вирусами.

Кровь на Родни Бэтоне, на его одежде, на коже.

А может быть, и в его легких.

Техник снова бросился бежать, но теперь на него уже точно никто не обращал внимания. Машина, которую остановили полицейские у кордона, на огромной скорости обогнала его. Мелькнуло искаженное ужасом лицо шофера. Другие пешеходы тоже ускоряли шаг, поминутно оглядываясь на страшное место, которое они только что миновали.

– Д-Д двести три, – бормотал на бегу Бэтон. – Д-Л девятьсот девять.

По ближайшей к тротуару полосе мчалась «скорая», заполняя коридор двухголосым ревом сирены и блеском голубого маяка. Бэтон, зазевавшись, едва не оказался под колесами. Чтобы не зацепить его, водитель вывернул машину на тротуар. Совершенно потеряв над собой контроль, Бэтон рванулся вперед, не слыша проклятий, которыми осыпал его водитель.

Лежащий на носилках в «скорой» араб с перемазанным кровью ртом уже умер, поэтому водителю не следовало так торопиться.

Бэтон решил, что вирус попал в систему вентиляции ресторана и с током воздуха был занесен в ближайшую очистительную установку. Это могло объяснить смерть семейства на Д-Д двести один – они, очевидно, проходили мимо «Мулен Руж». Правда, оставалось непонятным, как заразился араб, которого увезли на «скорой».

Аэрозольный баллончик, лежащий в кармане у техника, был теперь пуст. Его зарядили смертоносным содержимым при отрицательном давлении, а затем внешняя поверхность была тщательно простерилизована ультрафиолетом.

Видимо, еще до того, как баллончик был разряжен в ресторане, произошла утечка, или вирус стал распространяться какими-то неучтенными путями. Если они – он и его начальство – не учли этого, возможно, они допустили и другие ошибки.

– Л-Л пятьсот тридцать один, – автоматически шевелил губами Бэтон.

Шлюзы для выхода на поверхность располагались во многих местах колонии, но технику был нужен только один из них.

Для удаления всевозможных отходов здесь до сих пор использовались обыкновенные насосы и трубы, проходящие по поверхности. На Земле с этой целью уже давно применялись гравитационные коллекторы, спрятанные под мостовыми. Зато для насосов требовалось меньше энергии, к тому же, располагаясь на поверхности, они не занимали дорогого подземного пространства.

Канализационные трубы, так же как и проходящие параллельно им водопроводные и воздушные линии, искусственно подогревались, но тем не менее время от времени замерзали. Иногда они забивались осадком, и тогда происходил разрыв. В вакууме их содержимое мгновенно замерзало и смотрелось очень красиво, напоминая причудливые пики, особенно при лунном закате.

Именно поэтому сотрудникам Бюро Утилизации необходимо было иметь доступ на

поверхность. Они, конечно, старались покидать безопасные подземные туннели как можно реже, только когда было абсолютно невозможно исправить повреждение изнутри. Бэтон собирался использовать шлюз для своих целей.

Мозг Бэтона снова работал как хорошо отлаженная машина. Если бы он позволил сейчас эмоциям взять верх, он бы с диким криком принялся срывать с себя испачканную зараженной кровью одежду.

Трупы в туннелях и мертвец в «скорой» показали, что все это бесполезно. Если бы он поддался панике и отказался от выполнения задания, можно было бы распрощаться с мечтой о богатстве и власти, ради которых он поставил на карту свою жизнь.

– Л-Л пятьсот тридцать девять, – машинально пробормотал он, вступая на следующую секцию движущейся ленты, и только секунду спустя понял, что это было то самое место.

Бэтон повернулся и перепрыгнул на ленту, двигавшуюся в противоположном направлении. Он неловко оступился и столкнулся с двумя военными в аргентинской форме, сплошь увешанными медалями. С тех пор как он увидел «скорую» на Д-Л девятьсот девять, он как бы забыл о существовании других людей.

Двое латиноамериканцев не собирались прощать штатского невежу. Один из них с силой, говорившей, что он совсем недавно прилетел с Земли, толкнул Бэтона. Незадачливый техник отлетел на разделительную полосу, успев заметить, что второй военный лезет за пазуху. Выпуклость под мышкой означала, что он вооружен игольчатым станнером.

Бэтон лежал на неподвижной части тротуара и смотрел, как роллеры уносят аргентинцев. Овернувшись назад, они выкрикивали оскорбления на испанском. Оказавшиеся поблизости люди с любопытством наблюдали за ссорой.

Техник медленно поднялся на ноги и, шатаясь, подошел к двери шлюза. Хорошо бы у этих аргентинцев была арабская кровь! Они были достаточно смуглы и жирны, чтобы предположить это. Начальству не стоило ограничивать эксперимент только арабами. Надо было уничтожить всех черных, все эти отбросы, из-за которых чистокровному англичанину приходилось рисковать жизнью на орбитальной станции.

И выполнять опасную секретную миссию на Луне.

Бэтон подошел к двери шлюза, осторожно переступив через движущуюся ленту. Он по-настоящему испугался аргентинцев, которые, видимо, посчитали, что задето их мужское достоинство. Они вполне могли искалечить его, а то и убить – в сущности из-за пустяка. Опасность и так подстерегает его на каждом шагу, а тут еще эти безмозглые кретины, разгуливающие с оружием. Дверь шлюза ничем особым не отличалась – листы металла, покрытые напыленным стеклом. За такими же дверьми хранились щетки для уборки тротуаров.

Снаружи на двери стоял номер – 137 и перечеркнутый кружок, означавший, что вход воспрещен. Английское выражение «Посторонним вход воспрещен» понимало процентов девяносто населения колонии. Для остальных десяти пришлось бы продублировать эту надпись на сотне различных наречий.

Дверь была заперта, но африканер дал Бэтону простой магнитный ключ. Этот ключ передал ему главный инспектор Бюро Утилизации, заверивший, что в течение недели данным шлюзом не будут пользоваться. За это ему заплатили столько, сколько он не получал на своей работе за месяц.

Конечно, не было полной гарантии, что в шлюзе 137 не появятся рабочие, если в этом месте произойдет авария, но особо опасаться их не стоило. Рабочие примут Бэтона (как и инспектор Бюро Утилизации, кстати) за контрабандиста, но не станут вмешиваться не в свое дело, ибо этим должна заниматься Служба Безопасности. И они были бы совершенно правы. Бэтон действительно занимался контрабандой. Его товаром была информация.

Он открыл тонкую дверь, вошел и задвинул за собой засов. Внутри тусклая лампа едва освещала шероховатые стены.

Единственный способ послать сообщение с Луны – воспользоваться общественной системой коммуникаций. Скальная порода трехметровой толщины, отделявшая колонию от

поверхности, не только защищала от космической радиации, но и поглощала все радиоволны.

Информация, которую собрал Бэтон, не могла дожидаться, пока он доберется до Звездного Девона, тем более что между Луной и этой орбитальной станцией не было челночного сообщения. Кроме того, его начальство не доверяло официальным каналам передачи данных.

Оставался только один способ – послать сообщение непосредственно с поверхности Луны.

По ржавой железной лестнице техник добрался до внутренней двери шлюза и повернул колесо замка. После короткой паузы, пока механизм определял, не открыта ли внешняя дверь, раздался щелчок. Проход был открыт. За дверью начиналась узкая вертикальная шахта. В ней было тесновато даже теперь, когда Бэтон не был нагружен громоздким лазерным передатчиком, который он спрятал в шлюзе еще раньше, как только приехал.

В шахте воняло какой-то гнилью. Бэтон дрожащими пальцами закрыл засов внутренней двери. В стойке у стены он увидел четыре универсальных скафандра. Они были разных размеров – от самого маленького до рассчитанного на великана. Скафандр пригодится ему позже.

Передатчик выглядел как обыкновенный ящик с инструментами. Он стоял на полке и ничем не выделялся среди других ящиков. Бэтон привез его со Звездного Девона. Чтобы передатчик по ошибке не унесли, он приварил титановую обшивку к металлической полке высоковольтным разрядом.

Бэтон отпер замок ящика с помощью магнитного ключа, внешне выглядевшего так же, как тот, которым он открыл дверь. Паучьи ноги передатчика и антенна были сложены для экономии места. Холодок металла успокоил его. Он только сейчас осознал, насколько боялся не обнаружить прибора на месте.

Бэтон вытащил передатчик и осторожно поставил его на пол. Потом извлек видеочип из браслета часов. Повинуясь внезапному порыву, техник сорвал с себя твидовую куртку с кровавыми пятнами и забросил ее в угол. Дрожащими пальцами он разломал пломбу на записывающем устройстве и вытащил микросхему с записью.

Сначала он перешлет всю информацию и избавится от нее. А потом будет долго-долго мыться в воде с антисептиком, пока из его памяти не исчезнет сотрудник Безопасности, хватающий его окровавленными, зараженными руками.

Бэтон аккуратно вставил микросхему с записью в передающее гнездо. Он был очень близок к успеху, к завершению, к спасению и не мог позволить своему дрожащему телу подвести его.

Микросхема легко встала на место.

Бэтон выпрямился, злясь на себя за головокружение и потные ладони. Он не ел уже слишком долго. Ничего, скоро он будет вознагражден.

Он подошел к стойке и потянул на себя крайний скафандр, самый маленький. Воздушная трубка и провода скафандра были зажаты в специальных держателях. Он высвободил их. Скафандр был тяжел, Бэтон с трудом удержал его. Микромагниты придавали его оболочке жесткость, но как только находящийся внутри человек начинал двигаться, серворецепторы давали команду на снижение жесткости.

Белая поверхность скафандра была покрыта пылью, глубокая царапина пересекала забрало шлема. Если смотреть прямо на солнце, из-за нее могут возникнуть блики. Такая неаккуратность была неприятна для Бэтона. В его мастерской на орбитальной станции всегда царил образцовый порядок, но привередничать сейчас было некогда.

Бэтон тяжело дышал. Он знал, что опытные рабочие открывают скафандры, когда те еще находятся в стойке, используя силу сервомоторов, чтобы облегчить процедуру одевания. Но сам техник на это не решался, боясь повредить воздушный загубник: если клапан не сработает, то пустота убьет его, едва он откроет шлюз. Он поставил скафандр вертикально на пол, при этом правая перчатка легла прямо на ручку передатчика. Микромагниты

фиксируют все суставы скафандра.

Бэтон нажал кнопку выключения микромагнитов под левым рукавом. Он уже пользовался раньше жесткими конструкциями и помнил отвратительное ощущение, когда внутренняя оболочка, расширяясь, охватывает все тело ниже шеи. Он избавился от куртки, но вся остальная одежда и кожа тоже были загрязнены. Частицы крови и мокроты, содержащие вирус, могут...

Скафандр внезапно открылся, и из него прямо на Бэтона выпал араб в оранжевой одежде. Вся внутренняя поверхность шлема была покрыта кровью, которую несчастный выкашлял в последние мгновения своей жизни.

Бэтон взвизгнул и отскочил назад. Споткнувшись, он повалился на стойку со скафандрами. Он снова завизжал, приняв их за трупы. Возможно, там действительно были трупы других арабов, которые умерли, не успев выбраться отсюда.

Он позабыл о своей задаче, о своих мечтах, видя только искаженные мукой лица, выкашливающие в него кровь. Он не представлял, что будет столько крови.

Трясушимися руками техник открыл запор. Он не думал о том, что будет делать после того, как выберется отсюда. Его дикий вид неминуемо должен был привлечь внимание, а оставленная в шлюзе куртка могла послужить уликой. Но Бэтон был уже не в состоянии поднять ее и спрятать, так же как и надеть скафандр, в котором погиб человек.

Тишина, наступившая после того, как заслонки перекрыли воздушные трубы, должна была насторожить его, но он был слишком испуган, чтобы прислушиваться. Бэтон так и не понял, что он открыл наружную дверь, пока воздух со свистом не вышел из шлюзовой камеры, а водяной пар не замерз веером сверкающих снежинок.

Но тогда уже было поздно даже кричать.

3. АФРИКАНЕР

Когда изрыгающий кровь официант повалился на его столик, Пит ван Зелл понял, что они победили. Не сегодня, но очень скоро он отправится домой, на ферму возле Питермарицбурга, где родился, или в любое другое место Южной Африки, где они с ребятами решат поселиться. Они будут единственными, кто подготовился к грядущему.

Важно было лишь сойтись в цене. Переговоры вели другие люди, но ван Зелл не сомневался, что все деньги будут выплачены им сполна, какой бы внушительной ни оказалась сумма.

Рослый африканер поднялся, стряхнул с бороды воду, пролитую официантом, когда тот, падая, разбил стакан. Женщина, сидевшая напротив, с ужасом смотрела мимо него. Вскинув руки, она как бы пыталась оттолкнуть перепачканного в крови мужчину, который успел подхватить умирающего официанта.

Ван Зелл посмотрел на лежащего араба. Мертв вне всяких сомнений. Он выкашлял не меньше кварты крови. Ошибиться было невозможно, стоило только вспомнить того человека в скафандре, из поврежденного клапана которого со свистом уходил воздух: он успел лишь вскрикнуть.

Ван Зелл был африканером – эмигрантом из Южной Африки и в своих скитаниях по странам черных много раз видел подобные смерти.

Их раса отличалась мужеством и умом, а когда их лишили родины, у них остались только их жизни. Цивилизованные страны презирали африканеров, потому что они были из третьего мира. Их голландские предки начали колонизацию юга Африки в начале шестнадцатого века, и в это же самое время племена, говорившие на банту, двинулись на юг, в край, который позже назвали Трансваалем.

Два могучих народа вытеснили коренных жителей в буш, с тех пор их называли бушменами. Между пришельцами – голландцами и банту («кафраами», на языке белых) началась война, белые победили и покорили черных. Такова была воля Божья.

Силы сатаны нарушили их покой, повернув весь мир против Южной Африки. Враги

снабдили автоматическим оружием племя, которое стояло в своем развитии лишь на ступень выше, чем обезьяны. Только потом африканеры поняли – Господь послал испытание своему народу, а теперь собирался снова обратить свое лицо к нему.

Бэтон, техник со Звездного Девона, дрожа, наклонился над трупом официанта. В лацкан его куртки был вшит видеочип, и сейчас он записывал все происходящее. Тридцать сверхминиатюрных линз обеспечивали почти такую же четкость изображения, как и обычная промышленная аппаратура. Картинка не искажалась, даже если все устройство сгибалось при движениях ведущего запись человека.

Техник должен будет сделать научный отчет о происшедшем, но это уже не имело особого значения ни для африканера, ни для тех, кто его послал. Оружие работало, и ван Зелл доложит об этом. Как оно работало – неважно. Его предки не знали баллистики и литейного производства, когда своими длинными мушкетами сеяли смерть среди кафров на Кровавой реке.

Высокий светловолосый посетитель вбежал в кухню, Бэтон направился за ним, двигаясь, словно неисправный робот. Ван Зелл встал и пошел к выходу. У стеклянной двери, ведущей в ресторан, столпилось множество любопытствующих. Их лица сбивали с толку африканера, наводя мысли о том, что его оружие не сработало. Он так боялся, что их эксперимент провалится, он был уверен, что он провалится. От волнения он не мог есть то, что принес официант-араб, а ведь это была очень дорогая еда, а не пластиковые тубики с белковой начинкой – его обычная пища. Успех был оглушающим и кровавым, все обернулось к лучшему.

Африканеры работали на строительстве большинства орбитальных станций, особенно много их было на научной станции в районе пояса астероидов. Эта станция олицетворяла усилия всех наций Земли, планеты, где африканерам не было места. Земля отвергла этот народ, и космос стал их домом. Их добродетели – отвага, самоотверженность и вера в Бога поддерживали их, когда мир рухнул, и они приспособились к новой жизни.

Африканеры были молчаливы и замкнуты, они никогда не сходились с другими рабочими, несмотря на страшную скученность: во время стройки народу на квадратный метр приходилось больше чем в тюрьмах третьего мира, хотя при этом создавались просторные рабочие и жилые помещения для будущих колонистов. Щедрые во времена изобилия, африканеры становились скупыми в период лишений. При необходимости они могли переносить любые испытания.

А главное, они были упрямы и шли к своей цели, невзирая на любые препятствия, не слушая ничьих советов. Это свойство могло и погубить их, и спасти.

Ван Зелл привык к скученности, но не привык к чужакам. В массе незнакомых лиц, таранивших на него через дверь, ему почудилось что-то сатанинское. Он вскрикнул, прежде чем понял, что все эти люди смотрят не на него, а на мертвого официанта за его спиной. Крик высокого африканера привел в движение всех остальных остолбеневших от ужаса посетителей, как удар бильярдного шара по пирамиде.

Индийские дипломаты вскочили со своих мест. Двое из них прижались к стене, остальные с воплями устремились к выходу во главе с женщиной в сари.

С силой, которую трудно было предположить в столь изящном создании, женщина ударила плечом в дверь аварийного выхода, но из-за скопления любопытных она открылась не больше чем на ладонь. Индианка закричала что-то на непонятном языке, и ее яростный голос заставил зевак отпрянуть.

Дверь распахнулась, и Пит ван Зелл выбежал наружу, оттолкнув индийцев.

Движущиеся ленты шли по главному коридору в обоих направлениях, пересекая всю колонию. Роллеры переносили людей со скоростью семь километров в час. Тот, кто торопился, мог еще бежать по ним, увеличивая таким образом скорость движения вдвое.

Роллеры требовали относительно много энергии, но здесь недостатка в ней не ощущалось. Спутник с гигантским параболическим зеркалом, вращающийся по орбите вокруг Луны, посылал отраженный луч Солнца на поля батарей в любое время лунных суток.

Система работала бесперебойно, только иногда приходилось корректировать орбиту спутника из-за влияния гравитации Земли.

Ленты требовали больше энергии, но меньше пространства по сравнению с индивидуальными средствами передвижения. Теоретически для удовлетворения транспортных нужд колонии достаточно было построить несколько движущихся лент и пробить туннели для машин аварийных служб.

На практике же приходилось считаться с послами и главами делегаций, которые финансировали колонию и Службу Безопасности тоже, а она стояла за запрещение частного транспорта.

В результате выработался компромисс, довольно неудобный для обеих сторон, как это обычно и бывает. Каждой делегации специальным предписанием было позволено иметь два транспортных средства. Но поскольку в ООН входили сто шестьдесят стран, легко представить, сколь катастрофической была бы ситуация, если бы каждая делегация действительно завела себе по две машины.

Около «Мулен Руж» были припаркованы три открытых шестиместных автомобиля, четвертый удирал на максимально возможной скорости. Из ресторана выскочили двое европейцев и тоже приказали своему шоферу немедленно уезжать.

Ван Зелл физически ощущал на себе взгляды толпы, заставлявшие его поеживаться, словно он стоял под холодным душем. Благодаря своему росту и мрачному виду он легко пробился сквозь скопление зевак, несмотря на то, что его некогда могучая мускулатура теперь атрофировалась и более подходила для жизни в невесомости.

У него было врожденное чувство ориентировки, обостренное годами опасной работы в вакууме, где умение запоминать расположение предметов часто оказывалось решающим для выживания. Этой дорогой ван Зелл шел лишь однажды и то лишь в противоположном направлении, тем не менее он уверенно выбрал южную ленту позади ресторана. По пути он припомнил то место, где движущаяся лента закончится и ему придется сделать пересадку.

Ван Зелл выполнял свою задачу, и чувство растерянности пропало бесследно. Он с отвращением оглядывался по сторонам.

Движущиеся ленты были переполнены, много было женщин, одетых по разной моде, звучала разноязычная речь. Когда-то давным-давно, двадцать лет назад, ван Зелл был женат, но все кончилось, когда колонна грузовиков с женщинами и детьми, направлявшаяся в Дурбан, где было спасение, попала в засаду.

И женщины, и дети постарше сражались, как в дни Великого Переселения... а когда нападавшие ушли и увели пленников, выжившие завидовали павшим, чьи тела догорали в сожженных грузовиках.

Ван Зелл был в то время со своим подразделением на границе с Анголой. Когда они вернулись, чтобы отомстить, с севера – из Анголы, Зимбабве, Мозамбика вторглись мятежники на русских танках. Партизаны не могут выиграть войну, но в Южной Африке, как до того в Южном Вьетнаме и оккупированной Франции, иррегулярные части отвлекали на себя силы армии, посланные на подавление мятежа.

Пит ван Зелл не умер тогда, но с тех пор женщины вызывали в нем тяжелые чувства, в которых он никогда не пытался разобраться.

В центральной части колонии стены представляли собой ничем не покрытую горную породу, камень был лишь отполирован, а в нужных местах – пробиты арки для дверей. Низкая сейсмоактивность Луны гарантировала безопасность подземных сооружений, которые по земным меркам и так были спроектированы с излишним запасом прочности.

Гостиничный комплекс построили совсем недавно. За недолгую историю колонии он уже дважды переносился на новое место, каждый раз все более удаляясь от центра, где свободное пространство стоило очень дорого – частично из-за того, что путешествие с окраины на окраину по коридорам было довольно долгим.

По мере приближения к двухсотметровому зданию гостиницы однообразная обстановка постепенно менялась. Коридоры расширялись – это было сделано для удобства

обслуживающего персонала и увеличения числа лент, когда это понадобится.

Стены здесь были укреплены поясами из титана (его добывали из лунного иленита в огромных печах, работавших на солнечной энергии) и отделаны пористым кварцем пастельных тонов с преобладанием бежевого. Вся конструкция внешне напоминала внутренности орбитальной станции, но здесь титановые пояса служили не для противодействия центробежной силе, а для укрепления подверженных гравитационной нагрузке стен.

Внешняя граница этого огромного сооружения была сделана с использованием новой технологии. Вместо того чтобы пробивать туннели, породу частью взорвали, частью расплавили с помощью фокусированных параболическими зеркалами солнечных лучей. Расплавленную массу отсосали по специальным подогреваемым трубам и выбросили поблизости в месте, где в недалеком будущем могли начать новое строительство.

Здание возвели в вакууме, рабочие в жестких скафандрах устанавливали блоки вручную. Ван Зелл работал несколько лет назад на подобной стройке. Там было гораздо тяжелее, чем в космосе, гравитация сводила на нет все преимущества строительства на твердом основании. Стены были покрыты титановой крышей, рассчитанной на большую нагрузку. Запас прочности по стандартам земного строительства был огромен – на Луне даже погнутая балка могла лишиться воздуха целую жилую секцию.

Когда здание было закончено, загерметизировано и проверено, рабочие засыпали его щебенкой, взятой с мест взрывов. Несколько метров щебня служили защитой от космических лучей, то есть выполняли ту же функцию, что многокилометровый слой атмосферы на Земле.

Еще до окончания стройки все пространство внутри здания было распределено. Люди понимали, что нельзя упустить свой шанс: незанятые места моментально незаконно заселялись, а убрать легальным способом непрошенных гостей было нелегко из-за сложной и путаной системы законов колонии.

Пит ван Зелл безучастно оглядывался по сторонам, роллеры несли его вдоль коридоров, отделанных спрессовавшимся от собственного веса камнем.

Зачем только люди сюда приезжают? Их жизнь зависит от работы воздухоустановки, их карьера зависит от милости начальства и тех важных шишек, которые решили, что штаб-квартира ООН должна располагаться на Луне, но в любой момент могут передумать и вернуть ее обратно на Землю. Многие в колонии прекрасно знали, что те, кто обладает реальной властью в секретариате и в аккредитованных миссиях, сумели остаться на Земле. Почему человек упрямо отвергает Землю с ее голубым небом, которую Господь создал для него?

Движущаяся лента не доходила до гостиничного комплекса. Вернее сказать, не довозила до него, ибо ее предпоследняя секция длиной в двести метров не работала. Несколько рабочих в яркой униформе спокойно играли в карты, пока инженеры, архитекторы и администраторы (все в деловых костюмах по последней земной моде) спорили о том, кто виноват и кто будет нести ответственность.

Люди, вынужденные идти пешком по выключенной секции, бросали на спорящих сердитые взгляды.

Ван Зеллу было трудно стоять даже на движущихся роллерах. Теперь, чтобы пройти самостоятельно двести метров, ему требовалось приложить огромные усилия: последние девять месяцев он провел на орбите Марса, где работал на строительстве планетоидов для «Мицубиси». Каждый раз, когда высокому африканеру приходилось заново привыкать к гравитации, он вспоминал свой – нет, их общий – Великий План Возвращения на Землю.

Проблем с незаконными вселениями здесь почти не стало. Среди постояльцев гостиницы было несколько бизнесменов, инженеров по оборудованию, приехавших чинить наиболее сложные приборы, которые не могли быть исправлены местными специалистами.

Все эти «белые воротнички»с трудом переносили присутствие строителей, которые и составляли большинство проживающих. Почти всем нечего было терять на Земле, они

привыкли к тяжелым условиям, нелегкой работе и внезапным, жестоким смертям. Плохо приходилось тому, кто незаконно занимал комнаты, предназначенные для них. Эти суровые ребята сами разбирались с виновными. После таких разборок бесчувственное тело избитого нарушителя выносилось из занимаемого им номера и укладывалось на движущуюся ленту.

Коридор за гостиницей заканчивался тупиком. Свободного места, однако, было много. Там всегда собиралась публика определенного сорта, из тех, кто сбивает с пути истинного мужчин, когда их жен нет рядом.

Проституток и торговцев наркотиками всегда можно было легко отыскать в барах или игорных притонах. К их присутствию здесь относились так же спокойно, как на земных военных базах. В ООН считали, что если проблему нельзя устранить, ее надо держать под разумным контролем. И не отказываться от взятки, которую сует под столом антрепренер.

Никто, разумеется, не осмеливался легализовать подобный бизнес, потому что всегда мог найтись умник, полагающий, что рабочие, покидая Землю, превращаются в святых, и готовый поднять скандал, обнаружив, что это не так.

Решение нашли очень хитрое – права на владение территорией вокруг отеля ООН передали застройщикам. Местность вокруг гостиницы отныне именовалась «площадью, предназначенной для строительства» (на местном жаргоне ее называли «Полосой»). Недовольный тем, что там происходит, мог обратиться с жалобой к застройщикам – международным корпорациям и частным лицам, подчиняющимся законам США, например. Нахала бы быстро поставили на место.

Ван Зелл медленно шел, почти не оглядываясь по сторонам, не обращая внимания на развлекающуюся толпу. Двое мужчин злобно ругались друг с другом по-русски. Каждый тянул к себе за руку смуглого мальчика, выражение лица которого ван Зеллу показалось сначала возвышенным, а потом безразличным.

Африканер равнодушно отвернулся. К ссорящимся направились двое сикхов-полицейских в тюрбанах. Они были вооружены станнерами и носили на плече эмблему своих нанимателей – Тихоокеанской Инженерной Компании. Богатые фирмы имели собственных охранников, без которых место скопления нескольких тысяч людей было бы поражено эпидемией насилия.

Кроме полицейских существовали еще инспекторы. Они проверяли женщин и детей на наличие венерических заболеваний, лечили тех, кого было возможно вылечить, и депортировали тяжелобольных. Они занимались также проверкой наркотиков, не на чистоту, конечно, – это было проблемой покупателей, – а на наличие опасных примесей, вроде стрихнина и каменной пыли, которые увеличивали доход наркомафии ровно настолько, насколько строительные компании его теряли, когда их рабочие, с огромными затратами доставленные на Луну, неожиданно выходили из строя. Алкогольные напитки тоже проверяли, следя, чтобы наряду с традиционным этанолом и ароматическими примесями в них не содержалось разрушающих организм промышленных спиртов.

Игра во всех заведениях шла честно. Ничто так не «способствовало этому, как разгром притона разъяренными обманутыми рабочими...

Ван Зелл редко пользовался услугами проституток. Обычно он покупал черную женщину и много джина, чтобы ненадолго забыться... Когда он просыпался, чувствуя биение крови в голове, перед ним снова всплывали кадры телерепортажа с места резни, где погибла его семья.

Теперь все будет по-другому. Он должен позвонить.

У каждого телефона внеблунных переговоров стояла длинная очередь – не меньше, чем к наиболее популярным проституткам. Он пристроился в одну из них.

За время своей бессрочной ссылки африканер научился терпению. Ему часто и подолгу приходилось ждать: когда товарищи поднимут балку, чтобы он мог приварить ее, когда освободится шлюз, рассчитанный только на одного, когда его подберет своими щупальцами космическое такси... А для развлечения ему было достаточно звезд и собственных мыслей.

Он все еще думал о чем-то, когда стоявший в очереди перед ним мужчина закончил

разговор и вышел из будки, не закрыв за собой дверь.

Из соседней очереди выскочил турок, решивший пролезть впереди ван Зелла. Африканер преградил ему дорогу, ухватившись за стенку будки длинной тощей рукой, и отпихнул наглеца локтем. Все это было сделано чисто машинально и беззлобно. Турку пришлось уступить. Вставляя свою карточку в щель телефона, ван Зелл слышал, как он шумно пытается занять прежнее место в очереди.

Карточка ван Зелла была стандартной, как у всех рабочих в Солнечной системе. Она была прикреплена к его левому запястью мономерным бериллиевым шнурком, который мог растягиваться почти на полметра. Конечно, мономер можно было перерезать, а карточку снять с запястья владельца, но в этих случаях на компьютер поступал сигнал тревоги.

Карточка давала владельцу доступ к его личному файлу, в котором хранилась вся медицинская, финансовая и другая информация. Обычно строительные компании, нанимая на работу, переписывали все данные о кандидате из Центрального архива в Женеве и хранили их в собственных архивах, поэтому у некоторых рабочих было по несколько файлов.

Финансовые данные в файле ван Зелла показывали, что денег на его счету лежало больше, чем он мог бы заработать за десять лет непрерывной работы космическим строителем. Их было достаточно для того, чтобы покрыть его расходы на межпланетные звонки и подкуп любого человека, включая и главу солидной дипломатической миссии.

Африканер начал набирать труднозапоминающийся двадцатизначный номер под непрерывный шорох телефона, продолжающего считывать информацию с карточки. Он с такой силой нажимал на кнопки, словно хотел выдавить их.

Когда сигнал дошел до абонента, в трубке раздались длинные гудки.

Межпланетных телефонов на Луне было немало, но большая часть их стояла в солидных офисах. Здесь, в колонии ООН единственным местом, где имелись общественные аппараты, был гостиничный комплекс.

Цифровой сигнал по оптическим кабелям был передан на микроволновые антенны, расположенные на поверхности Луны. Они, в свою очередь, передали его на один из трех спутников связи, которые постоянно находились на орбите. Оттуда радиоволны могли быть посланы куда угодно – на Землю, на орбитальную станцию, на другую лунную колонию, к поясу астероидов.

Пит ван Зелл не знал, с кем он будет говорить, и не имел представления, где находится его неизвестный собеседник.

– Да? – произнес низкий голос по-английски.

– Это Пит, – ответил ван Зелл на языке африканеров. Потом наступила пауза – радиоволны преодолевали огромное расстояние.

– Продолжайте, – нетерпеливо приказал голос, тоже переходя на африкаанс.

Восемь – десять секунд задержки. Земля или орбитальная станция.

– Здесь все в порядке, – сообщил ван Зелл. – Наши друзья могут продолжать.

Снова пауза, на этот раз более долгая. Когда пришел ответ, в тоне говорящего чувствовался страх.

– То, что сделано, – хорошо. То, что не сделано, – тоже хорошо. Вы поняли меня?

Никакая система кодирования не совершенна. Сообщение невозможно зашифровать так, чтобы мощные компьютеры, перебирая миллионы вариантов, не нашли бы ключ.

Проблему решили другим путем. Африканеры передавали очень короткие сообщения по открытым каналам, но не говорили в них ничего, что подсказало бы постороннему, о чем идет речь. Они не использовали никаких ключевых слов, которые могли бы привлечь внимание подслушивающих устройств, одновременно контролировавших тысячи телефонных разговоров.

– Да, я понял, – слегка раздраженно проговорил ван Зелл. Он не обладал развитым воображением и не мог себе представить, до какой степени его собеседник страшился своими глазами увидеть результаты испытания. – Что теперь я должен делать?

– Ждать.

Ван Зелл надеялся, что ему дадут дополнительные указания, но прошло восемь секунд, и раздались короткие гудки. Он вынул свою карточку из аппарата и вышел из будки, которую тут же заняли.

Придется ждать. Хорошо. Можно поесть в каком-нибудь ресторане неподалеку. Теперь, когда он выполнил задание, он почувствовал страшный голод.

Он устал – физически и морально, но чувствовал огромное удовлетворение, которое было даже больше, чем после секса.

Тем временем вокруг него происходило что-то странное. Один из тех русских, что спорили из-за мальчика, выскочил из специальной палатки. Он был обнажен, белизна его тела резко контрастировала со смуглой оливковой кожей голого мальчика, которого он нес на руках. Все, кроме полицейских, разбежались. Русский что-то кричал. Охранники-сикхи бежали к нему с разных сторон, выхватывая на ходу станнеры.

Кровь капала на землю изо рта мальчика. Его руки и ноги безвольно свешивались вниз, словно тряпичные. Безучастные арабские глаза подернулись дымкой смерти.

Станнеры затрещали, вонзая в тело русского, которого полицейские приняли за убийцу, заряженные электричеством иглы. Пит ван Зелл решил, что, может быть, стоит позвонить еще раз, но потом передумал. Этот случай не выходил за ожидаемые рамки действия препарата.

И кроме того, он был голоден.

4. ЭЛЛА БРЭДЛИ

«Господи, не дай мне умереть, не дай, Господи...»- звучала у нее в мозгу нескончаемая молитва. Она не могла не думать об этом, не могла не вспоминать проклятый ресторан, куда зашла отметить свой день рождения.

Не самый лучший способ веселиться – смотреть, как кто-то выплевывает куски легких.

Она зажмурилась, но перед глазами все равно стоял официант, прижимающий салфетку ко рту. Высокий мужчина бросается, чтобы подхватить его...

Элла Брэдли находилась в ванной у себя дома. Из крана хлестала безумно дорогая горячая вода, а счетчик все щелкал и щелкал, накручивая доллары.

Она прекрасно понимала, что горячая ванна с солями из Мертвого моря не защитит ее от болезни, несмотря на то, что в этих солях, которые ей с трудом достал приятель, содержалось много целебных добавок. Но вода поможет ей избавиться от мучительного ощущения смертельной заразы на теле – по крайней мере, она надеялась, что поможет.

Она еще ни разу не принимала настоящую ванну с тех пор, как приехала сюда, только короткие сеансы мытья под экономическим душем «. Это стоило гораздо дешевле, потому что не пропадала ни одна капля воды. Сегодня она в душ не пойдет. Эти коконы больше всего напоминают пластиковые мешки, в которых возят трупы.

Она кинула ложку морской соли в ванну и опустила руку в воду. Кожа на запястье быстро покраснела.

Она не вытащила руку, несмотря на обжигающую воду, а, сжав губы, сунула ее еще глубже. Жжение скоро прошло, кожу начало покалывать, словно кто-то поглаживал ее шершавой перчаткой.

Элла встала в ванну и скорчила болезненную гримасу. Горячо, но надо терпеть, в конце концов, она платит за это!

Немного привыкнув, она потихоньку стала садиться. От перепада температуры ее бросило в дрожь. Элла осторожно завернула кран.

Она лежала в зеленоватой воде с закрытыми глазами, прикрыв рукою грудь, чувствуя, как приятные иголки покалывают покрасневшую кожу. На стенках ванны осели голубые кристаллы соли. Она снова видела умирающего официанта и светловолосого офицера Безопасности.

Сэм Йетс, поддерживающий окровавленного араба. Сэм Йетс, вбегающий на кухню, откуда мерзко несет горелой человеческой плотью.

Голубоглазая девушка в углу, три трупа в луже крови, опрокинутые тарелки с салатом, кровь на полу и на стене. Смешной коротышка, вошедший на кухню вместе с Сэмом...

Или он зашел туда первым? А может, после Йетса? Теперь не вспомнишь.

Элла Брэдли была антропологом, ученым. Она попыталась трезво пересмотреть все события сегодняшнего дня. Что важное упущено? Надо перестать все время думать о высоком блондине, говорящем по телефону кому-то:» Только не откладывайте это до следующей смены!», пока коротышка проскакивает мимо нее через дверь.

Как глупо она себя вела там, на кухне, задавая Сэму Йетсу идиотские вопросы! Действительно ли он из Службы Безопасности? Почему он здесь? Как будто ей было до этого дело!

Когда-то она видела смерть. Это было давно, в Африке. Она занималась исследованиями южноафриканских племен. Каждый раз, приходя в новую деревню, она не знала, убивают ли там белых или нет... Она была там единственной белой, как и рослый офицер Безопасности, стоявший посреди трупов цветных.

Она открыла глаза и резко села. Потoki воды обрушились на пол. Все, кто умер в ресторане, были цветными. У всех на коже содержалось повышенное количество меланина.

– Минуточку, – сказала она вслух. Она пообещала себе, что не будет звонить в Службу Безопасности и выступать в качестве свидетеля...

Голубые глаза выжившей девушки. Каким образом она не погибла? А этот Йетс, он, наверное, американец. Он скорее, чем русская лейтенантша Есилькова, согласится помочь.

– Помочь чем? – резко спросила она себя. Все снова смешалось... И ведь индийцы в ресторане не умерли.

Но неизвестно, сколько еще зафиксировано смертей. Еще полбеды, если все это связано с пищевым отравлением или с местью – земляне и на Луне не забывали своих старых врагов.

Но она знала, что это не так.» Инспектор, я антрополог и ничем не могу помочь вам, разве что поговорить с той женщиной на кухне...»Всю эту белиберду она сказала русской и получила в ответ презрительную улыбку.

И патрульный с диагностическим прибором сказал что-то Йетсу, а тот в ответ развел своими большими, липкими от крови руками.

Если инфекция так вирулентна, Йетс должен заболеть. Но если он не заболел... Элла Брэдли кусала губы, не замечая, что замерзает после горячей ванны. Надо повидать Йетса. Все умершие были одной расовой группы!

Все. Голубоглазая кабийская девушка не была поражена вирусом. По крайней мере, пока.

Вирус. Аппарат показал это. Элла Брэдли потерла рукой лоб. У нее достаточно связей, чтобы разыскать голубоглазую девушку. Может быть, придется позвонить в Нью-Йорк, попросить помощи. Она прилетела на Луну, чтобы исследовать адаптационные изменения, происходящие в организмах представителей различных рас во внеземных условиях. Она специализировалась не только на Южной, но и на Северной Африке, так что можно на вполне законных основаниях, не вызывая подозрений, расспросить кабийскую девушку.

Если только она решится. Элла вылезла из ванны и потянулась за полотенцем. Если причина смерти – вирус, она уже заражена. Если это какой-то древний яд, симулирующий действие вируса, никому из этих тупоголовых полицейских такое даже не придет в голову.

Завернувшись в полотенце, она вышла из ванной. Надо проверить по компьютеру, не было ли еще похожих смертей. Потом встретиться с кабийской девушкой.

А тогда уже можно будет разыскать сотрудника Службы Безопасности Сэмюэла Йетса, если, конечно, ни он, ни она не подхватят к тому времени заразу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

5. ПОИСК ДАННЫХ

Сэм Йетс сидел в своем маленьком кабинете, бессмысленно таращась на стену. Он задумчиво поджимал губы и барабанил пальцами по столу. Наконец, тряхнув головой, решительно надавил кнопку интеркома.

– Йошимура, – немедленно прохрипел динамик.

– Барни, это Сэм. – Он старательно скрывал неприязнь в голосе. – У нас что, какие-то сложности со списками подозреваемых Интерпола? Я должен был получить их более часа назад.

– Успокойся, Сэм, – весело ответили ему. – Я думал, ты его уже получил. Мы его давно отправили. Наверное, у вас неполадки с компьютером.

– Типун тебе на язык, – горячо пожелал Сэм, разъединяя линию.

– Инспектор Йетс, к вам посетитель. – Раздался незнакомый женский голос из интеркома.

– Что?

– Можно ее впустить? – голос принадлежал Эчеверии, его новой секретарше. Она заменила весьма привлекательную пакистанку, которую Йетс сразу же запланировал сводить в ресторан, как только ему ее представили.

На прошлой неделе это казалось еще возможным... Но, во-первых, у нее оказался муж, сотрудник пакистанского посольства, а во-вторых, их обоих нашли мертвыми в их собственной квартире, где весь пол был забрызган кровью и кусочками легочной ткани – две смерти из пятисот, произошедших за несколько часов.

– Сэр?

– Да, впустите ее... – Господи! Только не Сесиль!

Секретарша отключилась, и на интеркоме зажегся оранжевый огонек. Йетс успел подумать, как ему будут потом говорить:» Сэм, это не твоя жена тут приходила?»

Тонкая женская рука с опаловым перстнем откинула занавеску из пластика, которая по идее должна была лучше заглушать наружные звуки, чем деревянная дверь. Йетс привстал со стула, который немедленно врезался в голографический приемник, занимавший большую часть кабинета. Когда же он, черт побери, привыкнет к низкой гравитации?

– Инспектор Йетс? – произнесла вошедшая, оглядываясь по сторонам. Слава Богу, он ее никогда не видел раньше!

– А мы с вами уже встречались. Несколько дней назад, – сказала она, протягивая ему руку. Она была одета в платье из переливающейся серой ткани, которая стоила недешево, даже если не считать наценку и доставку с Земли. – Элинор Брэдли. В ресторане, четыре дня назад, помните?

– Ах да! Конечно! – воскликнул Сэм, смущенно пожимая ей руку.

Долго же он вспоминал! Проклятье! Такая красивая девушка, а он запомнил только, что она носила призматические контактные линзы, которых, кстати, сегодня у нее не было. Правда, в тот день у него было много других забот.

– Я уверена, что нам есть о чем поговорить. – Она ослепительно улыбнулась, и лицо ее преобразилось, как тогда в ресторане. – Очень рада, что у вас все хорошо.

– Я тоже, – усмехнулся Сэм, вспоминая, как пахли кровью его руки. Но, судя по результатам анализов, это был мертвый вирус, а его, Сэмов, организм не обнаружил никаких отклонений от нормы.

– Никогда еще мне не было так страшно, – угрюмо проворчал он. – Целых тридцать секунд или около того... О, простите, садитесь.

Йетс откинул два складных стула, приделанных к передней панели шкафа с магнитными пленками. Подушки сидений быстро наполнялись воздухом. При такой гравитации никакие подушки, естественно, не требовались, это было лишь данью традиции. Он не сел за стол, потому что в этом случае огромный голографический приемник закрыл бы его от посетительницы.

– Я хотела поговорить с вами об этом, инспектор Йетс, – заявила Брэдли, усаживаясь. Он тоже сел и попытался повернуться к ней лицом, но при этом неловко задел ее коленом по ноге. На ее лице ничего не отразилось, она спокойно отодвинулась.

Да... С такой не пофлиртуешь. Очень жаль.

– Значит, вы участвуете в расследовании? – вежливо спросил Йетс.

Кажется, она представлялась как доктор медицины... Или нет?.. Ничего удивительного, сейчас этим делом занимаются в Комитете все поголовно. Кроме того, каждая миссия сочла своим долгом организовать собственное расследование.

Такой поток детективов отнюдь не облегчал работу визово-миграционного отдела Службы Безопасности, особенно если учесть, что там работал новый инспектор, незнакомый со всеми ходами и выходами. Сэм понимал, что пока приносит мало пользы. Интересно, что говорят о его работе коллеги?

– Нет, я не участвую в расследовании, – ответила Брэдли. – Я понимаю, что вы очень заняты... но... мне надо поговорить с кем-нибудь из Безопасности о том, что произошло в» Мулен Руж»и... повсюду. Кстати, мне очень понравилось, как вы вели себя тогда. Вы здорово действовали.

– Не преувеличивайте, – нахмурился Сэм, который ненавидел незаслуженные комплименты. Четыре дня назад он едва спас свою карьеру со шкурой в придачу, да и то благодаря глупому везению.

– Давайте оставим это... Чем могу вам помочь, учитывая, что я знаю об этом деле меньше, чем вы, потому что не смотрю программу новостей?

– Я, кажется, уже говорила, что занимаюсь антропологией. На Луне моя работа состоит в выявлении изменений, претерпеваемых представителями различных народов, попавшими в искусственную окружающую среду. – Элла шевельнулась на стуле и сама зацепила Йетса коленом. Случайно.

– Я должна удостовериться, – многозначительно произнесла она, – понимают ли в Службе Безопасности, что все умершие четыре дня назад – арабы?

«Прекрасно, – подумал Йетс, старательно сохраняя невозмутимое выражение лица. – Еще одна психопатка на мою голову?!» Теперь он вспомнил, как она тарасилась на него, когда он подхватил официанта, – наверное, думала, что ее драгоценная жизнь в опасности. Как она сумела его разыскать? Теперь придется возиться с ней все утро.

– Мисс Брэдли, – устало произнес Йетс. – Я совершенно уверен, что это не было массовым отравлением, это действительно вирус. Я провел много времени в Центральном госпитале, – как офицер Безопасности, он располагал некоторыми медицинскими данными, которые, в общем-то, его не касались. – Это вирусное заболевание или что-то в этом роде.

– Этот вирус поражает только арабов, – уверенно заявила Брэдли, глядя ему прямо в глаза. Ее нисколько не тронул внушительный тон Сэма. Наоборот, она слегка расслабилась и не так резко отдернула ногу, когда они столкнулись коленями в третий раз.

– Не только арабов, – вежливо поправил ее Йетс. – И, слава Богу, не всех арабов. К примеру, на кухне, в ресторане, погибло трое, а одна женщина, которая была тогда в шоке, осталась жива.

– Айша, их приемная дочь, – подхватила Брэдли, словно заранее ожидала этих слов. – У нее по обеим линиям предки только кабилы, и ни одного араба на протяжении восьми поколений. Она могла остаться на Земле: у нее там дядя, он министр в новом правительстве, но после революции она предпочла отправиться на Луну с мужем. Они так и не вернулись в Алжир.

– Ах, так, – сказал Сэм несколько мягче. Слова Эллы произвели на него впечатление, но он по-прежнему не понимал, чего она от него хочет. Наверное, следует направить ее к кому-нибудь в отдел расследований...

На столе заверещал телефон. Сэм жестом попросил посетительницу подождать и сказал: «Йетс».

На аппарате загорелся зеленый огонек – голосовой код правильный, вызов принят.

– Сэм, – хрипло донеслось из динамика. – Это Барни из коммуникационного отдела. Прости, пожалуйста, каким-то образом твой список попал не на ту линию, и его переслали в двенадцатый сектор...

– Идиот, – вполголоса произнес Йетс, так, чтобы не было слышно в телефоне. Искося он посмотрел на Брэдли. У нее снова был такой же взгляд, как и тогда в ресторане, когда он подхватил умирающего официанта.

– ...а не к вам. Тебе еще нужны эти данные?

– Да! – рявкнул Сэм, наклоняясь вперед, чтобы проверить, включен ли голотанк. – Постой-ка, твои люди проверяли его?

– Естественно. Я сам просмотрел этот дурацкий листок. – Йошимура все-таки серьезно относился к работе.

– Тогда придержи его и пришли мне сначала список погибших, – сказал Сэм, коротко взглянув на Эллу. – Вы уже обработали данные?

Из динамика донесся суховатый смешок.

– Обработали? Можно сказать и так. Я передам их тебе, даже не посмотрев на гриф доступа. Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Не очень.

– Это не удивительно. В конце концов, не всем же быть понятливыми.

– Я...

– Люблю оживить беседу хорошей шуткой, – перебил его Йошимура. – Готовься, я высылаю.

Зеленый огонек на телефоне погас с щелчком. Голотанк начал жужжать. Йетс с раздражением надавил на кнопку «Прием» на его передней панели.

– Это инспектор второй смены, – сказал Йетс для Брэдли, чтобы как-то заполнить наступившее неловкое молчание. – У него есть племянник, так себе парень, он сумел его впихнуть в нашу контору, когда у нас тут была вакансия – до того как я приехал.

И он махнул рукой, едва не задев Эллу по лицу. Проклятая теснота! Стоило так напрягаться, чтобы получить место в этом поганом офисе.

– Меня даже хотели спихнуть куда-то в двенадцатый сектор, хотя сначала твердо обещали работу здесь, в Центре, – продолжал он, стараясь теперь поменьше размахивать руками.

Голотанк весело звякнул, пастельный цвет его экрана изменился. На нем появилось объемное изображение смуглого мрачного человека, вполне похожего на араба. Через секунду его лицо исчезло, появилось другое, потом лица появлялись и исчезали одно за другим – шла загрузка файлов из центрального банка данных.

Голограммы показывали этих людей такими, какими они были при жизни, но Йетс и Брэдли помнили похожие лица, смотрящие в потолок мертвыми глазами в «Мулен Руж».

Йетс нервно покусывал губу. Трудно определить расовую принадлежность по одной голограмме, но он ожидал увидеть изображение какого-нибудь голубоглазого блондина. Тогда можно будет выпроводить Брэдли и заняться своими делами. Но голограммы мелькали одна за другой, и было похоже, что Элла права.

– Наш начальник, – решил продолжить свой рассказ Сэм, чтобы скрыть смущение, – не особенно принципиален. Он был бы только рад спихнуть меня в двенадцатый, но не мог мне приказать, понимаете? Он обязан сначала запросить Нью-Йорк. – Говоря это, Йетс не отрывал глаз от голотанка.

Господи, как их много! Одно дело знать число жертв, и совсем другое – видеть стереоизображения умерших, сменяющих друг друга бесконечной чередой.

– В конце концов вы все-таки получили ваше место? – вежливо спросила Элла. Она, как и Йетс, не отрываясь смотрела на экран.

– Это было не так легко, – охотно пустился объяснять Сэм. – Я выписал из архива кучу всяких папок и расположился со своим хозяйством в коридоре. – Он чувствовал себя немного неловко из-за своего мальчишества, но сам уже увлекся рассказом. – В общем-то,

мое рабочее место можно было обойти при большом желании и при определенной ловкости даже не споткнуться о какую-нибудь часть меня, но, понимаете, – тут он ухмыльнулся, – ноги у меня не из коротких, что едва не привело к жертвам среди персонала.

Его собеседница хихикнула.

– Короче, не прошло и часа, как мне выделили пару помощников, – тут он коснулся ее колена давно запланированным дружелюбным жестом, – и мы торжественно вынесли останки поверженного племянника из моего кабинета.

Они оба расхохотались и на секунду встретились глазами. Элла первая повернулась к голотанку, и улыбка исчезла с ее лица. Она порывисто схватила Сэма за руку.

– Инспектор, смотрите...

– Называйте меня просто Сэмом, – проговорил Йетс и надавил кнопку обратной перемотки. Можно было управлять голотанком и с помощью голосовых команд, но они не всегда срабатывали, и Сэм не любил ими пользоваться.

Изображение застыло – умное улыбающееся лицо мужчины, сменившее личико смуглой девчушки, так похожей на него, что Сэм почти не сомневался: они – отец и дочь.

Голотанк вновь окрасился в пастельные тона. Элла уставилась на экран, нервно похрустывая пальцами.

– Вы были правы, – тихо сказала она. – Здесь не только арабы.

Йетс нажал еще пару кнопок и уселся на место.

– Сейчас будет распечатка, – улыбаясь, сообщил он. – Кстати, можно мне говорить вам просто Элла.

– Да, пожалуйста, – согласилась она. У нее за спиной из принтера с тихим шорохом выполз бумажный лист. Элла вытащила его и передала Йетсу не читая.

– Видимо, у меня были не все имена, или я пропустила их, когда вводила команду поиска в компьютер. Я решила разузнать все сама, не обращаясь в банк данных.

– Узнаете его? – перебил ее Сэм, кивая на голотанк.

– Что-то я...

Лицо было не особенно запоминающимся. Небольшие усы, светлые волосы. Никакого намека на бороду, которая могла бы скрыть безвольный подбородок. Глаза серо-коричневого цвета, кожа бледная, ни капли румянца или загара.

– Да, он, конечно, не араб. В этом вы правы.

– Бэтон, Родни Алан Томас, – прочитал Йетс. – Он был в ресторане. Сидел за моим столиком, когда... – Он встретился с Эллой глазами и неопределенно взмахнул рукой, что должно было означать, по-видимому, изображение смерти официанта и всех дальнейших событий.

– Ах да! – воскликнула Элла. – Теперь я вспомнила. Он еще пошел за вами на кухню, когда вы звонили.

– Именно так... – вздохнул Сэм. У него внезапно пересохло во рту.

Это он, Сэм Йетс, убил его. Схватил окровавленными руками и занес вирус через поврежденную кожу. Сэм плохо помнил, что действительно тогда произошло. Кажется, порвалась эта дурацкая твидовая куртка, и все. Но, может быть, он коснулся глаз или губ Бэтона.

– Что случилось, Сэм? – участливо спросила Элла.

– Да нет, ничего.

Он не собирался выкладывать все ни этой женщине, – она могла видеть происшедшее, но, скорее всего, не видела, – ни тем, кто будет расследовать причины смерти. Они, конечно, удивятся, почему вирус, поражающий лишь арабов, убил европейца, но Йетс не собирался подставяться.

Уже не в первый раз он убивал по неосторожности, но теперь проделал это без помощи автоматической винтовки.

Зазвонил телефон.

– Йетс, – произнес Сэм, мысленно похвалив себя за совершенно спокойный голос.

– Что там у тебя? – затараторил Барни Йошимура. – Тебе нужен интерполовский список?

– Слушай, Барни, вышли мне полное досье на Бэтона Родни Алана Томаса, К-Р сто пятьдесят двадцать два – ноль два – ноль тридцать шесть. А заодно и список.

– Любишь ты загрузить людей работой, – буркнул Йошимура. – Ладно, погоди.

Йетс едва успел снова переключить голотанк на прием, как появилось изображение Бэтона, а принтер начал распечатку данных, поступающих из центрального архива.

– Это та же голограмма?

– Нет, хотя обычно изображения стараются пересылать пореже. Все видеоканалы забиты информацией, передаваемой дипломатическими миссиями. – Теперь, когда Йетс удостоверился, что убил Бэтона, он чувствовал только пустоту и спокойствие.

«Интересно, почему это люди так интересуются всем, что связано со смертью?»

– А, понятно, – вслух сказал он, передавая Элле распечатку. – Вы не могли включить его в команду поиска. Его и еще одного человека нашли мертвыми в каком-то шлюзе.

– Любопытно, что туристу со Звездного Девона понадобилось в шлюзе номер сто тридцать семь? – удивленно спросила Элла, бегло просмотрев распечатку.

«Хороший вопрос», – подумал Сэм, вынимая из принтера следующий лист досье.

– Хороший вопрос... – начал он вслух. – О, черт!

Элла наклонилась к Йетсу, чтобы прочесть. При этом ее грудь коснулась его бицепса. Он это почувствовал, и она тоже. Она отстранилась, но совсем не намного. Это было большим шагом вперед, особенно если вспомнить, как она себя вела в начале беседы.

– То первое досье из списка погибших содержало непроверенную информацию, – принялся объяснять Сэм. – Там указано, что он умер от вирусного поражения легких, а на самом деле после детального расследования выяснилось, что он выпустил воздух из шлюза. Его легкие просто разорвало.

И он передал Элле досье.

– Это значит, – сказал Йетс, возвращаясь к началу разговора, – что ваша... э-э... теория оказалась верна. Я свяжу вас с...

С кем? Кто официально занимается этим вопросом? Может быть, Бюро...

– А почему у него оказалась камера, вшитая в куртку? – перебила его мысли Элла, просмотрев следующий абзац досье, который Сэм пропустил.

– Что? – вскинулся он, едва не выхватив из ее рук лист. – У него, видимо, еще и микрофон был? Он так странно что-то все время бормотал...

Элла испуганно посмотрела на Йетса. Он многозначительно покачал головой.

– Необходимо побольше узнать об этом Бэтоне.

– Знаете, – нерешительно сказала Брэдли после паузы, – есть версия, что на какой-то орбитальной станции вирус мутировал под действием космических лучей и...

– И его действие теперь имитирует отравление, – подхватил Йетс.

– Верно, – кивнула Брэдли. – Обыкновенная инфекция не может так поражать людей. Кто-то сумел направить вирус только на арабов.

– Разве это в человеческих силах?

«Похожи мы оба на параноиков?» – подумал Йетс, внимательно заглядывая Элле в глаза.

– Я разужна побольше о Бэтоне, – мрачно сказал он вслух. – Наверняка его дело расследуется отдельно. Его случай чрезвычайно любопытен. Но поймите... – Он предупреждающе поднял руку. – У меня очень мало власти, особенно если речь идет о криминальном расследовании.

– Я проведу собственное расследование, – спокойно произнесла Брэдли.

У ее пояса на специальной эластичной ленте висела сумка. Она оттянула ее, чтобы было удобнее в ней рыться, достала оттуда сложенный вчетверо лист и выпустила сумку из рук. Лента плавно вернула ее на место. Лист оказался распечаткой.

– Я думаю, что... – начал было Йетс, но замолчал, поняв, что не знает, о чем он,

собственно, думает.

– Видите ли, инспектор... – проговорила Элла. Но тут же смущенно улыбнулась, отчего сразу похорошела, и поправилась: – Сэм. Я вовсе не собираюсь использовать официальные источники информации. Если я начну копать в криминальных происшествиях, меня просто сочтут сумасшедшей. А мне, – усмехнулась она, – это не по душе. Бэтон неспроста пришел в ресторан с камерой. Он знал, что произойдет, и готовился все зафиксировать.

– Ну и ну! – умно заметил Йетс.

Много лет назад один его приятель-психиатр сказал ему: «Если у человека паранойя, это вовсе не значит, что за ним действительно никто не охотится».

– В этом замешан не он один, конечно, – невозмутимо продолжала Брэдли. – Если запрос пройдет по официальным каналам, его сообщники обязательно о нем узнают и примут меры. Я сделаю по-другому: позвоню в университет и спрошу, что они имеют на Бэтона, – туриста со Звездного Девона.

– Интересно будет узнать, действительно ли родители были сожжены фанатиками во время восстания в Каире, – сказал Йетс. Его все время мучила одна мысль: «Простые люди не должны вмешиваться в политику». В некотором смысле он сам и Брэдли были простыми людьми. У него был выбор: можно сообщить обо всем официально, надеясь, что к сообщению Брэдли отнесутся серьезно. Или... Ведь пока только они двое знают, зачем Бэтон пришел в «Мулен Руж»...

Сказал он совсем другое:

– Я видел много убийств, но никогда не привыкну к ним настолько, чтобы не пытаться покарать убийцу.

Улыбка с ее лица исчезла, но оно по-прежнему было прекрасным. Элла внимательно посмотрела на Сэма.

– Вы правы. Мы сделаем это вместе. Держите меня в курсе дела.

– Разумеется, – заверил Йетс, сильно сомневаясь, что выполнит обещание. – Кстати, а какие у вас планы насчет обеда? – вкрадчиво спросил он, опустив глаза.

Лицо девушки слегка изменилось, она подозрительно взглянула на неожиданно поскромневшего Сэма.

– Я еще не решила, – произнесла она после паузы.

– Тогда мы можем пообедать вместе. Выбирайте любой ресторан, лишь бы там не было французской кухни. Кажется, я возненавидел ее до конца дней.

– Хорошо, тогда в восемь. Я хочу к этому времени уже получить ответ из Нью-Йорка, а у них там разница с Луной в пять часов. Зайдите за мной. Адрес, я думаю, вы сумеете узнать сами, – ехидно закончила она, показав подбородком на голотанк.

«Очень смешно», – подумал Сэм и сказал:

– С нетерпением жду встречи. Может быть, к тому времени я тоже что-нибудь разузнаю.

Брэдли кивнула на прощанье и стала осторожно пробираться к выходу, лавируя между аппаратурой и мебелью. Сэм проводил ее взглядом, и тут ему в голову пришла одна идея. Есть возможность разузнать кое-что о смерти Бэтона.

Но разрази его гром, если он скажет хоть слово и поделится информацией с этой нахалкой!

6. ЧУЖАЯ РАБОТА

Монитор около входной двери патрульной станции номер четыре показывал, что в приемной никого нет. Личная карточка Йетса открыла замок, и ему не пришлось нажимать на кнопку звонка.

Дверь открывалась гидравлическим приводом, потому что была сделана не из пластика, как обычно, а из титановых листов. Дверная коробка тоже была титановой.

Сэм долго шел по узкому темному коридору мимо запертых комнат, пока наконец ему

не попалась приоткрытая дверь. Он постучал и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет. И наткнулся там на молодого полицейского, который был явно недоволен этим вторжением, но не подал виду, так как был младше по званию.

– Я ищу лейтенанта Есилькову, – объяснил Йетс. – Мне сказали, что она здесь. Полицейский пожал плечами.

– Да, она здесь, третья дверь отсюда. Но не думаю, что она будет рада тебе, приятель. Мы завалены бумажной работой по уши, и только счастливчик Тодд патрулирует улицы.

– Спасибо, – сухо поблагодарил его Йетс и вышел. Разумеется, Есилькова занята, иначе он бы не застал ее здесь. Какой нормальный человек станет по своей воле возиться с бумажками? Он осторожно постучал в указанную дверь.

– Какого дьявола вам надо? – вежливо приветствовали его изнутри. На двери висела табличка с тремя фамилиями, но Есильковой среди них не было.

Йетс молча открыл дверь и вошел. Лейтенантша сидела за столом. Комната была маленькая, даже меньше, чем Сэмов кабинет. Пространство вокруг стола занимали расставленные рядами какие-то железные ящики, слева от двери Сэм обнаружил свободный стул.

– Здравствуйте, лейтенант, мы встречались...

Профессионально отсутствующее выражение на лице Есильковой исчезло. Она явно обрадовалась, узнав его. Точно так же он сам обрадовался утру, вспомнив, где видел Эллу Брэдли.

– Вы – инспектор Йетс Сэмюэл из Службы Безопасности.

Она встала, чтобы пожать ему руку.

– Все верно, – подтвердил Сэм. – Сегодня я должен выглядеть гораздо лучше, чем когда мы виделись последний раз. – Он помолчал, дав ей время улыбнуться, и добавил: – Я знаю, что вы заняты, но не могли бы вы уделить мне минутку?

– Я в вашем распоряжении, – ответила она и жестом пригласила его сесть. – Вы ведь очень помогли мне, оставшись в живых: иначе мне пришлось бы составлять рапорт об обстоятельствах еще и вашей смерти.

Йетс постарался улыбнуться своей самой искренней улыбкой, когда смеялись не только губы, но и глаза. Он видел, что Есильковой это понравилось. Теперь, когда они оба пошутили, надо показать ей, что он пришел по делу.

– У меня есть данные, – заговорил Сэм, – которые вряд ли облегчат вам работу, но могут оказаться полезными для расследования. Вы ведь сейчас занимаетесь этими смертями? Они все вызваны вирусом? – Он махнул рукой в сторону выключенного компьютера.

Есилькова молча кивнула. Она откинулась на спинку стула и запустила пальцы в свои светлые волосы. Теперь она больше не казалась приземистой и плотной. Сэм с интересом разглядывал ее фигуру. Она прекрасно видела это и, похоже, не возражала.

– Все те случаи, что расследуем мы, – да, – уточнила она, доброжелательно поглядывая на Йетса. – Всего мы ведем четырнадцать трупов. Веселая была ночка. Прибавьте к этому все, что связано с паникой, – аварии, столкновения, обмороки. Знаете, там такое началось...

– Она наклонилась вперед и таинственно понизила голос. Йетс, разумеется, не знал и приготовился внимательно выслушать.

– Так вот, когда возникли заторы, машина кенийского посла врезалась в машину посла Мексики. Оба дипломата принялись ругаться, как последние торговки, а один из шоферов вытащил нож. – Она презрительно скривилась. – Пришлось скрутить его. Думаете, приятно заниматься подобными вещами?

– Я тоже натерпелся от третьего мира. – Йетс решил рискнуть и попробовать подыграть ей. – Служил в Никарагуа. Иногда мне кажется, что там было легче, чем здесь.

Если бы эти его слова дошли до Секретариата, ему бы несдобровать. В данный момент это меньше всего было бы нужно Сэму. Но Есилькова лишь участливо кивнула.

Она еще больше развалилась в кресле, приняв довольно кокетливую позу, и притворно вздохнула:

– Так и быть, дружище. Выкладывайте, что у вас стряслось.
– Я ведь дал вам описание всех посетителей, пока мы ждали медбригаду. Вы нашли их?
– Мы разыскивали югославов, они оказались вторыми секретарями посольства. Долго не хотели признаваться, что были там, пока их не ткнули носом в отпечатки пальцев. – Она усмехнулась.

– Нашли мы и четырех сбежавших индийцев. Они нам красочно поведали, что кто-то очень похожий на вас прирезал несчастного официанта, а потом ворвался в кухню, чтобы прикончить других. Остальных двоих – парня с бородой и того с орбитальной станции мы не нашли. Они не оставили никаких отпечатков.

– Я отыскал одного из них, – небрежно заметил развалившийся на стуле Йетс, забрасывая ноги на ближайший ящик. Между тем он попытался вспомнить, что происходило в ресторане до гибели официанта.

Он готов был поклясться, что Бэтон держал в руках стакан. Может, его в суматохе разбили на такие маленькие осколки, что с них невозможно было снять отпечатки? Или Бэтон унес стакан с собой?

Или его пальцы были покрыты осмотической пленкой, которая не только позволяла избавиться от отпечатков, но и предохраняла кожу от проникновения микробов.

– Он умер. Оказался в вакууме без скафандра.

И Сэм передал Есильковой копию отчета о гибели Бэтона.

– Оказался? – переспросила она, глядя не на бумагу, а на Йетса.

– Скорее всего, его кто-то вытолкнул. Меня интересует все, связанное с ним. Он имеет какое-то отношение к гибели людей в ресторане.

Голос выдавал его. Он не мог говорить спокойно. Лейтенантша, наверное, уже поняла, как сильно потрясли его события той ночи.

– А почему у него была вшитая камера? – с любопытством спросила Есилькова. Она держала распечатку правой рукой, а левой быстро набирала на клавиатуре компьютера личный номер Бэтона.

Засветился плоский монитор, стоявший под углом к Сэму, отчего ему не было видно появившегося текста. Есилькова посмотрела на экран и удивленно воскликнула:

– Час от часу не легче! Вдобавок ко всему у него в левой ноздре нашли какой-то фильтр.

– Конечно, это только догадка, – лениво и небрежно начал Йетс, – но я лично считаю, что точно такой же фильтр из правой ноздри вылетел у него вместе с легкими, когда он оказался в вакууме.

Есилькова молча кивнула, не отрываясь от экрана.

– Надо бы проверить его руки – была ли на них нанесена осмотическая пленка. Это надежная защита, и ее часто используют в лабораториях. Когда надобность в ней отпадает, ее легко смыть спиртом.

– Тогда уж надо проверить не только руки, но и лицо, – заметила Есилькова. Она нажала на кнопку, и стоявший сбоку принтер тихо зашипел.

– Как вы раскопали все это? – Она снова откинулась на стуле и пристально посмотрела на Йетса.

– Я случайно наткнулся на него, когда просматривал список жертв.

– Понятно.

Есилькова вытащила из принтера лист и вручила его Сэму.

– Держите. Но постарайтесь не болтать, откуда он у вас. Я постараюсь связаться с вами через официальные каналы. Может быть, удастся добыть для вас разрешение осмотреть труп.

Она мрачно усмехнулась и добавила:

– А хорошо, что есть на свете вакуум. Трупы хранят на поверхности Луны в негерметичных помещениях, знаете?

Йетс поспешно начал прощаться. Он хотел сказать сначала: «большое спасибо», но

потом передумал и сказал другое:

– Держите меня в курсе дела, если можно.

Есилькова поднялась и, прежде чем пожать ему на прощание руку, спросила:

– Вы ведь недавно здесь?

– Всего неделю, – ответил Йетс. – Я порвал с женой и решил, что на Луне мне будет безопаснее.

– Понятно, – сказала Есилькова, снова усаживаясь. – Вам гораздо больше повезло, чем мне. Мой муж не хотел разводиться, пока я не приставила к его башке пистолет.

Она пристально посмотрела Йетсу в глаза. Он ответил ей тем же, отчаянно пытаясь не мигнуть.

– Ладно, рассчитываю на новую встречу с вами, – произнесла Есилькова уверенным тоном, так что можно было понять, что она действительно на нее рассчитывает.

– Я тоже, – расцвел улыбкой Йетс (в тот момент он как раз вспоминал ее шутку насчет хранения трупов).

Выйдя из здания патрульной станции, он вспомнил еще кое-что, о чем забыл сказать Есильковой. Придется отложить рассказ до их следующей встречи. А дело было вот в чем: бородач, сидевший за одним столиком с Эллой Брэдли, тоже касался руками своего обеденного прибора. Там должна была остаться масса отпечатков... Если только его пальцы не защищала осмотическая пленка.

7. НА ЗЕМЛЕ

– Говорю же вам, черт подери, мне назначили встречу! – раздраженно кричал Карел Преториус. Он уже начал ненавидеть Нью-Йорк. К тому же, как назло, полил дождь.

– Назначили встречу? Это хорошо. Тогда я могу впустить вас. Когда мне разрешат это сделать, – с издевательски вежливой улыбкой ответил ему один из трех мужчин в черных костюмах.

– Возьмите это в руки, сэр, – сказал другой черный костюм, протягивая два металлических контакта в виде трубок с подсоединенными к ним проводами. Провода шли к коробочке, укрепленной на поясе охранника.

Это было оскорбительно, но у африканера не оставалось выбора. Руки почувствовали холод металла, и Преториусу показалось, что он ощущает, как электричество течет по его телу. Он знал, что на самом деле примерно так и было – низковольтный ток ультравысокой частоты создавал вокруг его тела электромагнитное поле. Прибор на поясе охранника фиксировал любые изменения в его структуре, возникавшие, если под одеждой или под кожей обследуемый имел что-либо металлическое. Можно было бы, например, попытаться войти в здание, спрятав в прямой кишке взрывчатку, но металлический детонатор немедленно обнаружили бы. Кроме того, Преториус сомневался, что ему позволили бы пойти в туалет без сопровождающих.

– У него ничего нет, – разочарованно сказал охранник, с надеждой вглядываясь в экран прибора, – не появится ли там что-нибудь в последний момент.

Преториус отдал охраннику контакты, тускло сверкнувшие в свете фонаря. Провода автоматически свернулись в кольца. Африканер уже бывал в этом здании раньше и на собственном опыте убедился, что не стоит приносить с собой ничего такого, что может вызвать подозрение охраны. У него отобрали дискету (в ней могла быть спрятана взрывчатка), диктофон (разговор не должен был записываться) и три авторучки.

Охранники отобрали ручки не только из-за того, что в них может быть встроен пистолет. Любой предмет с острым концом превращается в оружие, если его удачно вонзить в глаз или в горло. Они получали за то, что обеспечивали абсолютную безопасность, и им было плевать на оскорбленные чувства африканера, который представлял интересы лишенного родины народа.

Пока один охранник следил за Преториусом, а другой обыскивал его с помощью своего

аппарата, третий их товарищ внимательно разглядывал улицу. Его глаза ощупывали каждый живой и неживой объект, оказавшийся в поле зрения, будь то автомобили, проносящиеся мимо, или спешившие по своим делам прохожие. Время от времени он бросал взгляд на крыши соседних зданий. Разумеется, благодаря развитию науки созданы приборы куда более чувствительные, чем человеческие глаза, но если обладатель этих глаз отлично натренирован, наблюдателен, обладает инстинктами хищника и носит на бедре плазменный излучатель, он представляет собой весьма грозное орудие убийства.

– Сказали, что его можно впустить, – ухмыльнулся охранник с прибором, обращаясь к своим товарищам.

– Да ну? – поразился один из них. Пинком распахнув дверь, он вежливо втолкнул Преториуса внутрь.

Африканер почувствовал спиной, что третий охранник смотрит ему вслед. Он ощущал его взгляд – холодный и безжалостный, словно у змеи. Его передернуло.

Открылись двери лифта, тут же столкнувшиеся, как только он вошел, и лифт начал подниматься. Африканер подумал, что за зеркальными стенами, скорее всего, спрятаны сенсоры управления этой машиной, но искать их и пытаться активизировать было бы глупо, вернее – самоубийственно глупо.

Вместо этого он разглядывал свои многочисленные отражения. И в очередной раз подумал, что стареет, и шевелюра на голове уже не своя природная, а дурацкий парик, подобранный в тон немногочисленным сохранившимся седым волосам.

Как он хотел, чтобы эти мужчины и женщины – Клуба? – признали бы наконец, что он им нужен, и не относились бы к нему как к последнему бродяге, с которым не стоит даже разговаривать!

Лифт остановился. Преториус предположил, что его доставили на верхний этаж десятиэтажного здания, хотя и не мог в этом удостовериться. Итак, он был наверху, а не в бронированном подвале, под гаражом – туда пускали только членов Клуба.

– Вас ожидают, сэр, – сказала секретарша. Здесь, в круглом зале африканер никогда не видел охранников, хотя чувствовал, что за ним наблюдают те, кто, как и люди в черных костюмах у входа, готов применить оружие.

– Да-да, я знаю, – не очень вежливо ответил он.

Женщина была черной – это вызывало особое раздражение Преториуса. Африканеру казалось, что вся она – ее одежда, глаза, волосы – излучают угрозу. Члены Клуба ожидали его, а он посмел опоздать на двадцать секунд, потому замедлил шаг, задумавшись. Он размышлял о том, что его ждет. Если бы не План...

Но План существовал, и Карел Преториус готов был претерпеть и худшие унижения ради возвращения своего народа на родину.

Он подошел к массивной двери, которая бесшумно открылась, пропуская его.

В просторной комнате находилось пятнадцать человек. Они сидели за полукруглым столом лицом к двери. Для посетителя был приготовлен отдельный овальный стул. Преториус уселся, не ожидая приглашения. Возраст и опыт научили его осторожности, но сейчас он без колебаний положил руки на подлокотники и откинулся на спинку, хотя знал, что встроенные повсюду датчики тут же начали фиксировать все подряд – вплоть до его пульса и мозговых электромагнитных волн.

Ему не было нужды лгать этим людям, что-то скрывать от Клуба. От имени народа африканеров он пришел сюда, чтобы сказать им правду.

– Мы не совсем удовлетворены результатами испытания, – произнес человек, сидевший за дальним концом стола. Его голос и акцент изменялись специальным электронным устройством, чтобы Преториус не мог его потом узнать. Африканер рискнул предположить, что этот человек – выходец из какой-то восточной страны.

В Клубе состояло гораздо больше членов, чем Преториус сейчас видел перед собой, но ни на одной встрече их не присутствовало больше пятнадцати. Они были отделены от него – и друг от друга, наверное, тоже – призрачными голографическими экранами, которые

переливались и вспыхивали мягкими гармоничными тонами.

Несмотря на весь камуфляж, Преториус догадывался об именах некоторых членов Клуба, хотя это, в общем-то, было ему безразлично. Главное, что среди этих людей нет кафров.

В этом он был совершенно уверен.

– Не понимаю, почему вы не удовлетворены, – искренне удивился он. Негативная реакция его... руководителей должна была бы испугать его. Но Преториус не ждал никаких проявлений недовольства и потому сначала даже не поверил, что допустил какую-то ошибку.

– Я знаю, конечно, что вы пользуетесь источниками информации, гораздо более осведомленными, чем я, – осторожно произнес он. – Но... пресса и мои люди сообщают в один голос, что испытание имело чрезвычайный успех.

Один из членов страдал одышкой, но Преториус не мог определить, кто именно. Долгое время в комнате слышалось чье-то затрудненное дыхание.

– Испытание должно было пройти в ограниченных масштабах, – произнес женский голос, донесшийся от центра стола. Аппаратура искажала его так, словно он доносился из отверстой могилы. – Были установлены четкие рамки жертв – не меньше трех и не больше двенадцати.

– А их оказалось больше пяти сотен, – подхватил мужчина, сидевший где-то справа. Это у него была одышка.

– Вспышка была локализована всеми разумными мерами, – хмуро ответил Преториус. Прежде чем произнести что-либо вслух, он дважды повторял каждую фразу в уме. – Жертв среди других рас, кроме испытываемой, насколько я знаю, не было.

Вероятно, они беспокоились, что масштабы эпидемии привлекли слишком большое внимание. Разве они не понимают, как запутает следствие появление нового вируса, который поражает только арабов?

– Почему погибло так много народу? – спросила женщина все тем же замогильным голосом. Она словно не слышала предыдущих слов Преториуса.

– Испытание должно было быть ограничено физическим путем, – ответил африканер, пытаясь погладить бороду, которую уже два года как не носил. – Проводить его планировалось в одном-двух помещениях колонии, полностью изолированных от остального пространства.

В помещении царила тишина. Он чувствовал устремленные на него холодные взгляды пятнадцати человек.

– Кроме того, – продолжал Преториус, – вирус имеет свойство самоограничения. Он не должен реплицироваться больше определенного числа раз, несмотря на идеальные для него условия существования. И в этом плане все прошло безо всяких накладок. Девяносто минут спустя после проведения испытания на территорию колонии прибыл челнок, на борту которого было трое арабов, из них двое – иорданцы. Все они по сей день целы и невредимы.

Ну, не так уж невредимы, конечно. Двое из них, не ведая о трагедии, напрямик поехали на автомобиле в иорданскую миссию, где нашли одни трупы. Один из них бился в истерике несколько дней, а другой до сих пор находился в больнице – когда в миссию приехала спасательная команда, он крепко обнимал труп своей жены.

– Почему вы не ограничились одной комнатой? – неприязненно спросил кто-то. За голограммой на мгновение можно было различить резкий взмах руки. – Как вирус вырвался наружу?

Клуб имел доступ ко всей информации, получаемой правительствами и мультинациональными корпорациями, где работали его члены. Они очень редко занимали самые высокие посты. Но власть всегда делилась на формальную и реальную. Здесь, в Клубе, присутствовала только последняя в лице тех, кто сидел перед африканером, отгородившись барьерами из голограмм.

Но они не знали того, что знал Преториус. Они не могли действовать слишком открыто. Именно поэтому он был им нужен, ибо выполнял всю грязную работу. В

ближайшем будущем им понадобится весь его народ, когда мир скорчится от боли. Всеми отвергнутый народ снова воцарится в Южной Африке.

– Испытание показало, что мы исходили из двух ложных предпосылок, – очень медленно произнес африканер, потому что наступила самая важная часть разговора. Он всегда быстро учился, что и позволило ему занимать свой теперешний пост. Преториус уже знал, что нельзя говорить недомолвками, иначе эксперты, которые потом будут анализировать его слова, сочтут, что он пытался обмануть Клуб.

– Внешний контейнер, в котором транспортировался препарат, – продолжал он, – был облучен снаружи и стерилен. Вспышки заболевания не зарегистрировано ни на челноках, ни на пересадочной станции номер два, где побывал наш курьер.

Преториус был уверен, что приборы отметят ускорение его пульса в этот момент. Он сам пересаживался на этой станции, следуя из Флориды на Звездный Девон, и только позже понял, какому огромному риску подвергнулся.

– Внутренний контейнер – баллончик, предназначенный для распыления, очевидно, был заражен. – Он говорил бесцветным голосом, сдерживая эмоции, – результат многолетней практики. – Курьер почему-то открыл свинцовый контейнер недалеко от воздухозаборника. Внешний контейнер.

– Это была ошибка, – заявила какая-то женщина.

– Да, мадам, ошибка. Но несущественная.

Если бы он говорил это мужчине, то выразился бы иначе. Снисходительный тон только повредил бы в этом случае.

И именно мужчина, сидевший слева от него, вскочил со своего места с воплем:

– Ошибка? Несущественная? Отдайте мне этого шута на пару часов, я сделаю из него чучело в назидание его преемнику!

У кричащего был оксфордский акцент, но Преториус уже узнал его по лицу, не скрытому теперь голограммой (она не была рассчитана на такие перемещения). Это был принц Саудовской Аравии.

Его вспышка не испугала Преториуса, – в отличие от большинства присутствующих здесь, он переносил пытки и видел ружья, направленные ему в лицо.

– Дамы и господа! – произнес он, мгновенно собравшись. – Приношу вам свои извинения в связи с происшедшими недоразумениями. Пожалуйста, поверьте, не в моих силах было их избежать.

В конце стола тихо совещались. Двое мужчин подошли к саудовскому принцу, чтобы утихомирить его. Преториус поспешно отвернулся. Он не должен их видеть, иначе приборы регистрируют изменения мозговой активности, они поймут, что он их узнал, и тогда – неминуемая смерть, которую он, возможно, уже и так заслужил своими словами.

– Продолжайте, – сказал человек, который заговорил первым, когда африканер вошел. – Вы сказали, что неверных предпосылок было две?

– Да, это так, – отчетливо произнес африканер, боковым зрением фиксируя какое-то движение у другого конца стола. Принц и те двое наконец уселись. – Вторая, более значительная ошибка состояла в том, что, по расчетам, вирус должен был реплицироваться только в идеальных генетических условиях, то есть...

Он остановился на мгновение, чтобы облизать пересохшие губы, его голос звучал по-прежнему уверенно и спокойно:

– Ожидалось, что симптомы заболевания проявятся у многих, но летальный исход наступит лишь у тех, чья ДНК содержит последовательности нуклеотидов, полностью соответствующих образцу, на который был настроен вирус.

Он не сказал: «у арабов», помня о присутствии принца.

– По сути дела, вирус обладает даже более высокой вирулентностью, чем ожидалось, что представляется весьма полезным для нашего общего дела.

И для их Плана. Для его народа, стремящегося на родину.

За столом вспыхнул тихий спор, до африканера доносился лишь приглушенный гул

голосов.

– Должен добавить, – снова заговорил Преториус – он не мог смолчать, – что некоторые обстоятельства дела чрезвычайно таинственны. Наш курьер погиб, не успев передать информацию.

– Он совершил самоубийство, – заявил чей-то уверенный голос. – Понял, что все провалилось. Полная неудача.

– Я преклоняюсь перед вашей информированностью. – Африканер был вполне искренен. Его люди сообщили ему только то, что техник со Звездного Девона выпустил воздух из шлюза, не надев скафандра. У африканеров не было доступа к международному банку данных. Возможно, это действительно самоубийство.

Человеческий фактор часто разрушал самые тщательно подготовленные планы.

– Должен отметить, – твердо проговорил Преториус, – что, несмотря на ошибки, допущенные в ходе испытания, мы можем с уверенностью заявить, что препарат обладает достаточно высокой избирательностью. Конечно, наши ученые не могут гарантировать стабильность избирательности у каждого отдельного штамма. – Он махнул рукой. – Но не это главное, дамы и господа. Главное то, что работы ведутся, и в недалеком будущем ожидается существенное улучшение свойств препарата. Таким образом, вряд ли правомерно называть испытание неудачным.

– Мы примем к сведению ваше заявление, – буркнул толстяк, последнее слово он не произнес, а хрипло выдохнул. – Мне кажется, – просипел он, переводя дух, – вы можете быть свободны.

Человек с восточным акцентом добавил:

– Вас известят, если вы понадобитесь.

По сути дела, его выпроваживали, и довольно невежливо, но Преториус спокойно относился к таким вещам. Он воспринимал их как неизбежность, как полчища мух и жару, окутывавшую тело липким саваном, когда он со своими ребятами сидел в засаде, прижимая к плечу приклад автомата. Он встал со стула, помогая себе руками, – сказывался возраст – и направился к двери.

– Постойте, – раздраженно окликнули его.

– Да? – Преториус обернулся и понял, что его остановил саудовский принц.

– Вы должны позаботиться о том, чтобы в дальнейшем не было никаких неудач, – назидательно произнес неприятный голос с оксфордским акцентом. – Особое внимание обратить на лабораторию.

– Я полностью доверяю тому единственному ученому, которому известна цель разработок. Он мой друг, – ответил африканер и снова уселся на стул. Спрятанные в спинке датчики не могли зарегистрировать и крупницу фальши в его словах, сказанных тихим спокойным голосом.

Твердый ответ Преториуса слегка обескуражил саудовца. Он издал неопределенный горловой звук, который электроника не успела исказить.

– Надеюсь, вы не ошиблись, – заявил принц, желавший, чтоб за ним осталось последнее слово, хотя понимал, что уже проиграл дуэль. – Мы не позволили бы начать испытание, если бы не получили ваших твердых гарантий относительно надежности препарата. Эти гарантии, как выяснилось, были беспочвенны.

Африканер только молча поклонился и направился к бронированным дверям, которые при его приближении автоматически открылись.

Интересно, действительно ли испытываемый штамм вируса был вымершим? Впрочем, это не важно. Главное, он размножается. Можно нанести вирус себе на одежду, когда его пригласят для следующего допроса в Клуб.

Это, конечно, опасно.

Но еще опаснее пытаться осуществить План, пока жив саудовский принц.

8. КЛУБ

За Карелом Преториусом бесшумно закрылись бронированные двери, и голографические экраны погасли. В комнате сразу стало темнее. Аль-Фахд продолжал сердито бормотать по-арабски, потом, перейдя на английский, потребовал расправы над наглым африканером. Его мало кто слушал. В тот момент у членов Клуба были дела поважнее.

— По сути дела, мы не можем больше рассчитывать на необходимую избирательность действия вируса, — скороговоркой произнес Сакаи. Его искусственный глаз почти невозможно было отличить от настоящего, но в наступившем полумраке, когда зрачок не реагировал на свет, разница все же ощущалась. — Нам не следует идти на такой риск.

— Очень даже следует, — проворчал Хейдиггер, один из главных авторитетов Клуба. — Голландец прав: вирус сделал свое дело, причем даже лучше, чем ожидалось. — Он через плечо посмотрел на принца, сидевшего рядом. — Конечно, мне жаль, но... побочные эффекты — вещь в некотором роде неизбежная. При последующем применении планируется ликвидация нескольких тысяч человек, поэтому, мне кажется, не стоит волноваться из-за четырех-пяти сотен.

— В этом есть доля правды, — неохотно согласилась Плейал, шмыгнув носом. Она недолюбливала Хейдиггера. — Необходимо добавить, что в следующий раз никаких географических ограничений не будет.

— Естественно, — подхватил Ли. У него был американский акцент и восточные черты лица. — Я уверен, что выгоды от применения препарата в отдаленной перспективе перевесят любые побочные эффекты. — Его лунообразное лицо расплылось в широкой хитровой улыбке. — В ближайшем будущем тоже можно получить определенные выгоды... если правильно подойти к делу.

— Но летальность не должна быть стопроцентной, — превозмогая одышку, просипел Блейк.

Все повернулись к нему — гора жира, возвышающаяся в центре стола. Блейк оглянулся вокруг, как обложенный собаками медведь.

— Да, конечно, — вкрадчиво пропел Махавишту. Его голос был всегда так сладок, что его словам обычно не доверяли, даже если он говорил чистую правду. — Но мы же не станем возражать против высокой эффективности препарата, не так ли?

— Нет, если она ограничится только цветными, как и предполагалось, — сурово произнес Блейк, справившись на минуту с непослушным дыханием. — На этот раз мы должны иметь твердые гарантии.

Наступило мертвое молчание. Сакаи внимательно посмотрел на Блейка и одобрительно кивнул.

— Хочу вернуться к замечанию, высказанному мадам Плейал. — Он вежливо повел рукой в ее сторону. — Я не совсем согласен с ее точкой зрения. Думается, все же следует ограничить территорию действия препарата.

Хейдиггер презрительно фыркнул и произнес сквозь зубы:

— На Луне препарат был применен в минимально возможном количестве. Вы серьезно считаете, что при массовом его использовании в Африке вирус остановится на Ближнем Востоке? Или на атлантическом побережье?

— Я думаю, что он остановится, только обойдя вокруг Земли, — громко произнес японец, заглушив все остальные голоса.

На мгновение воцарилась тишина, а потом спор вспыхнул с новой силой.

— Выслушайте меня, пожалуйста. — Махавишту постучал по столу. — То, что здесь сейчас говорилось, чрезвычайно интересно. Но никто, кажется, не подумал, что произойдет, если все мы — а многие из нас никогда не покидали Земли — (случайно) окажемся вне ее, когда вспыхнет эпидемия. Это вызовет различные толки, начнутся многочисленные расследования, которые мы будем не в силах предотвратить.

— Ничего такого не произойдет, если в это самое время в штаб-квартире ООН будет

проходить торжественное заседание. Разве кто-нибудь из нас может пропустить Двадцатую Годовщину? – Хейдиггер без улыбки поочередно оглядел всех присутствующих.

– Вы можете обеспечить приглашения нам всем, мадам вице-секретарь? – вежливо спросил Сакаи, бесстрастно глядя на свою соседку слева.

– Постойте, а они не могут отложить празднование, в связи с э-э... катастрофой? – всполошился аль-Фахд.

– Разве можно отложить войну? Или ураган? – холодно ответил принцу Ли.

– Совершенно верно! – воскликнула Перилла, вертя на пальце перстень с камеей – камень был привезен в Португалию вскоре после открытия Америки. – Заседание состоится... Конечно, многие не приедут, но это даже к лучшему. Нам будет легче провести нужные перестановки. – Ее карие глаза в полумраке казались черными. – Это будет нетрудно. Совсем нетрудно.

– Правильно, – мрачно согласилась Плейал. Она ревниво относилась к присутствию в Клубе еще одной женщины. – Мы должны следовать ранее выработанному плану и не изменять дату начала использования препарата. – Там, на Луне, настроили каких-то трущоб, где нормальный человек жить не может, но... – Перилла подняла голову. Ее глаза сверкали так же ярко, как бриллианты и изумруды в ее волосах (будучи общественным деятелем, она могла носить их только в Клубе, где ее не видели журналисты). – ...Но при сложившихся обстоятельствах я согласна провести там несколько дней.

– Мне кажется, – задумчиво произнес Махавишту, – надо пригласить в ООН делегацию Африканского континента.

Его коллеги недоуменно подняли брови, а Хейдиггер спросил:

– Интересно, зачем?

– А на развод, – объяснил индеец. – Будем разводить их, ну, знаете, как разводят тигров или там окапи, чтоб они не вымерли.

Кто-то вполголоса выругался. Члены Клуба встали со своих мест и направились к выходу.

Махавишту остался сидеть.

– Еще один вид вымрет. Как жаль.

И, смеясь, последовал за остальными.

9. СПЕНСЕР

Огромные розы, стоявшие в вазе на столе, казалось, освещали пурпурным светом всю комнату. Розы вырастили здесь, на Звездном Девоне, а не привезли с Земли. Аромата цветов не ощущалось – все перебивала навозная вонь, которая явственно чувствовалась даже в кабинете директора Сатклифф-Боулса. Сам директор, похоже, не обращал внимания на запах, который доктор Кэтлин Спенсер не выносила. Она готова была убить кого-нибудь, чтобы хоть на час избавиться от вони.

Она уже убила пятьсот семнадцать человек на Луне и не собиралась на этом останавливаться, ибо мечтала навсегда покинуть Звездный Девон.

Спенсер вежливо кашлянула, чтобы привлечь внимание директора, который сам же и вызвал ее к себе в кабинет. Сатклифф-Боулс повелительным взмахом руки велел ей соблюдать тишину. Он даже не открыл глаза, но лицо его побагровело от гнева. Он не любил, когда его отвлекали.

Спенсер сидела выпрямившись и разглядывала своего начальника. Она воображала, как его конечности чернеют от разъедающей тело гангрены. Разумеется, это невозможно. Они с Сатклифф-Боулсом принадлежали к одной расовой группе.

Она проверила это несколько раз. К сожалению, ошибки быть не могло.

Отзвучал долгий аккорд, и музыка в кабинете директора смолкла. В то же мгновение Сатклифф-Боулс открыл глаза и поднял спинку кресла в сидячее положение.

– Гениально! – заявил директор категоричным тоном. – Я говорю о «Гибели Богов»!

«Вальгалле», разумеется. Мы живем в золотое время, вы не находите? Человечество достигло совершенства в технике создания и записи звука, и до нас дошел гений Вагнера! Наши предки не могли слышать такого величественного исполнения.

– Полностью согласна с вами, – ответила Спенсер. Она уже привыкла к идиотским разглагольствованиям директора насчет музыки и не обращала на них внимания. Что касается Вагнера, то ей приятнее было слушать пороссячий визг.

Директор вытащил из нагрудного кармана пузырек с разноцветными расслабляющими таблетками, проглотил одну, а другую предложил своей подчиненной.

– Благодарю вас, но я на работе. Вы же вызвали меня из лаборатории. Мне передали, что дело срочное.

– Да-да-да, – подтвердил благодушно директор. – У нас тут поступил запрос, где же он? Ага! – Он нащупал на столе что-то и вытащил из папки лист. Папка оставалась невидимой, пока в ней что-нибудь лежало. – Вот, прочтите. – Он протянул бумагу Спенсер. – Он работает в вашей лаборатории?

Она вздохнула, но тут же овладела собой и взяла бумагу. Буквы расплывались у нее перед глазами.

Она тронула рукой брелок, висевший на серебряной цепочке под одеждой. Он представлял собой хрустальный флакон размером с ноготь, оплетенный вольфрамовой проволокой, искусно имитировавшей драгоценный металл.

– Да, директор. – Она слышала свой голос со стороны. – Вернее, он работал у нас. Техник Бэтон погиб неделю назад, когда находился в отпуске. Несчастный случай.

– Вот оно что! – сказал директор, прищелкнув пальцами. – Тогда понятно, почему они прислали запрос. Разберитесь с ним, хорошо?

– Запрос вовсе не по этому поводу, – возразила Спенсер, глядя на бумагу. Перед ее глазами пронеслись голографические репортажи из штаб-квартиры ООН. Залитые кровью коридоры... – Это от университета, они изучают внеземные изменения культуры. Проводят какое-то исследование. К несчастному случаю запрос отношения не имеет.

– Вот и разберитесь с этим, Кэти, – хмуро приказал Сатклифф-Боулс, и его кресло снова приняло полулежачее положение. – Прелюдию к «Тангейзеру», пожалуйста, – проговорил он в микрофон.

– Всегда рад поболтать с вами. – Директор приоткрыл глаза, услышав, как Спенсер подходит к двери. – Сегодня я буду очень занят. У нас тут надвигается собрание акционеров.

– Я хочу только спросить, сэр, – проговорила Спенсер, – почему к нам раньше не приходили такие запросы? Многие из наших сотрудников раньше Бэтона побывали на Луне.

Она и сама ездила туда в период подготовки к испытанию.

– Мне-то откуда знать? – недовольно проворчал Сатклифф-Боулс. Музыка, заполнившая кабинет, вызвала ассоциацию с запахом груды гниющих фруктов.

«Ты мог бы узнать все у искусственного мозга, – подумала Спенсер. – Единственного мозга, который присутствует в этом кабинете, и он бы дал ответ через несколько секунд».

Вслух она сказала:

– Прошу прощения, сэр. Я немедленно разберусь с этим.

Так или иначе ей придется с этим разбираться.

– Всегда рад видеть своих подчиненных, – ответил Сатклифф-Боулс, не открывая глаз. Спенсер не знала, расслышал ли он ее последние слова. Закрывшиеся за ней светящиеся двери окрасили лицо директора во все радуги, словно над ним пролетела стая пестрых бабочек.

У нее кружилась голова от страха, когда она шла по коридорам орбитальной станции, но никто этого, разумеется, не заметил. Всю жизнь ее высмеивали и дразнили. Она привыкла слышать за спиной что-нибудь вроде: «Вот опять наша кочерга пошла».

Но все-таки нет худа без добра. Годы унижений и насмешек научили ее скрывать свои чувства. Это пригодилось, когда она приступила к работе над проектом.

Послышалось тихое шипение, и из-за поворота появился вагон. Огромная машина

висела в миллиметре над монорельсом, поддерживаемая мощными магнитами.

Кэтлин Спенсер вошла в вагон, не обращая внимания на пассажиров, занятая лишь своими мыслями. В душе ее царило смятение.

Не отдавая себе отчета, она по-прежнему сжимала в руке листок с запросом. Вагон тронулся, быстро набирая скорость. В открытое окно ворвался ветер, и бумажка весело затрепетала, вырываясь из пальцев. Она тронула большим пальцем замок кейса, который реагировал на папиллярные линии. Иным способом, кроме как взломав, открыть его было невозможно. Упрятав запрос на самое дно, Кэтлин с шумом захлопнула титановую крышку кейса.

Если бы можно было так же легко избавиться от проблем, которые вызовет этот запрос!

Вагон плавно затормозил. Двери открылись, и снаружи донесся оглушающий пороссячий визг, тут же подкрепленный густым навозным запахом.

Вонь ощущалась по всей орбитальной станции, но здесь, в Восемнадцатой Секции, она была невыносимой. Разведение свиней на орбитальной станции с самого начала не сулило ничего хорошего, но этим пришлось заниматься, так как один из главных инвесторов был ведущим животноводом Европы.

Здесь свиньям не приходилось валяться в грязи, чтобы защитить свою нежную кожу от укусов насекомых, поэтому в свинарниках царила чистота, но запах был неистребим, несмотря на батареи наисовременнейших фильтров. Рано или поздно обитатели Звездного Девона привыкли к воню, как Сатклифф-Боулс, но Спенсер не могла привыкнуть. Да она и не старалась.

Большую экономическую проблему представляли арабы и евреи, которые не употребляли свинину по религиозным соображениям. Кстати, поэтому их почти не было на станции.

Вагон проносился мимо обширных зеленых полей, освещаемых системой линз и зеркал, которые направляли солнечный свет на растения в любое время суток. Вокруг станции на постоянной орбите вращалось гигантское зеркало размером с небольшой город – оно было первым звеном в сложной оптической системе. Свет был ярок и резал глаза. Спенсер отвернулась от окна.

Она недовольно посмотрела на других пассажиров, опасаясь любопытных взглядов, и открыла кейс. Внутри был встроенный телефон, она могла себе это позволить, будучи заведующей лабораторией. Правда, несмотря на занимаемый пост, Сатклифф-Боулс иногда давал ей секретарские поручения вроде сегодняшнего.

А почему он сделал это? Может быть, хотел проверить, как она отреагирует на запрос?

Нет, вряд ли. Сатклифф-Боулс слишком глуп для такой хитроумной ловушки. Просто он не знал, на кого свалить проблему, и вызвал первого попавшегося подчиненного.

Но если директор действительно что-то заподозрил и проверял ее по поручению африканеров или того, кто стоит за ними, ее дела действительно плохи. Вдобавок не далее как вчера кто-то пытался проверить ее счет в швейцарском банке!

Она набрала номер, не поднимая трубки. Радиосигнал достигнет ближайшей телефонной станции, а оттуда будет передан по назначению. Она не станет ничего говорить, только пошлет кодовый номер. Жан де Кайпер должен приехать в лабораторию одновременно с ней.

Остальные пассажиры совершенно не обращали на нее внимания. Отсутствие любопытства – необходимая черта для живущих в перенаселенном пространстве. Тех, кто совал нос в дела соседей, рано или поздно выпроваживали обратно на Землю.

Спенсер захлопнула кейс и принялась нервно барабанить пальцами на крышке.

Она не чувствовала одиночества, потому что у нее никогда не было друзей, и она привыкла к этому. Единственные близкие ей люди – родители давно умерли. После их смерти она полностью посвятила себя науке. Сначала Кэтлин долго не могла найти работу, но потом это даже обернулось к лучшему: открылась вакансия на Звездном Девоне. Она подала заявление, и ее приняли. Большинство ее коллег отказались покидать Землю, не

желая расставаться с насиженными местами.

Рециркуляция воздуха не позволяла добавлять в атмосферу станции инсектициды, но с насекомыми, попавшими на борт с различными грузами, надо было как-то бороться. Доктор Спенсер занималась созданием вирусов, убивающих вредителей.

Она была приятно удивлена, узнав, что нервно-паралитический газ был изобретен создателями инсектицидов.

Вагон слегка качнуло, видимо, монорельс был не в порядке. В этом месте такое происходило всегда. Спенсер очнулась от своих мыслей и взглянула в окно. Скоро ей выходить. Транзитная станция Семнадцать.

Она вышла из вагона вместе с двумя пассажирами и встала на эскалатор.

Скоро Кэтлин почувствовала увеличение гравитации, двигаться стало труднее. Это происходило потому, что лаборатория располагалась далеко от центра орбитальной станции, и центробежная сила, создающая тяготение, была там больше.

Спенсер было наплевать, что ее лаборатория практически изолирована от жилых помещений Звездного Девона, расположенных ближе к центру. Периферию строители отвели для складов и системы жизнеобеспечения, освещение здесь было похуже и не имитировало весенний солнечный свет.

Спенсер иногда забавляла наивность строителей, посчитавших, что шлюзовая камера при входе в ее лабораторию в случае аварии сможет предотвратить распространение микроорганизмов по орбитальной станции.

Охранник внутри должен был узнать о приходе Спенсер, когда заработал эскалатор, но она все-таки нажала кнопку звонка и досчитала до трех. Шлюз не открылся. Ее рука потянулась к хрустальному амулету на шее – как всегда, когда она волновалась или была раздражена.

Дверь медленно открылась.

Внутренняя дверь тоже уже была открыта – охранник очень спешил.

– Добрый день, доктор Спенсер, – виновато произнес огромный детина. На лбу у него выступили капельки пота. Он знал, что его ждут неприятности.

– Хойер, где ты был? – бесстрастно спросила его Спенсер.

– Я... Там надо было передвинуть радиатор, и я...

– Ты опять заигрывал с Платтом, как всегда, – перебила его Спенсер. Охранник умоляюще смотрел на нее. – Когда ты не на работе, можешь устраивать сходки со всеми гомиками станции, – продолжала она, не меняя тона, – но в рабочее время ты обязан находиться на месте, пока я не разрешу тебе его покинуть. Я ясно выразилась?

Хойер кивнул. Его била мелкая дрожь.

Спенсер грозно смотрела на него какое-то время. Ее раздражение было вызвано не столько разгильдяйством охранника, сколько проклятым запросом, который не давал ей покоя. Впрочем, теперь Хойер может пригодиться. Она решила использовать его, еще когда сидела в кабинете директора. Охранник был силен, любил деньги, и ему можно было доверять в разумных пределах.

К сожалению, его любовник – техник третьего класса Платт из этих трех качеств обладал только одним – он любил деньги. Поэтому использовать его не имело смысла. Кроме того, если Спенсер поручит Хойеру что-нибудь деликатное, этот придурок немедленно разболтает все своему любовнику, а тогда о секретном поручении узнает вся станция. Что-то надо было придумать.

– Пришел человек из жизнеобеспечения? – спросила она, не меняя тона. Охранник даже не сразу понял, что казнь пока откладывается. Когда вопрос сквозь его толстый череп достиг мозга, он с готовностью ответил:

– Да, конечно, доктор. Де Кайпер у вас в кабинете. Что-нибудь не так с вентиляцией?

Спенсер прошла мимо него, ничего не сказав. В другое время она ответила бы колкостью, но сейчас была слишком занята своими проблемами.

Она направилась напрямик к себе в кабинет. Работники лаборатории здоровались с

ней, но она молча шла дальше с каменным лицом. Платт предпочел скрыться с глаз подальше. Доктор Лоуренс, который тоже участвовал в секретной разработке, боязливо поздоровался со своим шефом. Лоуренсу было известно, кто такой де Кайпер на самом деле, но он не знал, зачем африканер явился к ним в лабораторию сегодня. Спросить об этом прямо он не решался.

Спенсер подошла к двери своего кабинета и почувствовала запах ингалятора, которым пользовался де Кайпер. На Земле табакокурение стало редкостью, а на орбитальных станциях не курил никто: это было бы самоубийством, учитывая повышенное содержание кислорода в искусственной атмосфере.

Ингаляторы получили не менее широкое распространение, чем сигареты в прошлом. Де Кайпер, как многие африканеры, использовал смесь с сильным ароматом табака и разных пряностей. Когда он выдыхал, его окружал довольно неприятный запах. И вот теперь он расселся в личном кабинете Спенсер, положив ноги на стол, откуда предварительно убрал настольную лампу, и глубоко вдыхал пары своей адской смеси.

Спенсер в ярости захлопнула за собой дверь, но удара не получилось – сработал амортизатор.

– Я, кажется, говорила вам, – прошипела она, – чтобы вы не пользовались этой вонючей штукой у меня в кабинете. И в моей лаборатории тоже.

Африканер вытащил ингалятор, имевший форму ручки с золотым ободком посередине, изо рта и посмотрел на него. Ноги со стола он не убрал.

– А я, кажется, говорил вам, милочка, чтобы вы не звонили мне. Было такое? – лениво произнес он.

Его холодные голубые глаза не выражали ничего, но когда де Кайпер заметил, что Спенсер потянулась к своему амулету, он встал и спрятал ингалятор во внутренний карман серого костюма.

– Ладно, – примирительно сказал он, боясь раззадорить эту сумасшедшую. – Вы позвонили мне, я приехал. В чем дело?

– Случилась неприятность, с которой лучше справитесь вы, чем я.

Спенсер обошла стол и уселась в свое кресло, которое до ее прихода занимал африканер. Сам де Кайпер остался стоять.

– Сообщите мне данные о... – начала говорить Спенсер в интерком. Номер она помнила наизусть, но все-таки решила удостовериться. Она открыла кейс и достала запрос. – ...О проекте Нью-Йоркского университета номер тридцать два дробь сто сорок пять.

Искусственный мозг помедлил три секунды, потом монитор засветился и выдал запрос о Бэтоне, копию которого Спенсер держала в руке.

После этого на экране загорелись буквы: КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ. Это было все.

Спенсер вздохнула и прикрыла глаза ладонью.

Видя, что она сейчас не опасна, африканер осмелился спросить:

– Выходит, тут ничего нет? Зачем же вы вызвали меня?

Спенсер открыла глаза и убийственно холодным взглядом посмотрела на него.

– Я вызвала вас, потому что кто-то из ООН интересуется Родни Бэтоном.

Де Кайпер недоуменно пожал плечами.

– Это тот человек, который доставил препарат. Он работал в моей лаборатории, – раздраженно пояснила Спенсер. – И запрос неспроста. Дело здесь не в несчастном случае. Эта ерунда с университетским проектом придумана для прикрытия. Тут не простое совпадение.

– Не простое совпадение, – медленно повторил за ней африканер. Спенсер подумала, что его мозги работают так же медленно, как и язык.

Де Кайпер рассеянно вытащил из кармана ингалятор и принялся вертеть его в руках. Спенсер промолчала, так как понимала, что на этот раз он ее не дразнит. Просто он нервничал, а монотонные движения успокаивают. Она уже не испытывала к африканеру былой антипатии.

Они не были приятелями или союзниками, но в этот момент не могли обойтись друг без друга.

– Я доложу... – сказал африканер, не уточнив, что имеет в виду. По кабинету потек крепкий аромат табака.

– Они отменяют проект? – с деланным безразличием спросила Спенсер.

Де Кайпер вынул ингалятор изо рта и принялся внимательно разглядывать его золотой ободок, словно хотел уличить ювелира в подделке. Потом поднял голову, и в его глазах сверкнула решимость. Он прекрасно понял смысл вопроса, заданного этой женщиной: на карту поставлена судьба его народа, риск велик, но все решают неведомые силы, стоящие за спиной африканера.

– А что еще можно предпринять, милочка? – поинтересовался он.

– Этот запрос... – сказала она, щелчком переправляя ему лист, который едва не упал при этом со стола. Африканер с трудом поймал его. – Они просят выслать информацию не властям, как это делается обычно, а какой-то сотруднице университета. Может быть, ее на самом деле не существует в природе, но...

– Да-да, я понял, – подхватил де Кайпер, не отрывая глаз от документа. Он перечитывал его уже второй раз.

– ...Но если действительно есть такая Элино́р Брэ́дли, доктор наук, и ее интерес к Бэтону не является чисто академическим, тогда...

– Она в него была влюблена, так, что ли, милочка? – усмехнулся африканер.

– Вряд ли, – ответила Спенсер. Хотя почему бы и нет? Она внезапно вспомнила о Хойере и Платте. Что с ними делать? Надо спросить об этом африканера, он лучше ее разбирается в человеческих чувствах.

Большинство людей разбираются в этом лучше ее.

– В любом случае, – твердо продолжила она, – пока у нас недостаточно информации.

Она сделала паузу, встретив взгляд де Кайпера, и сказала, понизив голос:

– В вашем распоряжении много агентов. Пусть они выяснят, существует ли антрополог с таким именем, и если существует и ее интерес к Бэтону не случаен...

– Мы уберем ее, – закончил ее мысль африканер. – Я согласен.

Он сложил запрос вчетверо, засунул его в карман и поднялся, чтобы уйти.

– Погодите, – остановила его Спенсер, тоже поднимаясь с кресла. – Ее не просто надо убрать. Она откуда-то получила информацию. Надо ликвидировать источник этой информации.

Де Кайпер пожал плечами. За мыслями этой женщины трудно угнаться.

– Все, что в наших силах, мы сделаем. Постараемся схватить ее и допросить, если удастся.

Африканер направился к двери. На пороге он обернулся и добавил:

– В любом случае мы ее уберем. С этим проблем не будет.

Спенсер проводила его взглядом, представляя, как выглядит неведомая Элино́р Брэ́дли, которую она никогда не встречала и теперь уже наверняка не встретит.

10. ПОХИЩЕНИЕ

Пит ван Зелл хорошо знал Стикса и Тримена. Он вместе с ними работал на нескольких стройках. Это была тяжелая работа, но за нее платили, в отличие от сегодняшней.

Янса и ван Руна он раньше не встречал – они служили в Бюро Утилизации в штаб-квартире ООН. Ван Зелл знал, однако, что они – люди надежные, иначе бы ему их не порекомендовали. Сейчас они впятером ехали в оранжевом фургоне Бюро.

– Когда же... – с тревогой заговорил Стикс.

– Помолчи-ка, – оборвал его Яне, чувствующавший себя более уверенно, хотя нервничал ничуть не меньше, чем строители, которые тоже были одеты в оранжевые комбинезоны: будучи сотрудником Бюро, он боялся потерять работу, если что-нибудь откроется. – Скоро

придет вторая смена – минут через двадцать. Если мы не будем на месте, не избежать неприятностей.

Всех пятерых собрали по телефону, снабдив каждого лишь частью информации. Телефонная передача приказов считалась делом рискованным, но посылать курьера не было времени.

– Все в порядке, – прошептал ван Рун, взглянув на монитор. По радиии они слышали переговоры рабочих Бюро Утилизации, но их трудно было понять космическим строителям, которые не знали специфического жаргона ремонтников.

– Они возвращаются на базу. Нам нужно...

За рулем сидел Стикс. Он не привык водить машину на Луне и поэтому нажимал на тормоза и газ слишком резко.

– ...Ехать быстрее. – Ван Рун едва не прикусил язык от внезапного толчка.

Он сидел рядом со Стиксом и все время лез к нему с советами, заклиная вести машину осторожнее. Стиксу и без того было несладко: то и дело приходилось объезжать пешеходов, которые сами лезли под колеса.

Трое африканеров на заднем сиденье всю дорогу отбивались от металлических ящиков, норовивших придавить их, когда фургон притормаживал или разгонялся.

– Следующий поворот! – закричал ван Рун. – Сюда! Сюда!

Стикс ударил по тормозам. Африканеров бросило вперед на ящики. Они оказались в узком коридоре, который вел к жилой секции.

– Идиот! – только и смог сказать сильно ударившийся Яне.

Трое африканеров в оранжевой униформе вылезли через заднюю дверь и выгрузили раздвижное ограждение и ящик с инструментами прямо на тротуар. Многочисленные пешеходы не обращали внимания на суетящихся рабочих.

Фургон почти полностью перегородил узкий проход. Прохожие с трудом протискивались между ним и стенами.

Ван Рун привстал на сиденье, наблюдая за работавшими товарищами. Металлическое ограждение за фургоном перекрыло движение полностью.

Ван Рун плюхнулся на сиденье, крича водителю:

– Готово! Поехали!

Стикса не пришлось просить дважды. Мотор взревел, и фургон рванулся вперед.

Яне стоял за баррикадой, сделав зверское лицо. Его задачей было никого не пропускать в течение нескольких минут.

Стикс затормозил у двери с табличкой «15». Это была квартира Эллы Брэдли. Они не знали, дома ли она, но шансы застать ее были высоки – по полученным данным антрополог не только жила здесь, но и работала. Если Брэдли нет, ван Рун уедет, а ван Зелл, Стикс и Тримен устроят засаду в квартире.

Тримен выскочил из машины и выгрузил еще одно ограждение. Вместе с ван Руном они поставили его впереди фургона. Стикс остался за рулем, внимательно наблюдая за обоими концами коридора.

Теперь небольшой участок туннеля был полностью изолирован с двух сторон.

Ван Зелл кивнул Тримену и нажал кнопку звонка.

– Кто там? – раздался женский голос из динамика, укрепленного рядом с дверью.

Было бы глупо ожидать, что Брэдли откроет им сразу, но ван Зелл втайне на это надеялся.

– Бюро Утилизации, мадам. Где-то произошла утечка метана, и нам необходимо проверить все помещения.

– Но... я уверена, что утечка не у меня, – ответила женщина. Дверь осталась закрытой. Тримен, вертя в руках какой-то инструмент, от которого шли провода к фургону, с тревогой посмотрел на ван Зелла.

– Мадам, – снова заговорил тот.

– Извините, но вам придется уйти. – В ее голосе слышался затаенный страх. – Я очень

занята.

Ван Зелл кивнул Тримену. Тот аккуратно прижал плоскую поверхность электронной отмычки к замку. Высокочастотный заряд пережег все цепи и отключил электромагнит. Язычок замка, щелкнув, втянулся внутрь.

Пит ван Зелл ударил в дверь плечом, надеясь, что механического засова в квартире нет. На этот случай у него был припасен титановый ломик.

Ему повезло. Дверь легко распахнулась.

Женщина в глубине комнаты бросила телефонную трубку и закричала. Ван Зелл бросился вперед, схватил ее за талию правой рукой и, сжимая в левой ломик, ткнул им в настенный телефон, пытаясь разъединить линию на тот случай, если она успела набрать номер. Корпус телефона треснул, но удар был несильным, поэтому электронная начинка осталась неповрежденной. Женщина с неожиданной силой толкнула африканера в грудь, но он не ослабил хватки.

Она оказалась его соседкой по столику в «Мулен Руж». Потому-то она и не открывала: видимо, узнала его на экране домофона. Униформа Бюро Утилизации оказалась слабой маскировкой.

– Помоги же, идиот! – закричал ван Зелл на африканс своему товарищу, который лихорадочно рылся в карманах, ища шприц с наркотиком.

Не переставая кричать, она снова толкнула его в грудь, и ему пришлось отбросить ломик и схватить ее обеими руками. Он пришел в ярость и едва не ударил ее как следует, но вовремя вспомнил, что она нужна живой. Массой своего тела ему удалось оттеснить Брэдли от телефона.

Тримен схватил ее за плечо. В ответ она ударила его ногой в пах. Она носила модные ботинки с весьма твердым носком, и африканер, громко вскрикнув, сложился, как складной метр.

– Стикс, где ты? – заорал ван Зелл, увертываясь от грозного ботинка, направленного в то же место. Брэдли ударила его по голове и вцепилась в волосы.

Ван Зелл попытался сделать подсечку, но неудачно. Она была даже сильнее его – сказывалось долгое время, проведенное африканером в невесомости.

– Стикс!

Элла вырвалась, с неженской силой оттолкнула африканера и схватила трубку, болтавшуюся на шнуре. Стикс выстрелил в нее с порога. Маленькие иглы с треском воткнулись в стену, в диван, три из них пробили платье и вонзились ей в кожу.

Брэдли упала на спину, руки и ноги у нее дергались, как у механической куклы. Ван Зелл прижал бьющееся тело женщины к полу, а пришедший ему на помощь Стикс схватил ее за руки.

Тримен наконец нашел свой шприц и вонзил иглу в шею Брэдли. Она успела обозвать его подонком – голосовые связки не были парализованы высокочастотными разрядами игл станнера.

Станнер превращался в смертоносное оружие, если у жертвы не выдерживало сердце или если игла попадала в солнечное сплетение, так что Стикс рисковал, когда выстрелил, вместо того чтобы оттащить Брэдли от телефона.

После укола Элла была совершенно обездвижена. Тримен впрыснул ей миорелаксant в сонную артерию. Ван Зелл поднялся, отряхиваясь. Его тошнило.

Они собирались отвезти ее в шлюз. Привести в чувство другим уколom, напичкать наркотиками, допросить, а потом покончить с ней тем же способом, каким воспользовался техник со Звездного Девона.

– Надо завернуть ее во что-нибудь! – воскликнул Стикс и принялся рыться в бельевом ящике возле дивана. Достав оттуда простыню, он набросил ее на тело женщины.

– Пошевеливайся, – буркнул ван Зелл. Тримен не помогал им. Он с трудом стоял на ногах, зажимая руками гениталии, и вполголоса ругался.

Они упаковали свою жертву в одеяло и две простыни. Потом ван Зелл вдвоем со

Стиксом подняли потерявший человеческие очертания сверток и понесли его к двери.

– Придется мне сесть за руль, – проговорил Стикс, задыхаясь от непривычной нагрузки. Они бросили тело в грузовой отсек фургона и залезли внутрь сами.

– Быстрее! – закричал ван Зелл Янсу, который препирался с каким-то высоким прохожим, желавшим пройти за загородку. В этом не было ничего особенного. Когда Яне побежал к фургону, незнакомец и ван Зелл встретились взглядами. Африканер какое-то мгновение пытался вспомнить, где он видел этого человека.

Но сейчас ему было не до этого.

– Поехали! – приказал ван Зелл, открывая ящик для инструментов.

11. ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОГРАММЕ

«Дункан, Дункан, ты арестован», – напевал про себя Йетс старую ковбойскую песенку. Иногда он начинал насвистывать мелодию, но у него не очень получалось. Когда Сэм Йетс насвистывал, это означало, что у него прекрасное настроение.

Он не встал на движущуюся ленту, потому что было еще рано и ему хотелось прогуляться пешком. Нет, он не станет торопиться. Для чего потеть как идиот и портить свой новый костюм?

«Дункан, Дункан, ты арестован. Дункан, Дункан...»

Проход ММ-МН – 12 был закрыт, а Йетсу требовалось пройти именно туда.

– Извините, сэр, – сказал ему рабочий в оранжевом костюме, – сюда нельзя.

И поднял руку в запрещающем жесте. Его голос почему-то звучал взволнованно, он опустил голову, стараясь не смотреть Йетсу в глаза, так что было трудно рассмотреть его лицо.

Сэм вытащил из внутреннего кармана свою личную карточку и показал рабочему. Он не собирался задерживаться у дурацкой загородки, когда его ждет Элла.

– А в чем, собственно, дело? – спросил он несколько более сурово, чем требовалось.

За загородкой стоял оранжевый фургон. Двое мужчин в униформе запикивали в него какой-то сверток длиной с человека. Йетс решил, что сумеет протиснуться между фургоном и стеной, не запачкав своего нового костюма.

– Послушайте, мне все равно, кто вы такой, – заупрямился рабочий. – Где-то утечка газа, и проход закрыт для всех.

Сэм посмотрел через плечо в сторону фургона.

Один из ремонтников уселся за руль, другой занял место рядом с ним и закричал своему товарищу у загородки:

– Быстрее!

Йетс узнал кричавшего – это был тот самый бородач из ресторана. Загородка выглядела хлипкой. Сэм без труда протаранил ее телом. Алюминиевые пластины погнулись, все сооружение упало, сбив с ног не успевшего отскочить рабочего. В этой свалке Сэм оказался сверху.

– Стойте! – закричал он вслед отъезжающему фургону.

Вскочив на ноги, он бросился вдогонку. Парень, которого он сбил, не остановит его, и о нем можно не думать, если только у него нет оружия – игольчатого станнера или...

В руках у рабочего был плазменный излучатель.

Ты думал, что забыл бамбуковые джунгли, где засада может ждать в любую минуту и в любом месте? Нет, это останется навсегда...

Йетс еще не понял, что произошло, а его тело, повинаясь рефлексам, уже действовало.

Плазменный излучатель имел в длину около тридцати сантиметров, у него был приклад, рукоятки, а сбоку – магазин. Короткий вольфрамовый ствол весил около трех килограммов. Никакой другой материал не выдерживал адской температуры потока плазмы.

Откуда у парня запрещенное оружие, подумал Йетс, в то время как его руки, действуя независимо от сознания, вцепились в ствол и рванули излучатель на себя. Мускулатура у

Сэма все еще была земная – он вырвал оружие у противника, но при этом поскользнулся и упал на спину.

Африканер схватил металлический ящик, намереваясь разmozжить им голову Сэму. Йетс не целясь вскинул излучатель и нажал на спуск.

Ничего не произошло, если не считать того, что ящик полетел ему в лицо.

Йетс однажды стрелял из такого оружия, но это было двадцать лет назад и модель была экспериментальной. Ходили слухи, что такие излучатели часто взрывались, так что многие военные не хотели даже испытывать их, а тем более использовать в полевых условиях.

Он перекатился вбок, и ящик пролетел мимо, царапнув его по уху.

Опыт не мог подсказать Йетсу, как обращаться с излучателем, несмотря на то что он был сделан в США. Но у всех видов ручного оружия немало общего, например, простота в обращении. Йетс наугад перевел большим пальцем какой-то рычажок на рукоятке, и излучатель дернулся у него в руках.

Африканер исчез в огненном облаке.

Отдача была сильной – плазма вырывалась со скоростью, чуть меньшей скорости света. В одном заряде было достаточно энергии, чтобы вскипятить бассейн. Пораженный Йетсом африканер превратился в пар.

Сэм перевернулся на живот и выбросил вперед руки с излучателем, готовый поразить следующую цель; Проход снова взорвался неправдоподобной белой вспышкой – один из «ремонтников» открыл огонь.

Рядом с Йетсом плазма выжгла три квадратных метра алюминиевых панелей.

Йетс выстрелил в ответ почти наугад. Слепленный предыдущей вспышкой, он видел перед собой только размытые фиолетовые пятна.

Патроны для плазменного излучателя представляли собой батарею микролазеров, направленных на дейтериевый шарик. Все это помещалось в вольфрамовом корпусе. В нем было только одно микроскопическое отверстие, направленное в сторону дула излучателя.

При нажатии спускового крючка лазеры в доли секунды превращали дейтерий в поток плазмы, который находил себе только один выход – через ствол оружия.

Человек, который стрелял в Йетса, был убит. В момент выстрела он держался рукой за борт машины. Эта рука осталась там и сейчас, а тело исчезло.

Фургон притормозил, чтобы забрать человека у дальней загородки, а потом снова набрал скорость.

Сэм Йетс никогда не был полицейским и не знал принципа «охранять и защищать». Он, конечно, понимал, что может промахнуться и испепелить мирного гражданина, но инстинкт подсказывал ему: «убей или будешь убит».

Йетс выстрелил снова, целясь в оранжевый фургон, который в этот момент поворачивал за угол. Поток плазмы обрушился на машину, расплавил часть борта и бросил ее на стену коридора.

Йетс откатился в сторону, испачкав ботинок в том, что осталось от его первого врага. Ответный выстрел из фургона расплавил панели потолка в пятидесяти метрах позади Йетса.

В туннеле в тот момент находилось около сотни мирных прохожих. Двое латиноамериканцев были отброшены бортом фургона и разбились своими телами витрину ювелирного магазина. В полицейских отчетах их назовут не «жертвами дорожного происшествия», а «пострадавшими при перестрелке», что, несомненно, должно им польстить.

Йетс рванулся вперед. Мир перед его глазами исчез в новой плазменной вспышке. В лицо ударил нестерпимый жар.

Плазменным излучателем с Луны можно было поразить любую цель на Земле.

Трудно попасть в мишень, которая в ответ стреляет в тебя тоже. Йетс и человек в фургоне выстрелили одновременно, и оба промахнулись.

Йетс угодил в стену за фургоном, и он высветился черным контуром на ярчайше-белом фоне.

Зрение Йетса отказывалось служить. Перед глазами плясали бесчисленные разноцветные искры.

Он с трудом разглядел, что человек, с которым он обменивался выстрелами, лежит неподвижно возле фургона. Убит или нет? Впрочем, в фургоне должен быть еще один.

Застигнутые огнем пешеходы жались к стенам. Те, кто понял, в чем дело, разбегались. Некоторые пытались бежать против движения роллеров, сбивая с ног остальных. Другие с выражением тупого любопытства на лице застыли на месте. Брошенная водителем машина медленно ехала по туннелю, то и дело задевая стену.

Йетс тщательно прицелился и выстрелил в бок фургона. Почему-то взрыва не произошло. Плазма выжгла неровное отверстие размером метр на метр, но не прошла насквозь: вся энергия заряда преобразовалась в тепло. Загорелась краска.

Йетс сделал спринтерский рывок и попытался перепрыгнуть через фургон, чтобы затем напасть на врага, засевшего внутри, с неожиданной стороны. Его подвело обожженное близко прошедшим зарядом бедро.

Прыжок не получился, и Йетс с силой ударился грудью о крышу машины. При столкновении излучатель уперся ему в солнечное сплетение. Оглушенный Сэм не смог удержать оружие.

Если бы ему удалось вскарабкаться на крышу! Но он всего лишь зацепился за ее край.

Йетс сполз вниз, скользя пальцами по металлу, и упал спиной на тротуар. Все, можно считать себя мертвецом. Избитый, обожженный, он был готов сдаться.

Но никто его не атаковал. Время словно остановилось. Интересно, собираются они в него стрелять или нет?

Йетс пришел в себя. Он слышал тревожные крики людей и шум моторов. Еще не вполне понимая, где он, Сэм с трудом встал на четвереньки. Потом, шатаясь, поднялся на ноги.

Ему тут же пришлось схватиться за стену, потому что левую ногу свело судорогой. Левый глаз плохо видел, наверное, в него попала грязь, если не случилось чего-нибудь похуже – ожог роговицы, например.

Йетс попытался выпрямиться, но его качнуло, как на корабле во время шторма, и он едва не врезался в противоположную стену.

Когда плазма испаряет металл, он осаждается на всех окружающих предметах. У Йетса были опалены волосы и прожжен его прекрасный шерстяной костюм. Капельки алюминия вплавились ему в щеку и в лоб. Левое ухо было покрыто копотью, из многочисленных ссадин сочилась кровь. Казалось, каждый нерв был погружен в кислоту.

Сэм не помнил, что с ним произошло в последние несколько секунд. Видимо, его оглушило. Наверное, от выстрела с потолка сорвалась панель.

Он помнил только, что, когда он прыгнул и ударился о крышу, излучатель воткнулся ему в солнечное сплетение. Где же его оружие? Сколько раз он выстрелил, интересно? Первым делом надо разыскать излучатель. Он мог провалиться внутрь фургона через выжженную дыру.

Потом можно поллюбопытствовать, почему его не прикончили, когда он лежал без сознания.

Где-то вдалеке завывали сирены. Надо убираться как можно быстрее. Если опять повезет, – а Йетс прекрасно понимал, что только благодаря своей счастливой звезде он остался в живых, – если повезет, патрули задержатся из-за пробок и разрушений, вызванных плазмой.

Сэм решил во что бы то ни стало избежать объяснений с блюстителями порядка, иначе придется расстаться с излучателем. А это было бы нежелательно, учитывая, что трое или двое людей в оранжевой униформе пока целы и невредимы и разгуливают где-то точно с таким же оружием.

Двое. Их осталось в живых только двое. Сэм влез через заднюю дверь в фургон, и его рука попала на то, что было когда-то лицом человека. Боковая стена машины приняла на себя часть энергии плазмы, поэтому тело не испарилось, сгорели только одежда и лицо.

В левой руке трупа был зажат игольчатый станнер, а в правой – иньектор с красным и зеленым отделениями.

На заднем сиденье что-то тускло блеснуло. Излучатель. Солдат по имени Сэм Йетс взял в руки свое оружие.

Потом он размотал почерневшие простыни, закрывавшие тело женщины.

Господи! Это была Элла Брэдли!

Он взял излучатель в правую руку, вылез из фургона и осмотрелся. За машиной никто не притаился. Оглянувшись по сторонам, Сэм увидел неподалеку закрытую дверь, наполовину сожженную излучателем. Замок расплавился.

Сэм открыл дверь и вошел. Внутри была лестница, ведущая куда-то вверх. Не успел он сделать второго шага, как тут же последовал выстрел, чуть не испаривший его.

Дверь вела в шлюзовое отделение. Бородатый африканер и его оставшийся в живых товарищ собирались бежать по поверхности Луны, и тогда их было бы невозможно преследовать.

Внутреннюю дверь шлюза было нельзя отпереть при открытой наружной, которая закрывалась либо вручную – с поверхности, либо дистанционно – командой с Центрального пульта. К тому времени, когда это будет сделано, двое африканеров будут далеко отсюда и проникнут в колонию через любой другой шлюз.

Йетс отпрянул, зажмурившись. Он не собирался стрелять в ответ. В таком узком пространстве это было бы самоубийством.

Сэм выронил излучатель, из его обожженных глаз градом катились слезы. Проклятье, этот выстрел прошел слишком близко. Если бы он вошел чуточку быстрее...

Какой-то человек, бежавший по искореженному выстрелами тротуару, натолкнулся на Сэма, едва не сбив его с ног.

– В чем дело? – залопотал он по-французски. – Что здесь случилось?

– Страшная авария, – ответил Йетс тоже по-французски. Незнакомец хотел заглянуть в фургон, но Сэм его удержал. – Очень, очень страшная.

Он оттолкнул француза и вытащил из руки мертвеца иньектор. Окружающий мир казался Сэму мутным и разноцветным.

– Скажи-ка, приятель, где у этой штуки зеленый конец?

– О Господи! – ахнул незнакомец.

– Где зеленый конец, болван?

– Вот он! – крикнул несчастный француз и рванулся в сторону, пытаясь вырваться из рук офицера Безопасности. Сэм неожиданно отпустил его, и незнакомец пролетел метров шесть по воздуху, прежде чем упасть на тротуар. Потом вскочил и, не оглядываясь, помчался прочь.

Сэм наклонился над Брэдли, нащупал яремную вену и впрыснул ей противоядие.

Вой сирен приблизился. Надо бежать, чтобы его не застигли на месте происшествия, но прежде он должен разобраться, что с Эллой.

Боль немного поутихла, горели теперь только отдельные обожженные места, и ногу больше не сводило.

Брэдли резко села и попыталась вцепиться ногтями ему в глаза. Йетса спасло лишь то, что она запуталась в простыне.

– Да вы что? – рявкнул он, отскакивая быстрее, чем позволяли ноющие от ушибов ребра.

Взгляд девушки постепенно стал осмысленным, она с удивлением огляделась. Лицо Эллы перекосилось от ужаса, когда она увидела полусожженный труп, ноги которого почти касались ее.

– Быстрее, – сказал Йетс, не давая ей времени впасть в истерику. Он оглянулся. Из-за поворота уже показались синие вспышки полицейских маячков.

Брэдли вылезла из фургона, за ней тянулась грязная простыня. По лицу было видно, что ее мутит.

– Где мы? – Он едва расслышал ее слова.

– Бежим к вам, быстрее! – выпалил Йетс и потянул Эллу за локоть. Если она не сможет идти, придется ее нести, вернее волочить, потому что на большее Сэм сейчас был явно не способен.

Его костюм совершенно погиб, в отличие от ее платья, которое было вполне в удовлетворительном состоянии.

Элла сделала несколько неуверенных шагов, вцепившись в руку Сэма, а потом пошла почти самостоятельно.

По углам и щелям прятались невольные зрители происшествия. Интересно, что они думают обо всем этом? Вряд ли кто-нибудь из них понял, что произошло. Да Йетс и сам этого не понимал.

– Сюда, – хрипло позвала Брэдли и потянула его к открытой двери, мимо которой Сэм едва не прошел. В этот момент он уловил слабый аромат духов от ее волос, который неведомо как пробился сквозь тяжелый запах гари.

Сэм вспомнил, что они собирались в ресторан, и внезапно ощутил зверский голод. Кроме того, он почувствовал – к немалому удивлению – дикое сексуальное возбуждение.

12. В КВАРТИРЕ БРЭДЛИ

Элла ощущала постоянную ноющую – вроде зубной – боль в спине, куда попали иглы станнера.

Шея тоже ныла – в том месте, куда вводились препараты. Руки и ноги в синяках после схватки с похитителями, побаливал живот.

Ей хотелось одного – закрыть дверь, забыв об этом кошмаре, рухнуть на кровать и не шевелиться.

Но замок в двери был сожжен, и отгородиться от мира невозможно, а кроме того, в комнате, прислонившись к косяку, стоит инспектор Йетс в порванном костюме, весь закопченный, похожий на нью-йоркского бродягу.

Левое ухо Сэма выглядело ужасно, он старался не наступать на левую ногу, на всех участках тела, не прикрытых одеждой, виднелись ссадины и ожоги.

Йетсу нужен врач, она должна вызвать ему врача. Она позвонит, как только немного придет в себя. Сейчас надо попросить его отойти от двери, чтобы задвинуть механический засов.

– Пожалуйста, инспектор, садитесь, – сказала она, словно собиралась брать у него интервью. Как глупо. Если бы голова так не болела!

– Спасибо, – ответил он, – но куда.

Элла растерянно огляделась. Она не помнила, что происходило в этой комнате четверть часа назад. Кажется, не уцелело ничего. Все, что могло быть сломано, было сломано. Впрочем, кушетка более или менее цела, только на ней полно каких-то осколков.

Йетс, поморщившись от боли, уселся на нее.

Элла задвинула засов и прислонилась лбом к двери, чувствуя себя совершенно обессиленной.

– Вы знаете, что здесь произошло, инспектор? И почему? – спросила она, не поворачиваясь.

– Не знаю. Я-то всего лишь стрелял из плазменного излучателя, когда наткнулся на вас, заботливо завернутую в простыню.

Бывает он когда-нибудь серьезным? Она хотела сказать ему резкость, но, повернувшись, увидела, как он побледнел, на лбу у него блестели бисеринки пота. И еще. Его глаза. В них не было боли и страдания, а только приказ, жажда обладания, страсть.

– Я должна поблагодарить вас, – сказала она, подходя поближе.

– Может быть, чуть позже, когда мне станет лучше, – ответил Сэм, криво усмехнувшись.

Она внезапно вспомнила, что произошло в квартире, и принялась торопливо и бессвязно объяснять:

– Они сломали замок и ворвались сюда, а потом вкололи мне что-то... – Тут она поняла, что Йетс все это знает – в его руке все еще был зажат инъектор.

А вдруг и он в этом замешан? Он пригласил ее на ужин. Зачем? Чтобы втереться в доверие? Или... Она шагнула назад к двери, которую сама же только что заперла.

– Не знаю, как вы, но я не собираюсь объяснять, что произошло, всем желающим. Пусть все останется между нами, хорошо? – тихо сказал Йетс.

– Между нами? – Брэдли гневно посмотрела на него. – Если не ошибаюсь, там, в коридоре, несколько трупов, не говоря уже о сгоревшем фургоне и... – Внезапно она вспомнила, как ноги трупа касались ее тела, и мысли ее смешались.

Элла бессильно опустила на ковер, но все-таки поближе к двери. Он был чужой. Если он сотрудник Службы Безопасности, это вовсе не значит, что он на ее стороне. А кто не на ее стороне?

– У них акцент, как у африканеров, – пробормотала она негромко, но Йетс услышал.

– Естественно, – отозвался Сэм и шевельнулся.

Элла вскинула на него глаза, но он оставался на месте. Кушетка уже была безнадежно испорчена кровью и копотью.

Вряд ли кто-нибудь из притворства стал бы так уродовать себя. Значит, он не враг? Сэм в это время спросил:

– Как бы нам скрыть все, что произошло?

Элла в ответ пожала плечами. Йетс осторожно изменил положение, поставил локти на колени для опоры и наклонился к ней. Элла видела, как набухли у него на лбу вены.

– Скрыть, что произошло, мы не в силах, зато можем скрыть наше участие в этом. Понимаете? Я здесь не был, вас там тоже не было.

– Кто-то хотел похитить меня, – тихо сказала она, вцепившись пальцами в ковер. – И вы хотите, чтобы я не сообщала об этом в полицию?

– Если кто-нибудь спросит, скажете, что сообщили об этом мне. К кому вы собираетесь пойти? К Есильковой?

Это ее задело.

– Я – сотрудница миссии ООН. У меня есть связи...

– Пока не выяснено, кто это сделал и зачем, думаю, не стоит сообщать о происшедшем в ООН. Тем более что все равно дело передадут нам. А я не хочу, говорю вам, провести следующие несколько недель в объяснениях, как и зачем я стрелял в коридоре из экспериментального оружия. И еще одно: среди напавших на вас был тот бородач, который сидел с вами за одним столиком в «Мулен Руж» в день, когда...

– Я помню его.

Йетс не казался ей больше опасным. Но что от нее хотели африканеры в оранжевых костюмах? Она никогда не совершала ничего такого в Южной Африке, что бы могло привлечь внимание контрреволюционеров. И почему это случилось именно сейчас, когда колония парализована страхом перед новой эпидемией? Может, кто-то подумал, что у них в ООН есть вакцина? Или она по ошибке оказалась втянутой в неизвестный заговор? Должна же быть какая-нибудь веская причина для похищения, иначе кто бы стал рисковать жизнью!

– У вас есть вода? – спросил Сэм.

– Да, конечно. Есть еще и чай и кофе – настоящий кофе. А может, хотите вина или пива?

– Настоящий кофе? Было бы неплохо. – Он сделал слишком резкое движение и поморщился.

Элла встала с ковра.

– Черный или с молоком?

– Черный, – ответил он.

Она прошла мимо перевернутого стола на кухню. Там все было в порядке: ничего не

разбито, вещи на своих местах.

– Послушайте, вам ведь надо к врачу, – громко сказала она, чтобы в комнате было слышно. – Как вы ему объясните свои раны?

– Скажу, работа такая, – ответил Сэм у нее за спиной.

Элла охнула и резко повернулась.

– Не смейте подкрадываться. Я...

– Прошу прощения. – Он отступил на шаг. – Можно, я осматрю тут все? Хочу выяснить, зачем они приходили.

– Они приходили за мной. Они нигде не рылись, – уверенно заявила Элла, хотя особой уверенности не испытывала, отчего и добавила: – Не знаю почему. Можете проверить мой кабинет, там все должно быть на своих местах.

Сэм вошел в кабинет и надолго исчез за дверью. Когда кофе был готов, он еще не вышел, поэтому Элла отнесла чашки на подносе туда.

Он просматривал ее файлы. Элла пришла в ярость. Ее начала бить дрожь, и она была вынуждена поставить поднос на стол, чтобы не расплескать кофе.

– Вот ваша чашка, – ледяным тоном объявила Брэдли. – Если вам здесь что-нибудь нужно, буду рада помочь.

– Простите, я искал то, что искали они. – Йетс подошел к столику за чашкой, и Элла снова обратила внимание на то, какой он огромный. Высок, худ, мускулист. Если бы его видели подруги, они бы сказали, что он ей «пара».

И он спас ей жизнь. Наступило неловкое молчание. Чувствуя себя беспокойно под его пристальным взглядом, Элла взяла свою чашку, отпила глоток. Ну зачем он так смотрит?

Сэм тоже потянулся за чашкой и нечаянно коснулся ее руки. Элла отдернула ее, помедлив секунду.

– Итак, сохраним происшедшее в тайне какое-то время, идет?

– То есть нам придется вместе вести расследование? – спросила Элла. Это было единственным выходом в сложившейся ситуации, но она почему-то смутилась.

– Отлично. – Йетс улыбнулся до ушей. – Составим план кампании. С чего начнем?

Действительно, с чего? Йетс выглядел, как будто его переехал грузовик, а потом он горел на костре. Она нерешительно предложила, боясь обидеть его:

– У меня тут есть мужская одежда. Вам она подойдет. А если вы еще вымоетесь, можно будет показаться в Центральном госпитале, не вызывая особых подозрений.

– Потрясающе! – воскликнул он с мальчишеским энтузиазмом. Оставалось надеяться, что он был искренен.

По крайней мере, он не спросил, откуда у нее мужская одежда, понимает, что это не его дело. Она поднесла чашку к губам и сказала:

– Тогда все в порядке. Пока мы будем готовить вас к появлению в приличном обществе, можно попытаться составить план.

И тебе придется убедить меня, Сэм Йетс, что ты не замешан во всем этом и у тебя есть веские причины не сообщать о случившемся властям.

Она не могла понять, почему он не позвонит прямо отсюда на работу, почему он не обращает внимания на свои раны, а беспокоится о том, что она скажет, если расследование все-таки начнется.

Стоит ли говорить ему, что она послала запрос Нью-Йоркского университета, проект номер 32/149 с компьютера штаб-квартиры ООН на Звездный Девон?

– Инспектор Йетс, пройдите, пожалуйста, сюда. – Это прозвучало слишком церемонно и глупо, но она приглашала его в свою спальню, где хранилась одежда.

Он пошел за ней, по-прежнему держа в руке чашку, и упрекнул на ходу:

– Мы же договорились называть друг друга по имени. Я все еще Сэм, помните?

– Прекрасно, Сэм. Скажи мне тогда, подвергался ли нападению кто-нибудь из посетителей ресторана... Или, может, кто-то умер при странных обстоятельствах. Я имею в виду, кто-нибудь помимо Бэтона.

– Пока нет, – ответил он и вошел в спальню.

Его голос звучал немного странно. Слишком... интимно.

Элла повернулась к нему лицом, внезапно поняв, что ей не следовало приводить его в спальню. Лучше бы он остался в кабинете или где-нибудь еще, но только не здесь! Можно переодеться в ванной, наконец!

Элла почувствовала, что краснеет. В смущении она запустила пальцы в волосы, слегка хриплым голосом произнесла:

– Подождите минутку, я принесу вам одежду.

Она зашла за зеркальную ширму. Наверное, он уселся на кровать, вытянув больную ногу. Как все глупо получилось!

Элла перебирала вешалки, пока не нашла костюм, который Тейлор оставил у нее, когда его отозвали на Землю. В офисе Тейлора Маклеода ей, не задавая вопросов, помогли протолкнуть запрос о Родни Бэтоне, избавив от длиннейшей очереди. Тейлор не возражал, когда она пользовалась его связями, но пришел бы в ярость, узнав, что она одолжила его костюм другому мужчине.

Но без этого нельзя. Тейлор возвращается через две недели, и к тому времени она купит новый костюм, если, конечно, останется в живых. Правда, сложновато будет достать настоящую шерсть на Луне, но ничего...

– Вот костюм, Сэм. Он достаточно свободный, поэтому, думаю, вам подойдет.

Костюм был шерстяной, светлый, брюки со складочками, галстук из репса.

Сэм, не вставая с кровати, подозрительно разглядывал принесенную одежду.

– В обычное время я не стал бы это надевать, но сейчас, видимо, придется.

В его словах звучала неприкрытая насмешка, но Элла не поняла это сразу. Она осторожно положила одежду на кровать, протянула вешалку.

– Я буду в комнате. – Ее голос прозвучал натянуто. Она не желала обсуждать вкус своего знакомого с этим невежей.

– Это все вашего приятеля? – задал Сэм вполне уместный вопрос, протягивая руку не за одеждой, а лишь за тем, чтобы пощупать материю.

– Моего знакомого, – холодно ответила Брэдли и добавила после паузы: – Он сотрудник дипломатического корпуса.

Элла стояла и ждала, пока Йетс заберет у нее вешалку. Он встал с видимым усилием и медленно подошел к ней. Вешалка уперлась ему в грудь. Он обнял ее своей длинной рукой и притянул к себе. Элла сказала, глядя ему прямо в глаза:

– Сэм, не надо.

Но он уже наклонился, целуя ее.

Ей надо было отвернуться, чтобы его губы лишь скользнули по щеке, но она не сделала этого. В конце концов, он спас ей жизнь. Это стоит поцелуя. Сухие губы Сэма встретились с ее плотно сомкнутыми губами.

– Не бойся, он не узнает, – прошептал Йетс, целуя ее шею. Надо было что-то предпринять, пока он не зашел слишком далеко. Она внезапно почувствовала страх – он был такой громадный. Она его совсем не знала. В его руках таилась огромная сила.

– Нет, не сейчас. Не надо... – Элла отступила на шаг, и Сэм не стал ее удерживать. – Мы едва знакомы... У меня был тяжелый день. Я не могу...

Они стояли на расстоянии вытянутой руки. Элла видела, как тяжело он дышит.

– Ты же сама позвала, Элла, – тихо сказал он. – Остальное ничего не значит.

– Ты ошибаешься, – твердо ответила Брэдли и подошла к двери, бросив через плечо: – Выходи, когда переоденешься, посмотрим, как сидит костюм.

Она не захотела бы этого, даже если бы они с Тейлором были просто друзья. Ее покорило, каким тоном Йетс сказал «он не узнает». Если он готов переспать с первой попавшейся женщиной, то это еще не дает ему повода думать, что и она готова обмануть Тейлора.

С Эллой Брэдли нельзя лечь в постель только потому, что представилась такая

возможность!

Элла пришла к выводу, что ей не нравится инспектор Сэмюэл Йетс. Совсем не нравится. Разве может быть иначе? Всего лишь полицейский, никарагуанский ветеран с хроническим стресс-синдромом. Люди из окружения Эллы Брэдли не бывали в Никарагуа, разве только по дипломатическим поручениям или на практике после окончания Вест-Пойнта.

Богатые, с хорошей родословной и изысканным воспитанием, они не участвовали в той войне. Они вообще не участвовали в войнах – это стало немодным после корейского конфликта. Пушечного мяса вроде Сэма Йетса всегда было в избытке.

Хотя нельзя сказать, что ее знакомые вообще не занимались рискованными делами. Некоторые, как сама Элла, например, по несколько месяцев жили в джунглях, выполняя поручения Корпуса Мира или ООН. Тейлор участвовал в невидимой и опасной войне, где ненависть была скрыта под изящной маской дипломатического этикета. Ее друзья были пионерами, они несли факел цивилизации, который американцы называли словом «демократия».

Демократия для всех – это свобода учиться, думать, жить и голосовать... Борьба велась и на Луне тоже, штаб-квартира ООН была местом непрекращающихся схваток, это не идиотские джунгли, где узколобые громилы взрывают друг друга гранатами. Тейлор как-то сказал ей, что каждый выбирает себе свое личное поле боя, а вся история человечества – история одной бесконечной войны, в которой документы часто имеют больший вес, чем пушки.

Элла специализировалась на изучении племенных отношений. Большинство больших племен, вроде кабиллов и зулусов, провозгласили свою национальную самостоятельность и поэтому имели представителей в ООН. Они из всех сил сопротивлялись процессам объединения и унификации, которые приходили с цивилизацией и приводили к тому, что малые народы растворялись в больших. Сопротивление велось отнюдь не мирными методами. В данный момент на Земле ждали своего разрешения пятьдесят два локальных конфликта.

У каждой нации было собственное представительство на Луне. Все режимы, опирающиеся на штыки, боялись Америки, потому что она олицетворяла демократию – самую мощную объединяющую силу. За попыткой похищения Брэдли мог стоять любой диктаторский режим, опасавшийся американизации.

Американизация приводила к демократии. Демократия давала всем равные права: один человек – один голос. Элла прекрасно понимала, почему так много людей считают демократию злом.

Когда Йетс вышел из спальни, Элла заговорила первой:

– Перед тем как вы уйдете, инспектор, должна сообщить вам, что я посылала запрос о Родни Бэтоне на Звездный Девон.

– Ну и ну! – присвистнул Йетс. – Вам придется рассказать об этом подробнее.

13. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСПИТАЛЬ

– Кажется, ногу засунули в свинцовую трубу, – проворчал Йетс, потирая левое бедро, упакованное в лонгет. Боль была такая, словно свинец в расплавленном состоянии был вприснут в мышцу. – Что, обязательно так туго?

– Повязка ослабнет, когда вы начнете ходить, сэр, – ответил фельдшер, который наблюдал за лечением Сэма, прописанным доктором и диагностическим компьютером. – Завтра вы забудете о ней.

Фельдшера-филиппинца звали да Сильва – так было написано на его нагрудной карточке. Он сочувственно смотрел, как его пациент осторожно натягивает брюки.

– Боль прекратится через три-четыре часа, сэр. Всегда так бывает.

– Бывает и хуже, – вздохнул Йетс. Он был немного смущен тем, что не смог скрыть

боль от фельдшера, но потом подумал, что парень нагляделся на таких, как он, предостаточно, чтобы поставить диагноз на расстоянии.

В лонгете содержались стимуляторы роста клеток, питательные вещества и антибиотики, которые выделялись в ткани в определенных дозах, пока не заживал ожог. Йетс прикрыл глаза от боли и тут же увидел, как сплошную тьму разорвала ослепительная вспышка, осветившая узкую железную лестницу.

Первый выстрел наделал больше всего вреда. Поток плазмы, прошедший слишком близко, сжег кожу на левом бедре, хорошо еще, материя брюк немного защитила ногу.

Выходит, безопаснее носить не серый, а белый костюм, который лучше отражает тепло. Надо не забыть, когда в следующий раз придется стрелять из плазменного излучателя.

– Вы что-то сказали, сэр? – предупредительно спросил фельдшер: Сэм, увлекшись, начал фантазировать вслух.

– Я просто размышлял, – объяснил Йетс, влезая в рубашку. – Если бы знал, что рядом со мной произойдет взрыв, ни за что бы не надел свой лучший костюм. Как вы полагаете, что это могло так взорваться? – Голос Сэма дрогнул от собственного наглого вранья, он сделал вид, что закашлялся. – Еще бы чуть-чуть, и я бы отправился к праотцам.

Такова была его версия происшедшего, придуманная для посторонних. Впрочем, последняя ее часть вполне соответствовала действительности.

Фельдшер пожал плечами. Он перенастраивал лечебный аппарат. По сути дела, ни фельдшер, ни доктор не были особенно нужны в госпитале. Компьютер ставил диагноз, манипуляторы осуществляли все необходимые операции. Врач осматривал только самых тяжелых пациентов, и то лишь для перестраховки на случай сбоя в компьютерах.

От этих сбоев людей умерло в тысячу раз меньше, чем от рук докторов, которые больше интересовались своим банковским счетом, чем диагнозом, или от невнимательности сестер, не заметивших запятую в рецепте.

Костюм, который дала ему Элла, был слишком свободным. Интересно, у этого парня все шмотки такие? Вкуса не больше, чем у верблюда. Йетс старался носить одежду, которая подчеркивала его фигуру. Может быть, Элла поняла, как он ею гордится, и специально выдала ему этот мешок, чтобы он не очень задавался?

– У вас тут есть телефон? – спросил Йетс фельдшера. – Мне нужно обо всем сообщить на работу.

– Вон он, в конце коридора.

Набирая номер, Йетс вспомнил, что оставил свою личную карточку в кармане испорченного пиджака. Надо было позвонить Элле, но сейчас он не готов к разговору с ней.

– Визово-миграционный отдел, Розарио слушает, – раздалось из динамика.

За спиной у Сэма да Сильва осматривал пациентку с окровавленной рукой в повязке. Рядом с ней стоял мужчина, и оба они тараторили на непонятном языке. Похоже было, что мужчина не утешает женщину, а обещает ее добить.

Йетс решил не обращать на эту парочку внимания и громко сказал в микрофон:

– Это инспектор Йетс. Я попал в аварию, поэтому, наверное, опоздаю на пару часов. Передай Эмерауду, чтобы ответил на мои звонки.

– Инспектор...

– Да? – Шум в процедурной начинал действовать Сэму на нервы.

– Вас спрашивала лейтенант Есилькова и просила позвонить как можно скорее. Она сказала, что... оторвет мне голову, если я забуду вам это передать.

– Не бойся, Розарио, я тебя спасу, – усмехнулся Йетс. – Хорошо, я позвоню ей немедленно. Какой номер?

– Пятнадцать – двадцать три – шестьдесят девять. – В голосе Розарио звучало нескрываемое облегчение. Кажется, Есилькова пообещала оторвать ему не только голову.

– Понятно. – В процедурной наконец-то стало тихо. Слышалось лишь тихое гудение приборов. Больная лежала под диагностическим аппаратом, мужчина стоял на коленях и что-то вполголоса говорил – видимо, молился. – Не забудь предупредить Эмерауда.

Не дожидаясь ответа, Йетс отключился и сразу, пока помнил, принялся набирать номер Есильковой.

– Патрульная станция номер четыре, – устало отозвался динамик. Усталость в любую минуту готова была смениться раздражением.

– Это инспектор Йетс. Лейтенант Есилькова просила меня позвонить, – сурово сказал Сэм, желая показать, что не потерпит никаких препирательств из-за того, что у кого-то был тяжелый день. Нога разболелась с новой силой, как будто бы ее только что медведь пожевал.

– Подождите, – ответили ему тем же недовольным голосом. – Я соединю вас с ней.

Йетс ждал, прислонившись лбом к холодной панели телефона. Боль в ноге понемногу стихала. Теперь уже можно попытаться согнуть ее в колене. Глядишь, и хромота уменьшится.

– Сэр, она спрашивает, где вы находитесь, – снова раздался голос из телефона, на этот раз он звучал немного повежливей.

– В Центральном госпитале, – недовольно проворчал Йетс, надеявшийся, что Есилькова поговорит с ним лично.

На другом конце провода на минуту воцарилось молчание. Пользуясь возможностью, Сэм принялся сгибать и разгибать больную ногу. Да Сильва вполголоса уговаривал пациентку снять часть одежды, чтобы диагностический аппарат смог приступить к осмотру.

Лечение, должно быть, проходит легче, когда больной без сознания и не надоедают родственники.

– Хорошо, – донеслось из телефона. – Она говорит, что вам надо подойти к нам через двадцать минут. Вы поняли?

– Да, я понял. Подождите! – Йетс начал злиться, хотя его собеседник только передал ему просьбу-приказ Есильковой. – Я был ранен при... взрыве в коридоре М-М и думаю, мне надо сделать заявление...

– Сделаете его, когда приедете к нам, – перебил его полицейский. – Мы как раз расследуем это дело.

– Разве М-М в вашем районе? – несколько сбавляя тон, спросил Йетс.

– Нет, сэр, – рывкнули ему в ответ, – но приходится помогать. Работы хватает на всех. Кстати, я собираюсь к ней вернуться, если вы ничего не имеете против.

Йетс хотел извиниться, но линия уже разъединилась.

Махнув на прощание фельдшеру, который все еще уговаривал пациентку, Йетс вышел из госпиталя.

В этот момент как раз подъехала «скорая», из которой санитары торопливо вытащили носилки с окровавленным телом.

Йетсу оставалось только надеяться, что это не жертва его недавних подвигов.

У него на совести и так было слишком много всего.

14. СОВМЕСТНАЯ РАБОТА

Йетс не насвистывал, открывая дверь патрульной станции. Во-первых, у него были разбиты губы, а во-вторых, отсутствовало настроение. Он пошел по уже знакомому коридору к комнате Есильковой. Не успел Сэм постучаться, как голос лейтенантши пригласил его войти.

– Прекрасно провожу время, – не здороваясь, хмыкнула она и повела Йетса в другую комнату. На пороге она обернулась и осмотрела Сэма с ног до головы: – Выглядишь неплохо, хотя и потрепанно. Наверное, пользуешься популярностью у женщин, а?

«Не сказал бы, особенно в последнее время», – Сэм действительно этого не сказал, а подумал.

Они шли по узкому коридору, но тут из двери высунулась мужская голова и спросила:

– Соня, ты уже видела новое расписание дежурств?

Есилькова ответила, не оборачиваясь:

– Слушай, Герб, если у тебя проблемы со списком, обсуждай их с Ингрехемом, а я не желаю больше об этом слушать.

И, действительно не слушая протестов Герба, двинулась дальше. Йетс следовал за ней. Проход был такой узкий, что иногда ему приходилось идти боком.

В конце коридора Есилькова остановилась и поманила пальцем Йетса:

– Сюда, инспектор. – Они очутились в довольно большой комнате, рассчитанной на десяток человек. Несколько полицейских, находившихся там, оживленно беседовали. Когда Есилькова вошла, разговоры смолкли. Она уселась на единственный свободный откидной стул.

– Тут у нас один голотанк на весь участок. Фернандесу он понадобится не скоро, так что, думаю, успеем просмотреть все, что надо.

Пока один из полицейских переписывал информацию с видеочипа, Йетс разыскал себе складной стул, который в компактном виде представлял собой сорокасантиметровый диск. С полдюжину таких дисков стояли стопками в углу.

Есилькова раздраженно хлопнула ладонью по клавиатуре голотанка. Он не работал. На панели среди зеленых огоньков горел один красный. Хлопок, однако, несколько не помог.

Лейтенантша выругалась по-русски, и мгновение спустя экран голотанка засветился мягкими переливающимися цветами: прибор был готов к работе.

– Воспроизведение, – произнесла Есилькова угрожающим тоном. Появилось изображение, слегка смазанное – запись была не очень качественная, но все-таки видно было неплохо.

– Это фильм, сделанный вашим другом Бэтоном, – хмуро пояснила Есилькова, поворачиваясь к Йетсу. – Тебе будет интересно. Есть и звуковое сопровождение, но оригинал записи находится в третьем участке, и они поленились сделать для нас копию.

Тут она пристально посмотрела на Сэма, видимо впервые за сегодняшний день.

– Слушай, что с тобой? Ты похож на мертвеца трехмесячной свежести.

– Нога болит, – проворчал Йетс. – Что-то взорвалось в коридоре М-М, бомба или еще что-то, а я оказался слишком близко.

– Ясно, – небрежно бросила Есилькова. – Поговорим об этом позже, а сейчас прокрутим фильм.

На экране голотанка появилось изображение стеклянной двери ресторана «Мулен Руж».

– Он включил камеру перед тем, как войти, – пояснил полицейский. – Невозможно определить, откуда он пришел. Мы предполагаем, что из туристского отеля.

В комнату, смеясь, вошли еще двое полицейских, один из них с порога громко потребовал кофе. Есилькова бросила на них уничтожающий взгляд, и оба сразу притихли.

Йетс увидел за стеклянной дверью официанта-араба, которому через несколько минут предстояло умереть, закашлявшись кровью.

Изображение слегка подрагивало при движениях Бэтона. Его напряженное, бледное лицо отразилось в стекле и тут же исчезло.

– Вот там, – хрипло заговорил Йетс, когда камера панорамировала обеденный зал. – Там сидит парень, он, наверное, африканер.

Йетс поежился. Этого человека, вероятно, уже нет в живых, если в сожженном фургоне было его тело. Теперь Йетс окончательно уверился в том, что именно он сидел тогда рядом с водителем.

– Спасибо, – вежливо откликнулась Есилькова. – Эта информация может нам пригодиться.

На экране появилось изображение туловища и нижней части лица официанта. Его губы шевелились – он уговаривал Бэтона разделить столик с Йетсом. Официант мелькнул в полный рост и исчез – Бэтон отступил на шаг и повернулся. Теперь Йетс любовался собственной персоной – здоровенный блондин, зыркающий по сторонам. Сэм едва успел подумать, что на самом деле он красивее, как на экране возникла Элла Брэдли. Видимо,

Бэтон снимал всех, кто находился в ресторане. Элла посмотрела вверх, немного мимо камеры. На ее лице мелькнула улыбка, сменившаяся гримасой отвращения.

– Наверное, кашка не понравилась, – хмыкнула Есилькова. Ее лицо, однако, осталось мрачным.

Камера теперь пристально следила за официантом, возвращающимся с кухни. Его лицо было абсолютно нормальным – ни следа боли или дискомфорта. Йетс знал, что будет дальше. Официант закашлялся.

Сэм вскочил, отбросив стул, и отвернулся.

– Не надо, – сказал он и сам не узнал своего дрожащего голоса. – Понимаю, что это глупо, но я не хочу видеть все это еще раз...

Сэма чуть не стошнило. Он был вынужден снова сесть, чтобы не упасть в обморок, хотя потеря сознания в данный момент была бы неплохим выходом.

Есилькова сказала «стоп», и голотанк отключился.

Йетс вытер пот со лба.

– Это все из-за ожога и... – Он не договорил.

Наверное, все-таки стоило упасть в обморок.

– Понимаешь, Соня, это очень тяжело – смотреть и ждать, что он умрет, что его смерть невозможно предотвратить. Вроде кошмарного сна.

– Ничего, все в порядке, – неожиданно мягко сказала Есилькова. – Я просто хотела показать, что Бэтон специально снимал официанта, зная, что произойдет. Потом он пошел за тобой на кухню и отдельно снял всех погибших и оставшуюся в живых девушку. – Она усмехнулась углом рта. – Дальше картинка немного хуже. Что-то повредило объектив.

Сэм исподлобья посмотрел на нее.

– Люди, которые там не были, – невозмутимо продолжала Есилькова, – могут не понять, почему некоторые теряют над собой контроль. Я же это прекрасно понимаю.

Йетс не знал, как поблагодарить ее за сочувствие, и поэтому промолчал.

– Бэтон снимал не только в ресторане, – заметил один из полицейских. – Камера работала всю дорогу, пока он не добрался до шлюза.

– Понятно, – ответил Сэм и попытался положить ногу на ногу. Это было ошибкой – больное бедро не замедлило напомнить о себе. Сдержавшись, чтобы не выругаться, он осторожно поставил обе ноги на пол и только тогда спросил: – А теперь что?

– Теперь займемся другим делом.

Есилькова встала и подошла к голотанку, кивком подозвав к себе Сэма. Их освободившиеся стулья немедленно заняли.

– Карта, район четыреста сорок один, – отчетливо произнесла она, отсоединяя видеочип. На экране голотанка появился подробный план туннелей и коридоров.

– Так, покажи-ка мне, где произошел взрыв, – потребовала Есилькова. – Просто ткни пальцем в нужное место.

Ее голос звучал несколько зловеще. Йетс подумал, что это у нее профессиональное, своего рода способ воздействия на свидетеля. Он наклонился поближе к карте, чтобы лучше разглядеть мелкие цифры, и довольно легко нашел коридор ММ-МН – 12, который вел к квартире Эллы. Сделав над собой усилие, чтобы не очень дрожала рука, Сэм ткнул в это место пальцем. На карте засветилась оранжевая точка. Он откинул волосы со лба, вздохнул и принялся излагать историю, которую придумал по пути в Центральный госпиталь.

– Я шел пешком, кажется, там поблизости был ювелирный магазин. Я не торопился, поэтому не встал на движущуюся ленту. Стена коридора неожиданно взорвалась... вспыхнула... Это трудно описать.

Тут он не соврал. Последствия выстрела из плазменного излучателя действительно описать трудно.

– Ты когда-нибудь стрелял из плазменного излучателя? – Есилькова, казалось, прочла его мысли.

– Э-э... однажды. – Йетс постарался сделать максимально честную физиономию. – Я

тогда проходил обучение, это было давно.

– Ты видел там еще что-нибудь?

– Ну... в общем, нет, – ответил Сэм, чувствуя себя более чем неудобно.

Он мог бы признаться, что после «взрыва» пошел с Эллой к ней домой и она дала ему новую одежду. Но зачем упоминать об этом, если не спрашивают? Но он не мог не заметить взорванный фургон...

– Ах, да! Там еще была сгоревшая машина. Честно говоря, мне было не до нее тогда...

– Понятно. – Голос Есильковой ничего не выражал. – Это был фургон Бюро Утилизации.

Она коснулась экрана пальцем. Оранжевая точка засветилась в том самом месте, где, по расчетам Йетса, стоял этот чертов фургон.

Есилькова пристально посмотрела на Сэма и продолжала тем же безжизненным тоном:

– Его тоже взорвали. Плазменным излучателем. Внутри был труп. Другой труп мы нашли здесь.

На перекрестке двух коридоров засветилась третья точка. Йетс мысленно обозвал себя идиотом. Проклятье, он совсем забыл про первого африканера у загородки, у которого он отобрал излучатель. Как теперь объяснить, что он переступил через труп и не заметил его? Он не придумал ничего лучше, как прикинуться удивленным и воскликнуть:

– Надо же! А я и не заметил его!

– Это бывает, – охотно подтвердила Есилькова. – Еще один мертвец находился тут. Она коснулась места, где коридор М-М пересекался с боковым проходом.

«Дункан, Дункан, ты арестован», – вновь завертелось в голове у Йетса. В прошлый раз его насвистывание перебил человек, от которого осталась лишь оранжевая точка на схеме.

– И вообще было много стрельбы, – говорила между тем Есилькова. – Тут, тут и тут.

Ее указательный палец коснулся карты в трех местах, и светящихся точек стало еще больше. Один выстрел со стороны противника Сэм не мог вспомнить. Видимо, две вспышки слились в одну.

– Проклятье, – пробормотал он тихо, но Есилькова расслышала.

– Ужасное событие. Да еще в самом центре колонии, – ровным голосом произнесла она, откровенно наблюдая за Йетсом.

В комнату вошел полицейский и немного смущенно окликнул Есилькову:

– Соня...

– Извини, Педро. Мы уже уходим. Есть кто-нибудь в третьей комнате?

– Пока нет, и часа два никого не будет. Если собираешься пробыть там дольше, скажи заранее.

Есилькова подчеркнуто почтительно козырнула и кивнула Йетсу:

– Идем. Это там, где мы уже сегодня были.

И она решительно зашагала к выходу. Ее маленькая фигурка излучала такую энергию, что здоровенные полицейские, толпившиеся около двери, поспешно расступались, давая ей дорогу.

– Сюда, – сказала Есилькова, открывая знакомую дверь с тремя фамилиями на табличке. – Садись. – Она показала на стул, стоявший между дверью и столом.

Йетс не очень удивился, когда она задвинула внушительный засов. Теперь в комнату можно было попасть, только высадив дверь. Есилькова приготовила к работе диктофон и уселась напротив. Комната была так мала, что, если бы лейтенантша захотела, она могла бы достать до его колена вытянутой рукой. Сэм почувствовал себя весьма неудобно.

– Инспектор Йетс, – произнесла Есилькова официальным тоном, – покажите, пожалуйста, вашу личную карточку.

– Дело в том... – Сэм тщательно контролировал свой готовый сорваться голос. – Она осталась в кармане моего костюма, который сгорел...

Сердце его отчаянно колотилось. Он искусственно зевнул и добавил:

– В общем, я забыл ее вынуть, и сейчас ее у меня нет.

– Вы лжете. – Есилькова достала пластиковую карточку из нагрудного кармана и передала Сэму, не отрывая от него глаз.

Карточка была действительно его. Но как...

– Вы оставили ее в коридоре М-М, – бесстрастно сказала она. – На пересечении с туннелем двадцать.

– Да? – переспросил Йетс, отчаянно соображая, как бы выкрутиться.

– Она лежала под трупом Жан-Кристиана Малана, сотрудника Бюро Утилизации.

– Что?!

– Не кажется ли вам, что лучше рассказать, как действительно обстояло дело?

– Ладно, – вздохнул Йетс. Он внезапно успокоился. Ход событий не зависел более от его действий.

Скорее всего, его отправят на Землю, в Штаты, где будут судить за убийство.

– Я договорился о встрече с Эллой Брэдли. – Ему хотелось встать и походить по комнате, но для этого там было слишком мало места, да и Есилькова могла неправильно истолковать его движение. – Недалеко от ее квартиры я наткнулся на ограждение. Там был человек – наверное Малан, я его не видел раньше.

Есилькова молча кивнула. Она закинула ногу на ногу и уселась поудобнее, словно приготовилась слушать длинный и интересный рассказ.

– Я вытащил карточку, думал, с ней меня пустят за перегородку. Выходит, тогда я и потерял ее. Тот парень пытался обмануть меня. – Йетс почувствовал, что надежда еще есть, и сразу занервничал. – Дальше по коридору был фургон, я заметил, что рядом с водителем сидит бородач из ресторана... Мы его только что видели по голотанку, я думаю, он африканер.

Есилькова по-прежнему молчала. Йетс, помедлив секунду, продолжал:

– Я разнес их загородку. У того парня была плазменная пушка. Я отнял ее. – Йетсу не хотелось говорить, что было дальше, да лейтенантша прекрасно знала это и без него. Вместо этого он сказал: – Они прятали оружие в ящиках для инструментов... В общем, я пристрелил его. Кто-то выстрелил из фургона раза два. Потом фургон поехал, а я побежал за ним.

...Йетс стал на двадцать лет моложе и видел сквозь листву бамбуковые хижины в деревне, названия которой он не знал.

– Я выстрелил по ним, фургон остановился. Я не видел, но думаю, что они выскочили из него.

...Тропическое солнце и влажность. Листья зловеще шуршат справа. Дышать трудно...

– Они спрятались в шлюзе. Их было двое или даже трое. Господи! Я плохо помню!

Правда могла спасти его. Сэму чудилось, что ему снится кошмарный сон: он в аду, время исчезло...

– Спокойно, спокойно, – говорила Соня, массируя ему шею. Сэм не помнил, как она встала и подошла к нему. Он запрокинул голову. Медленно приходило расслабление.

– Я убил мерзавцев, – прошептал он. – Прикончил их...

– Все в порядке. Тебе ничего больше не оставалось.

– Элла была внутри фургона. – Сэм потихоньку приходил в себя. – Ее накачали наркотиками, но там было противоядие, антидот... в руке того человека...

– Он был мертв? – мягко спросила Есилькова.

– Да.

Сэм смотрел прямо перед собой. Ее рука легко скользнула с его шеи на плечо. Он задержал ее там своей ладонью.

– Элли завернули в одеяло, а тот человек... у него не было лица...

Он видел, как плазма ударяет в борт фургона: вспышка, металл испаряется, краска вздувается пузырями.

– Когда в тебя стреляют, думаешь только о том, как спастись. Любым способом. – Йетс не оправдывался, а рассуждал вслух. Он смотрел прямо перед собой, словно Есилькова продолжала сидеть за столом напротив.

– Некоторые люди предпочитают убежать, спрятаться, другие – отвечают ударом на удар.

Он поднял голову.

– Я отношусь к последним. Я всю жизнь...

– Я знаю, что ты делал всю жизнь, – невесело усмехнулась Есилькова. – Читала всю ночь твоё досье. Тебе, наверное, трудно забыть?

– Да, – сказал он и медленно привлек её к себе для поцелуя.

Она не сопротивлялась, так что его губы коснулись уголка её рта.

– Ты думаешь, что, не сумев вывернуться с помощью обмана, сможешь добиться своего другим способом?

Он мог взбеситься или начать спорить, но его тело уже было неподвластно ему, а она, её руки, уже отвечали ему. Он осторожно коснулся её груди.

– Как ты думаешь, почему я, подобрав твою карточку, никому об этом не сказала? – спросила Есилькова, выпрямляясь.

Йетс подумал, что она хочет отстраниться от него, но она коснулась пальцем сенсорной застежки на голубой форменной рубашке и сняла её. Сэм положил ладони на её груди.

Они были вовсе не плохи – очень белые, с бежевыми сосками, почти такого же цвета, как кожа в других местах. Он коснулся их языком и понял, что на ней надет тончайший пеньюар – такой прозрачный и тонкий, что его невозможно было почувствовать руками.

– Он закатывается, – прошептала Соня. Её руки потянули его, заставляя встать. – Я покажу тебе.

Проблема номер один, похоже, была решена. Оставались ещё и другие – похищение, вирус, но они могли подождать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

15. РАБОТА СО СВИДЕТЕЛЕМ

Кабинет Йетса был довольно просторным по сравнению с другими, но когда Элла Брэдли и Соня Есилькова одновременно находились в нём, казалось, что он страшно тесный.

Йетс задумчиво прищелкнул пальцами и сказал голотанку: «Воспроизведение». Ничего не вышло.

– Голосовые команды работают примерно в половине случаев, – извиняющимся тоном пояснил он, направляясь к столу, чтобы заставить дурацкий прибор работать от клавиатуры.

– У меня дома оборудование гораздо лучше, – заявила Брэдли.

Есилькова одарила её долгим взглядом, от которого Элла покраснела.

– Наслышаны, – проговорила Соня сладким голосом. – Но, боюсь, пользоваться им небезопасно. Вспомните, что произошло, когда вы посылали свой запрос о Бэтоне. Вас похитили, Сэм чуть не сгорел, в коридоре М-М произошли труднообъяснимые взрывы...

Если бы Брэдли не была сегодня в своих призматических линзах, её взгляд мог бы прожечь дыру в стене.

– Инспектор...

– Лейтенант Есилькова, – с вежливой улыбкой поправила её Соня.

– Лейтенант, – отчетливо повторила Элла. – Этот запрос я послала через ООН, а не из своей квартиры.

Йетс, усевшись на своё место за столом, размышлял, высока ли вероятность кровопролития. У каждой женщины была своя тактика ведения боя. Брэдли делала вид, что не замечает присутствия Есильковой, а та, в свою очередь, постоянно подчеркивала, что она офицер, а не какая-нибудь штатная замухрышка.

Может быть, Брэдли догадалась, что между ним и Соней что-то есть? Но ей-то какая разница?

– Откуда? – переспросила Есилькова, словно не расслышала. Одновременно она резко

повернулась на стуле, «нечаянно» ударив Брэдли коленом.

– У меня есть друг в Секретариате. Он помог мне послать запрос.

– Больше так не делайте, – назидательно сказала Есилькова. – Сообщите имя вашего друга, а впредь предупреждайте нас обо всех ваших намерениях. Мы проведем предварительную проверку. – И она посмотрела в сторону Йетса, (который в этот момент неумело тыкал пальцем в клавиши), чтобы было понятно, что имеется в виду под словом «мы».

– Ладно, давайте перейдем к делу, – попытался разрядить обстановку Йетс, но Брэдли не собиралась так просто уступить.

– Вы хотите сказать, лейтенант, что кто-то в ООН причастен к моему похищению, – сказала она. Йетс оторвался от клавиатуры. Понятно, теперь Элла захочет подать жалобу на Есилькову за поведение, недостойное офицера полиции, а на нее уже и так косятся из-за того, что она русская.

– Я никого не обвиняю. Разве не так, Сэм?

Йетс болезненно скривился.

– Давайте прекратим эти разборки, хорошо? Элла, если не хочешь говорить, кто конкретно помог тебе с запросом, не надо. Но если ты собираешься выкинуть еще что-нибудь в этом роде, лучше скажи нам заранее. Ведь это ты навела их на след.

Брэдли пришлось проглотить пилюлю. Есилькова торжествовала. Йетс наконец-то справился с голотанком и включил воспроизведение. Картинка должна была появиться перед стульями для посетителей, где сидели женщины, поэтому Сэму пришлось встать и подойти к ним.

Появилось изображение Жан-Кристиана Малана, который погиб первым. Брэдли тихонько вскрикнула и закрыла рот ладонью.

Есилькова искоса посмотрела на нее, потом на Йетса, прислонившегося к шкафу с бумагами, и буркнула, скривившись:

– Свидетель узнал подозреваемого.

Элла по-прежнему сидела, не сводя напряженного взгляда с изображения.

Йетс снова попробовал голосовые команды. На этот раз сработало: псевдоним – Яне, место рождения – Кейптаун.

– Один из этих африканеров, Элла, – мягко сказал Йетс.

– Он был сотрудником Бюро Утилизации, – заговорила Есилькова, слегка подаваясь вперед. – Они не украли оранжевую форму и фургон – все это принадлежало им. Ну что, смотрим дальше?

– Хорошо, – отозвался Йетс, поглядывая на Эллу. Ей явно не стоило разглядывать этих парней.

В обычное время Йетс не заботился так о пострадавших, особенно когда он вел расследование. Защита женщины от громил с плазменными излучателями – это одно, защита ее от голографических картинок – это другое. Не слишком ли он церемонится? В этот момент Есилькова выругалась по-русски. Он посмотрел на изображение.

– Интересно, – заговорила Есилькова. – Этот тип – не африканер. Его зовут Тримен, он уругваец. Видимо, тут дело не только в расизме, как я раньше думала.

Элла с ужасом смотрела на фотографию. *Проклятые контактные линзы !* Без них она бы ничего не разглядела.

– Он космический рабочий, – заговорил Йетс. – Вернее, был им. Не будем пока делать поспешных выводов.

– Кто делает выводы? – удивилась Есилькова. – Дальше, – приказала она.

Она прекрасно видела, как и Сэм, какое впечатление производят фотографии на Брэдли, но ее, похоже, это мало волновало. В конце концов, похищение есть похищение, и оно должно быть расследовано.

– Следующий файл, – скомандовал Йетс.

Еще один сотрудник Бюро Утилизации, Мишель ван Рун. Тоже африканер.

– Что ты думаешь об этом, Соня? – спросил Йетс, искоса поглядывая на Брэдли, которая поставила ногу на сиденье и обхватила колено руками.

Скуластое славянское лицо Есильковой помрачнело. Она резким движением взъерошила свои светлые волосы.

– А что я могу думать? Слишком мало данных. Три мертвеца, из них двое африканеры. Еще двое остались в живых и бежали. Куда? Мы не знаем. Что они замышляют? Тоже не знаем.

Элла дрожащим голосом проговорила, не отрываясь от экрана:

– Сэм, среди них нет того бородача, который сидел со мной за столиком в ресторане.

– Да-да, Элла, я знаю, – мягко сказал Йетс. Есилькова скривилась. – Я видел запись, сделанную Бэтоном. Полагаю, тебе не следовало глядеть на все это.

– Давай побыстрей досмотрим все досье, – нетерпеливо вмешалась Есилькова.

– Ладно, – ответил Сэм.

Они посмотрели досье еще трех человек. Есилькова невесело рассмеялась.

– Ну, что вы думаете, мистер Холмс? По записям, Тримен, оказывается, здесь и не появлялся.

Есилькова была права – в досье говорилось, что уругваец уже три недели как работает на Земле. Йетс тщательно просмотрел его файл, но нигде не было и намека на то, что он проходил таможеню.

В досье африканеров ничего особенного не было. Есилькова подвела итог:

– Африканеры были в отпуске, в этом нет ничего удивительного. Уругвайца здесь вообще не было. Интересно, как им удалось все проверить. – Она кивнула головой в сторону Брэдли, которая все это время молчала. – Видимо, у них тоже есть влиятельные друзья, как и у нашей дорогой Эллы.

– Может быть, – согласился Йетс. Конечно, у космических рабочих обычно не бывает таких связей, чтобы тайно доставить человека на Луну, но всякое случается. Например, кто-то из них имеет собутыльника среди докеров, а у того есть приятель-таможенник... и, короче, возможностей много.

– Кого вы обвиняете? – тихо спросила Элла Есилькову.

Йетс решил про себя, что больше эти женщины встречаться не должны, разве что при крайней необходимости. Он бросился на выручку.

– Лейтенант Есилькова не обвиняет никого из твоих друзей, Элла, но лучше бы ты назвала их имена – просто для того, чтобы удостовериться. Мы пытаемся предотвратить следующую попытку похищения, понимаешь?

Голос Йетса звучал умоляюще, и это ему не понравилось. Можно выяснить имена и самому. Костюм, который дала ему Элла, был сшит на заказ. Совсем нетрудно найти портного и узнать у него фамилии клиентов. Это будет проще, чем отыскать бородатого африканера, который умеет замечать следы. Вслух он сказал:

– Элла, давай начистоту. Мне лично не нужно знать имя твоего друга, это гораздо нужнее ему, чтобы отвести от себя подозрения.

– Хорошо. – Брэдли полностью пришла в себя. В голосе не слышалось и отзвука прежней слабости. – Я послала неофициальный запрос через Бюро ЮСИА при миссии США. Директор БЮРО – Тейлор Маклеод – находится на Земле, но мой друг, его заместитель, использовал свои связи, и запрос вне очереди попал на Звездный Дефон.

– А, это идиотское Американское информационное агентство! – воскликнула Есилькова, не скрывая раздражения. – От них не дождешься никакой помощи.

– Послушайте, Есилькова, не можем ли мы обойтись без ваших оскорбительных и довольно предсказуемых комментариев? – высокомерно спросила Брэдли.

Йетс подумал, что Элла умеет показывать зубы и, кроме того, кажется, надышаться не может на парня, которому принадлежит костюм. Надо будет вернуть ей все тряпки в вычищенном и выглаженном виде. С такой женщиной лучше не связываться.

– Значит, Маклеод был на Земле? А что это за заместитель, с которым ты общалась?

Вряд ли на оклад заместителя можно купить такой костюм, какой дала ему Элла.

– Кажется, мои слова создали у вас ложное впечатление, инспектор. – Тон Брэдли не предвещал ничего хорошего. Даже призматические линзы не могли скрыть гневного блеска ее глаз. – У меня много друзей в ЮСИА. Маклеод пробудет на Земле дней десять, у него такая работа. В его бюро мне всегда с радостью помогают.

– Маклеод, очевидно, не знает обо всем этом?

– О чем «этом»? Они в ЮСИА знают о вирусе, но не знают о похищении. По крайней мере, я им ничего не говорила.

Есилькова вздохнула с облегчением.

– Это хорошо. Тогда, если повезет, они вообще не будут совать нос в это дело, разве что мисс Брэдли подбросит им информацию.

– Я ничего не собираюсь никому подбрасывать, – ледяным тоном возвестила Элла. – Но только до тех пор, пока не увижу, что вы не справляетесь.

Снова показала зубки. К счастью, Сэм видел ее в минуту слабости, когда можно многое узнать о человеке.

– Мы обойдемся без них. Кстати, это в наших интересах. Постарайтесь, чтобы они по-прежнему оставались в неведении. – Йетс решил, что уже давно пора было снова перейти на «вы». С тех пор как кончилась холодная война, кажется, это будет первый русско-американский конфликт. Да, не стоило Есильковой и Брэдли встречаться.

Пока же приходилось мириться с тем, что есть. Возникло множество вопросов, и ответить на них мог только человек с дурацким именем – Тейлор Маклеод.

– Давайте взглянем на данные еще раз и двинемся дальше. Я буду вести розыск по своим каналам, а вы – по своим...

– Посмотрим сценки в ресторане, – предложила Есилькова.

Йетс переключил голотанк и объявил:

– Готово!

Он увидел уже знакомые кадры. Зал ресторана. Посетители, за столиком Эллы – бородатый африканер.

Произошло то, чего он и ожидал, – Элла вскрикнула. Ее лицо побледнело, губы тряслись – верные предвестники обморока.

Йетс направился было к ней, но Есилькова схватила его за локоть.

– Если ей понадобится вода, она об этом сама скажет.

Обычная техника ведения допроса. Есилькова права, надо использовать это преимущество, пока свидетель находится в таком состоянии и у него нет сил контролировать свои слова.

Есилькова вкрадчиво спросила:

– Узнаете этого человека, дорогая?

Брэдли смогла только пролепетать:

– Да, да. Это он.

– Так, появились плохие новости, – сказал Йетс, намеренно перебивая Есилькову. – Видите, внизу экрана мигает курсор? Это значит, что мы не сумеем опознать бородача. Он не значится в нашей базе данных.

– Как это может быть? – голос Брэдли прервался.

– Он расплачивался где-нибудь кредитной карточкой? – быстро спросила Есилькова.

Йетс пожал плечами.

– Не знаю. Можно посмотреть, например, оплатил ли он свой счет в ресторане. Соня, подождешь меня, пока я провожу Эллу домой?

– Я вызову ей телохранителей, – отозвалась Есилькова, направляясь к столу. – Если, конечно, ты не возражаешь, я воспользуюсь твоим телефоном. Йетс, ты мне нужен здесь.

– Меня не надо провожать... – попыталась возразить Элла.

– Хорошо, Соня, согласен. Мисс Брэдли, вы не должны отказываться от помощи. Мы пытаемся сохранить вам жизнь.

16. ИДЕНТИФИКАЦИЯ

Йетс все еще был в кабинете, – один, слава Богу, – когда влетел Арджаниан, сменщик Сэма, выглядевший так, словно за ним гнались.

У него был вытянутый череп, бульдожий нос и губы, которые Сэм про себя называл «слюнявые». Он был толст и с трудом таскал свое брюхо даже на Луне.

– Что ты делаешь, Йетс? Гоняешь компьютер для проверки своих поганных ресторанных счетов? Да еще в мою смену. Какого черта ты воспользовался приоритетным доступом? Не понравился завтрак, что ли?

– А, привет, Арджаниан, – широко улыбнулся Сэм, кладя ноги на стол. – Ты, кажется, что-то сказал?

Йетс действительно использовал служебный компьютер для проверки ресторанных счетов. Он безуспешно пытался выяснить имя бородатого африканера.

– Да! – рявкнул сменщик. – Могу я получить нормальный ответ?

– А какой был вопрос? Повтори, если не сложно.

– Йетс, прекрати кривляться.

Арджаниан угрожающе взмахнул кулаком и шагнул по направлению к Йетсу. Тот в ответ сделал вид, что вытаскивает пистолет из висевшей под мышкой кобуры. Толстяк слегка побледнел и сказал уже более вежливо:

– Я просто хотел узнать, почему ты используешь компьютер в мою смену.

– А, вот в чем дело! – радостно воскликнул Йетс. – Я пытался идентифицировать человека, которого видел в ресторане в тот вечер... У меня есть его голограмма, и он должен был оплатить счет кредитной карточкой. Кроме того, мне надо выяснить, не посещал ли он другие рестораны или кафе.

– И для какого черта тебе это нужно? Наша контора не имеет к этому отношения.

– На самом деле имеет. Один из этих парней – Тримен, которого убили в коридоре М-М, судя по документам, вообще был на Земле. Дошло? А труп его здесь.

– Все равно это не наше дело. Не наше, и не твое.

– Наше, так сказал шеф, а мое вот почему. – Он показал на обожженную ногу. – И советую не мешать мне, – закончил он угрожающим тоном.

– Я просто хотел сказать, чтобы ты не слишком увлекался расследованием, – примирительным тоном сказал толстяк, вытирая пот со лба.

– Не указывай, что мне делать. И как вести расследование. Эти ребята с плазменным пистолетом не единственные, кто подходит серьезно к делу.

– Йетс, я всего лишь собирался...

– Заткнуться и не совать свой нос, куда не следует, – подхватил Йетс.

Зазвонил телефон. Сэм рявкнул в трубку:

– В чем дело?

Звонил Йошимура, ему удалось разыскать третий файл для Йетса.

– Ладно, присылай его, инспектор Арджаниан уже уходит.

Но тот стоял столбом, и Йетс угрожающе приподнялся со стула. Толстяк осознал опасность и отступил, бормоча под нос проклятия.

За спиной у Сэма принтер начал распечатку. Йетс не обернулся: на голотанке как раз появилось изображение бородатого африканера. Затем схватил выданный принтером лист.

В досье указывалось, что бородача зовут Пит ван Зелл и что он, вместе с покойным ныне Трименом и человеком по имени Стикс, обедал в кафе, неподалеку от гостиничного комплекса. Йетс решил, что сейчас самое время позвонить Есильковой, чтобы сообщить о находке и попросить внести ван Зелла в список разыскиваемых. Он потянулся к телефону, но тут раздался звонок.

– Йетс, – раздалось в трубке, – это Есилькова, мы засекли Стикса. Он купил в кафе бутерброды и понес их в шлюзовую комнату номер триста двенадцать. Судя по схеме, она не

используется и опечатана.

– Быстро позвони на Центральный пост и выясни, могут ли они открыть опечатанный замок, – торопливо прокричал Йетс в трубку, одновременно вытаскивая из ящика стола пистолет и патроны. – Я немедленно выхожу.

17. В ШЛЮЗЕ

– Как же так! – возмущался Пит ван Зелл, вытаскивая из бумажного пакета рисовую запеканку с курицей, которая давно уже остыла. – Неужели он сказал только «ждите приказаний» и «вы нужны нашему Плану»?

– Именно так все и было, – спокойно ответил Стикс, выуживая из пакета свою порцию. Еду он купил рядом с гостиницей и принес сюда в шлюзовую номер 312. Не слишком приятное местечко.

Но у них не было выбора. Стикс звонил несколько раз, но трубку никто не взял.

– Если нас не вытащат отсюда, придется выбираться самим, – хмуро заявил ван Зелл. – Здесь мы бесполезны, а в другом месте можем внести свой вклад в План.

У него было тревожно на душе. Он не знал, как действовать. Ситуация резко осложнилась, но никаких указаний не поступало.

– Я не понимаю... – начал Стикс и осекся, обнаружив, что существует множество вещей, которых он не понимает.

В наступившей тишине резко прозвучали хлопки закрывающихся воздушных клапанов.

Это была катастрофа, но долгие годы, проведенные африканерами на космических стройках, приучили их реагировать в таких случаях мгновенно.

Они бросились в разные стороны. Стикс распахнул шкаф со скафандрами, а ван Зелл навалился плечом на внутреннюю дверь, но она оказалась запертой.

В это время ожил аварийный телефон на стене. От неожиданности ван Зелл выхватил плазменный излучатель.

– Пневматические замки контролируются с Центрального поста, – раздался хриплый женский голос из динамика, прерываемый потрескиваниями. – Я лейтенант Есилькова. Приготовьтесь сдать по моему приказу.

Ван Зелл попытался открыть замок, надавливая на ручку, обычным способом. Ручка двигалась, но дверь не поддавалась. Хриплый голос сказал правду – замок был заблокирован.

– Через минуту я открою внутреннюю дверь настолько, чтобы можно было выбросить наружу оружие. Если вы...

Ван Зелл грязно выругался и плюнул в телефон. Он еще раз ударил в дверь плечом, но она даже не дрогнула.

Стикс уже надел скафандр. Он готовился открыть внешнюю дверь шлюза.

– Снаружи вас ожидают вооруженные полицейские, – лгала Есилькова в телефон. – Вам гарантирована жизнь, если будете вести себя разумно. Если же попытаетесь...

– Не надо! – размахивая излучателем, отчаянно завопил ван Зелл своему товарищу, готовящемуся выпустить воздух из шлюза. Он не собирался стрелять в замкнутом пространстве, это было бы самоубийством, но Стикс понял его по-своему и вцепился в излучатель. Каждый тянул оружие к себе. Их мускулатура была атрофирована по земным стандартам, но скафандр давал Стиксу заметное преимущество в силе. Излучатель оказался в его левой руке.

Правой он пытался открыть пневматический замок наружной двери шлюза.

– Ваш единственный шанс, – трещал динамик, – немедленная сдача, или мы пару раз стрельнем в шлюз из плазменных излучателей. Даже если вы в скафандрах...

Ван Зелл яростно вцепился в правую руку Стикса, но тот, отталкивая его, прицелился излучателем в замок внешней двери шлюза.

– Это не поможет! – отчаянно вскричал ван Зелл. – Он не откроется...

Он видел словно во сне, как палец в перчатке скафандра медленно нажимает на спуск.

Ван Зелл отпрянул от Стикса, который собирался спастись ценой жизни товарища.

Ярчайший свет затопил шлюзовую камеру.

Плазма выжгла кратер в двери, все вокруг наполнилось парами металла, осаждавшимися на стене мелкими капельками. Первый выстрел не пробил дверь насквозь.

Взрыв отбросил Стикса на несколько шагов назад и оглушил его. Осевшие капельки титана образовали зеркальную поверхность на металле. В последний момент он успел прикрыть лицо рукой, поэтому часть забрала шлема, шедшая полосой наискосок, осталась прозрачной.

Африканер прицелился снова и выстрелил.

Излучатель разорвался у него в руке, испарив большую часть его тела.

После первого выстрела часть газообразного титана осела внутри патронной камеры излучателя. Когда микролазеры дали залп по патрону, часть энергии была отражена зеркальным слоем сконденсировавшегося металла, превратив излучатель в бомбу, убившую стрелка.

Пит ван Зелл был частично прикрыт от взрыва телом Стикса. Температура в герметически закрытом шлюзе поднялась настолько, что когда Есилькова открыла внутреннюю дверь, оттуда вырвался воздух под давлением в несколько атмосфер. Высокий африканер был еще жив, но уже не видел, как в шлюз вбежали Йетс и Элла Бредли.

– Держись сзади! – на ходу крикнул Сэм Элле. Воздух внутри был еще раскален и полон удушливого запаха горелого металла.

В руке Йетса был игольчатый станнер, но он не потребовался. Корчившийся на полу обожженный человек со стоном приподнял голову.

Его лицо превратилось в безглазую кроваво-черную маску.

18. ДОПРОС

Элла Бредли с ужасом наблюдала, как Есилькова ведет допрос обожженного, ослепшего африканера, у которого даже не было сил подняться с пола.

– Йетс, – прошептала она, кусая губы, – я настаиваю, чтобы вы вызвали доктора для этого человека.

Она еще не забыла сожженные дома на севере Кейптауна, выгоревшие поля по берегам Конго, трупы...

Йетс тоже вспоминал Никарагуа. Он был бледен и старался не смотреть в сторону русской, стоявшей на коленях возле изуродованного тела. В руке у Есильковой был диктофон.

Йетс кашлянул и сказал хрипло:

– Мы позовем кого-нибудь, как только представится возможность. – Он посмотрел в сторону телефона, который не пострадал, так как висел в нише.

Ван Зелл сквозь стоны умолял вызвать врача, на что Есилькова обещала сделать это, как только «ты выложишь мне все, что знаешь».

Элла могла бы позвонить сама, но понимала, что Йетс этого не допустит. Но этот человек умирает, разве они не видят?

И вдруг до нее дошло, почему Йетс не вызывает врача, а Есилькова дотошно и методично допрашивает умирающего – они хотели, чтобы он умер, а они остались единственными, кто говорил с ним.

Они задумали убийство. Она перепугалась бы еще больше, если бы это было возможно. На негнущихся ногах она подошла к мужчине, лежавшему на полу. Он невнятно бормотал что-то, отвечая на вопрос Есильковой. Элла, двигаясь как робот, опустилась на колени рядом с ним. На коже ван Зелла остались отпечатки сгоревшей одежды, напоминавшие фотогравюру, вплавленную в плоть.

Есильковой и Йетсу не нужен был живой свидетель происшествия в коридоре М-М. Они хотели лично допросить его и держать в тайне полученную информацию.

Этот человек обречен на смерть, поскольку он знает, что именно Йетс стрелял тогда в коридоре. Ей хотелось кричать, она чувствовала, что еще немного, и у нее начнется истерика. Надо спастись, пока эти два сотрудника Безопасности, заботясь о своих карьерах, не прикончили ее.

Эллу бил озноб, она почувствовала приступ тошноты, и тут на плечо ей опустилась рука Йетса.

– Послушайте, не надо вам смотреть на все это...

Она яростно отбросила его руку.

– Не надо? Мне повезло, что я не на его месте, иначе бы вы...

– Заткнитесь вы оба, – свирепо зашептала Есилькова, прикрывая ладонью микрофон.

Только тогда Элла услышала, что говорил умирающий.

– План... – Его дыхание было частым и прерывистым.

– Да, ты уже говорил про План. Вы хотите уничтожить всех черных, да? Кто твои сообщники? Где они? Говори, говори же! Ты не можешь умереть, не облегчив свою совесть. Кому ты звонил?

– Звонил... – прошептал ван Зелл, опустив веки на пустые глазницы.

Эллу неудержимо затошнило. Когда ей полегчало, она почувствовала страшную слабость и холод. Йетс взял ее ледяную руку своей – теплой и сухой. У нее не было сил отнять ее.

Пит ван Зелл прерывисто говорил что-то – называл двадцатизначный номер. Потом добавил, задыхаясь:

– Это код. Звонить... Не на Луне. – Он закашлялся. – Испытание успешно... Арабы, но какого черта?... Работает... и...

– Куда ты звонил? Кто проводил испытание? Где изготовлен препарат?

– Бэтон, – прошептал ван Зелл. И засмеялся. – Спроси Бэтона, Девон... там... лаборатория. – И снова хрипло засмеялся, а потом его смех резко оборвался.

– Йетс, этот проклятый расист умирает! – крикнула Есилькова, пытаясь нащупать пульс на сонной артерии.

Брэдли с трудом понимала, что происходит. Йетс ритмично нажимал обеими ладонями на грудную клетку умирающего, а Есилькова зажала пальцами его нос, раздвинула зубы и принялась делать ему искусственное дыхание «рот в рот». Эллу вторично стошнило. Сквозь гарь слабо пробивался запах рвоты. Дрожа, она прислонилась к стене и закрыла глаза.

Когда она пришла в себя, Йетс и Есилькова оставили попытки оживить ван Зелла. Есилькова злобно пнула уже окончательно мертвое тело и направилась мимо Эллы к телефону. Йетс говорил ей вслед:

– ...на Звездный Девон.

– Нет, сначала я позвоню, проверю номер, – возразила Есилькова. Она осмотрела телефон. – Работает!

– Куда она звонит? – прошептала Элла Йетсу, внимательно вглядываясь ему в лицо. Следующей жертвой этих людей, очевидно, предстояло стать ей.

– В полицию, они там проверят, чей это номер. Это не займет много времени. Вам следует отправиться домой. Я вас провожу.

– А что с ним? – Она смотрела в сторону обожженного тела. Этого человека можно было спасти, если бы сразу вызвали врача, она была уверена в этом.

Элла действительно хотела домой. Домой, на Землю. Сейчас только бы добраться до своей квартиры и позвонить Тейлору на службу. Надо сообщить, что произошло, до того, как с ней разделаются.

– Спасибо, но все, что мне сейчас нужно, – это поспать. Одной. Что вы сделали с ним?

«Понятно, Йетс? Я не доверяю тебе. Ты убийца, ты и твоя уродина – убийцы. Меня от вас тошнит. В прямом смысле».

Йетс бросил взгляд на труп.

– Что с ним? – переспросил он. – Он мертв. Обо всем происшедшем надо молчать. Это

должно остаться между нами тремя. Нашего мертвеца и его более чем мертвого друга – он там, за углом – мы внесем в список жертв перестрелки в коридоре М-М, тем более что они действительно там были. Напишем, что они погибли от взрыва их же собственного оружия. На этом дело и закроется, если, конечно, вы не проболтаетесь.

– Нет-нет, я буду молчать, – чересчур поспешно сказала Элла.

Йетс холодно усмехнулся. Он понимал, что между ними – пропасть.

– Еще бы вы не молчали. Ведь они охотились за вами. Мы не знаем, кому можно доверять, поэтому не доверяем никому. Ясно? Даже вашему другу в модном костюме. И полиции вы не должны ничего говорить до тех пор...

– До тех пор пока мы не вернемся со Звездного Девона, – dokonчила Есилькова, подходя к ним. – Этот номер принадлежит биолaborатории Звездного Девона, доктору Кэтлин Спенсер. Она там занимается вредителями. Мы нанесем ей неожиданный визит. Не знаю, что вы расслышали из слов ван Зелла, но он говорил о каком-то плане. Они вывели у себя в лаборатории новую заразу, которая истребит всех цветных.

– Но вы не можете отправиться на...

– Не можем отправиться на Звездный Девон, это вы хотите сказать, доктор Брэдли? Уж не собираетесь ли вы остановить нас с помощью ваших распрекрасных друзей?

– Она не сказала ничего похожего, Соня, – резко оборвал ее Йетс.

– Господи! – застонала Элла, закрывая лицо руками. – Давайте наконец уйдем отсюда. Иначе я...

– Что? Бухнетесь в обморок? Снова стравите? Дорогая мисс Нежность, помните, ваша жизнь в руках того, кому я поручу вас охранять, так как мне совершенно ясно, что сама себя вы защитить не можете. Особенно вот от этих... – Есилькова махнула рукой в сторону трупа ван Зелла и обгорелых бесформенных останков другого африканера. – Я понятно излагаю?

– Понятно, – прошептала Элла. Чтобы удержаться на ногах, она вынуждена была схватиться за первый попавшийся предмет, и им оказался локоть Йетса. Элла вцепилась в него обеими руками.

Сэм заботливо поддержал ее здоровой рукой и сказал:

– Ладно, оставь ее в покое, Соня. Я провожу ее домой. Встретимся у тебя через... – он посмотрел на часы, – через три часа. Ты пока проверь, есть ли транзитные билеты на Девон и закажи нам парочку.

– Хорошо. И постараюсь подобрать охрану для Брэдли.

– Вот и прекрасно, я побуду с ней, пока не придет охранник.

Элле не понравилось, что о ней говорят так, словно ее здесь нет. Оставалось только надеяться, что Йетс не попытается избавиться от нее по дороге, как это уже было проделано с человеком, который таранился пустыми, выжженными глазами в вечность.

– Итак, инспектор Йетс, должна ли я считать себя под домашним арестом? – спросила Элла, кивая на сурового полицейского, застывшего у ее двери. Он забрал у нее личную карточку и собственноручно вставил в прорезь замка.

Йетс молчал до тех пор, пока они оба не оказались внутри.

– Вы не должны думать обо мне как о враге. Я хочу лишь защитить вас от сообщников ван Зелла.

– Хотелось бы, чтобы это было так, – усмехнулась она. – Но что-то слабо верится. Инспек...

– Сэм.

– Хорошо, Сэм.

– Вот так, – улыбнулся он. – Начало положено. Я сделал что-то не так? – Он подошел ближе. Элла отступила на шаг, словно это была его квартира, а не ее. – Я не хотел обидеть вас, особенно после всего, что вам пришлось пережить. Полицейский поставлен для вашей защиты.

Он стоял так близко, что Элла видела следы улыбки в уголках его рта. Если бы она упала в обморок, он бы успел подхватить ее.

Элла никогда не теряла сознания, там, в шлюзовой это случилось в первый раз. Ужас, боль, растерянность – все сразу внезапно навалилось на нее. Ей захотелось спрятать лицо у него на груди и расплакаться. Йетс больше не был врагом. Он – мужчина, защитник, друг.

Но вслух она сказала другое:

– Из всего, что я видела, могу предположить, что вы и ваша подружка, Есилькова, захотите избавиться от меня, как от этого несчастного в шлюзе, и никто не узнает, что действительно произошло в коридоре М-М...

Она зарыдала. Очнувшись, Элла оказалась в объятиях Сэма. Он гладил ее по спине и ласково говорил:

– Не надо плакать. Все в порядке. Все будет хорошо, я обещаю.

Элле было крайне важно удостовериться, что он не враг, что он на ее стороне. Она прекрасно понимала, что Тейлор и его друзья не смогут защитить ее от маньяков, претворяющих дьявольский План в жизнь. Эти люди хотят убивать оптом, уничтожить целые расы, они не остановятся перед убийством одной-единственной сотрудницы Нью-Йоркского университета по имени Элинор Брэдли. Никто не посмотрит, что она красива, хорошо воспитана и пообещает никому ничего не говорить.

Чувствуя, как по спине двигаются руки Йетса, она внезапно поняла, что если бы он и Есилькова хотели убить ее, они сделали бы это в шлюзе.

Элла подняла голову и спросила Йетса, глотая последние слезы:

– А как же Есилькова?

– Не волнуйся, – ответил он. – Предоставь все мне. Я знаю, что делаю.

Его руки передвинулись ей на плечи, на шею, потом на затылок, привлекая ее голову для поцелуя. Напряжение, сомнения, страхи – все ушло. Теперь Элла знала только, что он спас ее.

Мир вращался вокруг ее тела, ставшего легким, послушным его рукам.

Все различия между ними – образование, происхождение, воспитание – не выдержали наплыва затопившего ее чувства.

Она бешено срывала с него одежду, то же он делал с ней. Стоя посреди вороха сброшенной одежды, он притянул ее к себе. Существовала тысяча причин, по которым она не должна была позволять Сэму Йетсу заниматься любовью с ней. Но она не думала о них.

А если бы и подумала, уже было слишком поздно.

19. ОБРАТНЫЙ БИЛЕТ

Жан де Кайпер, теперешняя правая рука Карела Преториуса, сошел по трапу с космического челнока, доставая из кармана автоматический ингалятор.

Вокруг него роботы разгружали и загружали транспортные корабли, связывающие Звездный Девон с Луной. Официально де Кайпер занимал должность инспектора воздухоочистительной системы.

Он с неохотой покинул Звездный Девон. Спенсер нуждалась в контроле. Она стала слишком нервной. Но у него были определенные обязанности. Нельзя совсем забросить работу инспектора – это могло привлечь внимание.

Для того чтобы План работал, все должно четко функционировать. Начальство требовало его постоянного присутствия на Луне, особенно теперь, после вспышки неизвестной болезни. Они, видите ли, опасались, что вирус может размножиться в вентиляционной системе, как это случилось в двадцатом веке, когда возникла локальная эпидемия так называемой болезни легионов.

Он был вынужден находиться здесь, и пусть там в Клубе не обижаются. Однажды он слышал от подвыпившего Преториуса, что вовсе не у всех членов Клуба белый, как первый снег, цвет кожи. Кроме того, у него есть еще одно оправдание – вызов Спенсер. Она становилась обузой.

Надо постараться использовать ее. Он усмехнулся и направился за багажом к

конвейеру.

И остановился как вкопанный. Де Кайпер увидел Эллу Брэдли. Но ведь она должна быть уже допрошена ван Зеллом и его людьми и убита!

Когда де Кайпер отдавал приказ о допросе и ликвидации, он не сомневался, что все будет выполнено. Могла ли одна слабая женщина противостоять нескольким мужчинам? От ван Зелла не было известий уже давно, но это ничего не значило...

До сих пор не значило... Де Кайпер, парализованный страхом, почти в упор смотрел на Брэдли. Она не видела его.

Да, это именно та женщина, чье голофото продал ему Арджаниан (он не имел отношения к Плану). Значит, информация попала в руки того, кто смог расправиться с ван Зеллом и его парнями.

Брэдли обнималась с человеком, из-за которого пропали деньги де Кайпера, выплаченные за предательство. Здоровенный парень в униформе сотрудника Безопасности.

Сделав вид, что уронил что-то и теперь ищет, де Кайпер подошел к ним ближе. Тут он заметил другую женщину – невысокую блондинку тоже в униформе Безопасности. Она стояла спиной, и он не мог разглядеть ее звания. Судя по значку, мужчина был из визово-миграционного отдела.

Брэдли заметно нервничала, как будто имела мало прав на объятие. Она сказала своему спутнику, де Кайпер с трудом расслышал:

– Но, Сэм, это так опасно. Вдруг ты не вернешься?

Мужчина неразборчиво ответил что-то низким голосом, и Брэдли отступила на шаг, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Потом она протянула руку блондинке и сказала ей:

– Удачи, лейтенант Есилькова. Желаю вернуться невредимой.

Та, которую называли Есильковой, сухо ответила:

– Как знать, может, я вообще останусь там. Буду разводить свиней.

Все трое нервно рассмеялись, потом мужчина и блондинка направились к трапу.

Брэдли осталась на месте, смотря им вслед.

Де Кайпер на секунду задумался. Что лучше предпринять? Можно сделать то, что не удалось ван Зеллу. Или проследить, куда полетели эти двое? Впрочем, это и так ясно. Замечание Есильковой насчет свиней совершенно определенно указывало на Звездный Девон. В жилетном кармане де Кайпера лежал обратный билет. Он вытащил его и вложил в прорезь стоявшего рядом билетного автомата.

Пока машина щелкала и мигала индикаторами, он про себя молился, чтобы на космическом челноке осталось место. В противном случае придется ждать следующего рейса, а тогда он упустит эту парочку.

Удача была на стороне де Кайпера. Автомат выплюнул помеченный билет, и африканер бросился к трапу. На бегу он посмотрел назад. Заплаканная Элла Брэдли повернулась и пошла прочь от челнока.

Из-за колонны вышел негр в форме офицера Безопасности и зашагал рядом с ней.

20. ЗВОНОК НА ЗЕМЛЮ

Когда они добрались до ее квартиры, Элла предложила охраннику кофе. Ей нужно было, чтобы кто-нибудь находился рядом. Если не Сэм Йетс, то кто-нибудь, чем-то похожий на него.

Полицейский сказал, что не имеет права покидать свой пост у дверей, но она может вынести ему туда чашку.

Элла сварила кофе, вскипятила молоко, чтобы меньше воняло консервантом, и отнесла поднос полицейскому. Он с широкой улыбкой сказал «спасибо» и посоветовал ей идти обратно. «Возвращайтесь назад, мэм. Там безопаснее».

Он ничем не походил на Сэма, но она его послушалась. Внутри, и правда, было безопаснее. Внезапно Элла вспомнила неловкую сцену при отъезде. Проклятая Есилькова,

это из-за нее все получилось так глупо.

Лейтенантша, конечно, догадалась, что Йетс переспал с ней, – так же, как сама Элла поняла, что произошло между ним и Есильковой. Женщины всегда чувствуют такие вещи, когда хотят.

Но сейчас Элла не хотела думать о том, чем в данный момент могут заниматься эти двое. Лучше подумать о себе самой – она открыла в себе черты, о которых раньше не подозревала.

Что сказал бы Тейлор, если бы она принялась срывать с него одежду? Что на нее тогда нашло? Конечно, дело тут не только в Сэме, которого было бы, например, стыдно представить друзьям.

Особенно Тейлору. Он бы никогда не понял, что можно найти такого в Сэме Йетсе. Если он узнает, то смертельно обидится. Решит, что она опустила, и спросит, а если не спросит, то брезгливо подумает:

«Неужели никого не могла найти получше?»

Женщина с ее положением в обществе никогда не сможет открыто поддерживать связь с человеком типа Йетса. Его нельзя привести на вечеринку и представить нужным людям, да ему и нет до них дела. Он не будет знать, что сказать и как поступить. Ему станет скучно, и вообще ничего хорошего не выйдет.

Тем не менее она вдруг вообразила, как проводит Сэма на коктейль в университете или...

Бредовые мысли лезут ей в голову.

Все будут вежливы, потому что это она привела его, и это ее право – приводить кого угодно. Но будет царить *натянutosть*. Сможет ли Йетс выбрать правильно нож и вилку, если их положат около тарелки несколько? Знает ли он, что, когда нож не нужен, он должен лежать лезвием внутрь справа от тарелки, а вилка слева?

И вообще, захочет ли он всему этому учиться?

– Глупо, глупо, глупо, – вслух сказала она, плюхаясь на кушетку. Идиотские фантазии. Тейлор будет чувствовать то же, что и она, когда поняла, что произошло между Йетсом и Есильковой – в деле замешаны люди низкого происхождения и сомнительные репутации. Любовники должны занимать в обществе одинаковое положение.

«Спокойно, Элла. Об этом никто не узнает. Можно же попробовать один только раз, что это такое».

Один только раз. Это оказалось... так просто.

Но он уехал. Уехал и бросил ее одну. Формально он сделал все, что надо для ее безопасности, – оставил охрану и все такое. Но в мире Эллы Брэдли, в книгах, которые она читала, мужчины не покидали своих женщин в беде. Это было не по-рыцарски. Сэм Йетс наверняка не знает, как пишется это слово.

– Сама виновата во всем. Не надо было...

Ну вот! Начались разговоры с собой – не самый лучший признак. Элла уселась на кушетке, подобрала колени, и долго смотрела на дверь, ведущую в пустую спальню, где все напоминало о Сэме Йетсе. Словно наваждение какое-то! «Она не может влюбиться в какого-то... полицейского!»

Элла потянулась к телефону. Наплевать на цену. Надо поговорить с Тейлором. Он в Вашингтоне, спит сейчас, наверное. Ничего, он не будет возражать, если она его разбудит.

Она поговорит с ним немного, но о главном – молчок: Элла обещала Йетсу хранить тайну о сегодняшнем дне и не нарушит своего слова. Можно обсудить, допустим, общих знакомых, эпидемию...

И еще она спросит, как насчет ее запроса о Бэтоне. Нью-йоркский университет в ее лице уже должен бы был получить его.

Вот что она сделает. Элли словно пронзило током. Теперь она нашла хороший предлог и принялась яростно нажимать на кнопки телефона. Нужно только говорить спокойно, чтобы не выдать себя.

В конце концов, ничего подозрительного в этом нет. Запрос ушел вне очереди.

В Вашингтоне был час ночи, но Тейлор Маклеод, поднятый с постели, был рад слышать ее голос.

– Алло, Тейлор. Привет, это Элла. Да, я еще на Луне...

21. НА ЗВЕЗДНОМ ДЕВОНЕ

Де Кайпер неторопливо отстегнул ремни и выплыл из посадочного кресла. Мужчина и женщина в форме офицеров Безопасности уже давно вышли из челнока и боролись с невесомостью в доке Звездного Девона.

Док, как обычно, был перегружен. Звездный Девон пока – убыточное предприятие, только через двадцать лет, по расчетам, он начнет возвращать вложенные в него огромные деньги. Но уже сейчас грузов сюда доставлялось больше, чем на любое другое внеземное поселение, за исключением штаб-квартиры ООН, конечно.

В данный момент в вакуумном отделении дока загружался огромный транспорт. Ленты транспортеров, словно осьминожки щупальца, тащили в его трюм метровые кубы замороженного мяса. Сквозь прозрачный купол (который, как и весь док, не вращался, в отличие от остальных частей станции) тренированный глаз Жана де Кайпера различил особенно яркую звездочку среди тысяч других. Это был второй транспорт, ждавший очереди на посадку.

Возле огромного окна, за которым сидел оператор конвейера, ожесточенно спорили двое мужчин в деловых костюмах. Оператор безучастно наблюдал за ними. Бесконечная лента транспортера уходила в герметичную трубу, ведущую в трюм транспорта, где царил космический вакуум. Спор шел из-за того, что часть мяса предназначалась не для этого транспорта, а для следующего, который ждал на орбите.

Проплывая мимо спорящих, де Кайпер довольно усмехнулся. Приятно сознавать, что не только у тебя дела идут погано.

Во время двухэтапного полета и короткой остановки на пересадочном спутнике африканеру пришлось скрываться, чтобы не попасться на глаза объектам слежки. Ему не обязательно было держать их все время в поле зрения, так как он знал, куда они летят.

Конечно, он мог занять кресло рядом с ними и послушать, о чем они говорят, но решил не вызывать подозрений и держаться подальше. Так или иначе, на допросе эти двое выложат все, что знают.

Во время пересадки на спутнике ему удалось просмотреть список пассажиров. По номерам мест де Кайпер определил их фамилии – Йетс и Есилькова. Если только они не воспользовались поддельными личными карточками, информацию о них легко можно получить у Арджаниана – нужно просто еще заплатить ему.

Отдел контроля располагался в центре орбитальной станции, где царила невесомость, что было неудобно для сотрудников, но это никто не принимал в расчет, так как должность контролера считалась на Девоне самой престижной. Перенос отдела ближе к периферии, где была гравитация, прокладка новых информационных линий – все это стоило денег.

Когда де Кайпер вошел в комнату, все головы повернулись в его сторону – сотрудники отдела контроля воспользовались возможностью оторваться от осточертевших экранов и поглазеть на новоприбывшего. Африканер оставил дверь полуоткрытой, чтобы наблюдать за офицерами Безопасности, беседовавшими у информационного стенда.

– Сэр? – вопросительно окликнул де Кайпера какой-то мужчина. Африканер даже не обернулся, чтобы посмотреть, кто это был, а лишь коротко бросил через плечо:

– Занимайтесь своим делом!

Йетс что-то говорил женщине, потом оба направились к движущейся дорожке. В невесомости они передвигаться явно не умели.

Если вся орбитальная станция представляла собой гигантское колесо, то док и отдел контроля являлись его осью. От оси к периферии, как спицы, шли три движущиеся ленты.

Де Кайпер с легким презрением наблюдал, как Йетс и Есилькова преодолевают расстояние до ленты В, потом повернулся к упорно тарашившимся на него контролерам и высокомерно спросил:

– Вы еще не вернулись к своим обязанностям?

После чего достал из кармана личную карточку и многозначительно помахал ею в воздухе, но так, чтобы никто не успел прочесть, что на ней написано.

Сотрудники отдела контроля и не пытались ничего прочесть. Высокомерного тона де Кайпера и карточки с синей полосой – инспектор системы воздухообеспечения – было достаточно, чтобы доказать его власть. Никто на орбитальной станции не хотел связываться с человеком, который позволяет другим дышать. Контролеры нехотя вернулись к работе, по крайней мере, перестали пялиться на незваного гостя.

Все стены отдела контроля занимали огромные экраны. Они были плоские – не стерео, как голотанки, но качество изображения обеспечивали более высокое, а это важнее, чем трехмерная картинка.

Де Кайпер уверенно подошел к двум экранам, расположенным напротив двери. Липучие подошвы ботинок отлично удерживали африканера на полу в вертикальном положении.

Начальник смены, которого весьма старила преждевременная лысина, осмелился снова обратиться к нему:

– Не случилось ли чего-нибудь с воздушной системой, сэр?

– Нет, и не случится, если вы будете поменьше болтать, – грубо ответил де Кайпер, одновременно перенастраивая оба экрана.

Контролер отступил, ужаснувшись собственной дерзости. Де Кайпер, не удостоив его взглядом, достал из кармана любимый ингалятор. По комнате поплыл крепкий табачный запах.

Каждый большой экран показывал одну из двадцати четырех секций, на которые был разделен Звездный Девон. Под большими экранами располагались маленькие, высвечивающие информацию о содержании кислорода, температуре воды и почвы в секциях.

Разумеется, человеку было не под силу уследить за всей информацией, поступающей в отдел контроля с огромных овощных полей, пастбищ и рыбных прудов, но этого и не требовалось. Функция контролеров заключалась в другом – по возможности предупреждать аварийные ситуации, а если они все-таки возникали – оповещать о них ремонтников.

Это была непростая работа. Появилась разница давления в несколько миллибар – не произошла ли утечка воздуха? Повысилась концентрация метана в теплице – нет ли прорыва газопровода? И так далее.

Жану де Кайперу не было дела до проблем контроля. Огромные экраны идеально подходили для слежки – вот все, что его интересовало. Он настраивал экран на то место, где соединялись две секции, – именно туда подходила лента В. Африканер знал внутреннее устройство станции лучше, чем кто-либо другой, – это была его работа.

С помощью джойстика, переключавшего батареи видеокамер, можно было получить изображение любой части Звездного Девона.

Картинки на обоих экранах плавно изменялись – видеокамера поворачивалась на максимально возможный угол, а потом микропроцессор включал следующую.

– Ага... вот, – прошептал де Кайпер на африкаанс, когда на правом экране появилась площадка, где оканчивалась лента В. Он увеличил изображение и осклабился. Только палач мог принять выражение его лица за улыбку.

Левый экран больше не был нужен – объекты появились на правом. Теперь Йетс и Есилькова двигались более уверенно – гравитация нарастала и достигла уже половины земной. Они замешкались на пересадочной площадке, не зная, куда направиться. Недовольные пассажиры торопливо обходили их.

Африканер слегка перенастроил камеру, чтобы видеть их лица. Он не умел читать по

губам, а это было бы полезно в данный момент. Он представил себе, будто смотрит на них через оптический прицел.

Женщина исчезла с экрана. Де Кайпер немедленно расширил обзор. Оказывается, она направилась к багажному транспортеру. У Йетса багажа не было, а Есилькова взяла с конвейера одну спортивную сумку, не новую, с потертыми углами – это де Кайпер хорошо разглядел. Интересно, что внутри? Сумка была такого же синего цвета, что и униформа сотрудников Безопасности.

Через плечо де Кайпера нервно заглядывал один из контролеров – молодой парень, которого африканер, по существу, лишил рабочего места. Де Кайпер обернулся и холодно смерил его взглядом. Контролер смущенно отступил.

Тем временем Йетс и Есилькова направились на остановку монорельсового вагона.

Камера, расположенная высоко под потолком, давала только вид сверху, поэтому де Кайпер лиц не видел, одни головы. Ничего не поделаешь – видеосистема не приспособлена для слежки. Правда, светлые волосы Есильковой и ее синяя сумка служили прекрасным ориентиром.

Йетс и Есилькова сели в подъехавший вагон. Плавным движением джойстика де Кайпер сдвинул изображение, не упуская вагон из кадра. Тщательно подобрав фокус, он смутно различил в окне яркую гриву Есильковой. Монорельс проходил через туннель, отделанный лунными силикатами, которые давали множество бликов, поэтому более четкое изображение получить не удавалось.

Когда вагон подъехал к следующей станции, а Йетс и Есилькова не вышли, де Кайпер перебрался к другому экрану, за которым полагалось следить все тому же выгнанному им молодому контролеру.

Работавшая по соседству женщина поспешно отошла подальше и завязала деланно оживленный разговор с начальником смены.

Не отрывая взгляда от несущегося мимо пастбищ вагона, де Кайпер достал из кармана личную карточку и на ощупь вставил ее в щель телефона, расположенного под одним из четырех захваченных им экранов.

Теперь остается только нажать кнопку автоматического набора номера, записанного на магнитной карточке. Сигнал через передатчик должен попасть на телефон, вмонтированный в кейс Кэтлин Спенсер.

Вагон тем временем плавно затормозил и остановился у жилого квартала, где обитали техники четвертого и третьего классов. Люди, ждущие на станции, почти поголовно были одеты в униформу.

Йетс и Есилькова наконец-то вышли. Теперь де Кайпер отчетливо видел их обоих. Шевелюру Йетса можно было бы назвать светлой, если бы не волосы его спутницы – они были льняного цвета.

Не отрывая глаз от экрана, де Кайпер зажал телефонную трубку между плечом и ухом и нажал кнопку автоматического набора.

Йетс и Есилькова оглядывались по сторонам, не зная, куда идти. Вышедшие на той же станции пассажиры, очевидно лучше знакомые с местностью, уже разошлись. Светловолосая женщина тронула своего спутника за рукав, показывая другой рукой на площадку эскалатора.

Возле движущейся ленты Йетс попрощался с ней, подозрительно долго держа ее руку в своей. Камера показала лицо Есильковой крупным планом, эскалатор унес ее вверх, и она исчезла. Йетс остался на площадке, глядя ей вслед. Потом он потянулся и огляделся по сторонам. По всему было видно, что он приготовился ждать долго.

Де Кайпер поднял трубку.

– Да? – услышал он ледяной голос Кэтлин Спенсер.

– Через несколько минут к вам придет женщина с синей сумкой. – Де Кайпер не представился, зная, что его и так узнают по акценту. – Вы должны задержать ее в лаборатории, пока я не приеду.

Все сотрудники отдела контроля старательно делали вид, что ничего не слышат.

– Что вы имеете в виду? – спросила Спенсер раздраженно.

– Не время для дурацких вопросов, – отрезал африканер, продолжая краем глаза наблюдать за Йетсом, который, скучая, шатался по станции и разглядывал стены. Кроме него, на платформе никого не было. – Закройте воздушный клапан, если сумеете. Эта женщина не одна, поэтому будьте осторожны. Я скоро приеду.

– Но я не могу...

– Госпожа Спенсер, вы обязаны. Понимаете? Обязаны.

Спенсер быстро взяла себя в руки. Теперь в ее голосе не было и намека на слабость.

– Прекрасно. Поторопитесь.

Линия разъединилась.

Де Кайпер расстроил экран, чтобы никто не увидел, за кем он наблюдал, и, не попрощавшись, выплыл из комнаты.

В багаже, который он впопыхах оставил на Луне, был плазменный излучатель. Жалеть о нем было некогда. Кроме того, можно достать другой.

По пути к станции монорельсовой дороги он вставил себе в ноздри носовые фильтры, которые всегда лежали у него в кармане жилета вместе с газовыми гранатами.

22. РАБОТА ПРОФЕССИОНАЛА

Кэтлин Спенсер подумала, что невежливость де Кайпера, отсутствие обычного «милочка» и холодный приказной тон, очевидно, связаны с женщиной, о которой он говорил. Женщина с синей сумкой.

«Закройте клапан, если сумеете... Она не одна... Вы обязаны. Понимаете? Обязаны».

Что-то произошло. Она ждала звонка от де Кайпера, рассказа о результатах допроса Эллы Брэдли, но, видимо, случилась какая-то беда. Поведение африканера не напугало бы ее до такой степени, если бы не отсутствие известий об Элле Брэдли. Никакого упоминания о ней, ни слова...

Спенсер рассеянно поглаживала хрустальный флакончик, висевший на шейной цепочке. «Я скоро приеду», – сказал де Кайпер. Ему следует поторопиться, не то она ударится в истерику. Кто эта женщина с синей сумкой? Что ей надо? Мелодичный сигнал интеркома отвлек ее от тревожных мыслей.

– Доктор Спенсер, к вам посетитель. Лейтенант Есилькова из Службы Безопасности при ООН. Хочет срочно поговорить с вами. Впустить ее?

Спенсер оглядела кабинет – нет ли чего подозрительного. Обычный рабочий беспорядок: заваленный бумагами стол, какие-то папки на стуле для посетителей.

Из *Службы Безопасности*. Если ООН, значит, она как-то связана с колонией на Луне. Интересно, почему де Кайпер так запсиховал? Кэтлин еще раз осмотрела свой кабинет. Что делать? Она могла сказать, что занята, и отказаться от встречи с этой женщиной, по крайней мере, пока не приедет африканер.

Но она не была занята. Если она станет лгать с самого начала, это может вызвать лишние подозрения. Спенсер коснулась клавиши интеркома.

– Пусть войдет. Но я жду еще одного посетителя. Позвоните, когда он появится.

Де Кайпер мог бы быть и поразговорчивее. Кэтлин знала, что он отправился на Луну уладить дело с Брэдли и решить несколько других неотложных вопросов. И вот он вернулся. Вернулся слишком скоро. Значит, произошло нечто очень серьезное, а что – проклятый африканер не говорит. Ей совсем не доверяют.

В худшем случае, придется использовать флакон. Она ласково потрогала его гладкую поверхность, словно он был живой. Это немного успокоило ее. Флакон всегда помогал.

В сумке у Есильковой была подслушивающая аппаратура, за ухом спрятан телесного цвета беспроводной динамик, работавший также в качестве микрофона. Она могла переговариваться с Йетсом или, по крайней мере, слышать, что он говорит. Все переговоры,

вся звуковая информация записывались.

Когда Спенсер поднялась ей навстречу, Есилькова коснулась пальцем микрофона за ухом.

С этого момента пошла запись, и микропроцессор начал анализировать голос Спенсер. Если она станет лгать или нервничать, тембр ее голоса изменится, и микропроцессор включит зуммер.

– Здравствуйте, я – лейтенант Есилькова.

– Да, но я полагала... Видите ли, глупый охранник доложил о вас так, что я подумала, будто вы – мужчина. Поэтому я... немного растерялась.

«Бип. Бип-бип. Бип-бип-бип», – запищал динамик за ухом. Ах, как мы испугались! И сразу начали со лжи. Есилькова уселась напротив Спенсер и сказала:

– Не волнуйтесь, доктор. Со мной это постоянно случается.

Есилькова водрузила сумку на колени, а локти положила на стол.

– Чем могу вам помочь, лейтенант? Мне доложили, что вы из ООН. У вас есть удостоверение?

Зуммер пискнул только один раз – когда Спенсер упомянула об ООН.

Есилькова издала показала ей личную карточку, висевшую на цепочке. Спенсер вовсе не обязательно знать, что лейтенант Есилькова из патрульного дивизиона Службы Безопасности не имеет никакой власти здесь, на Звездном Девоне, который является британским протекторатом. Хорошо еще, что большинство обычных людей слабо разбираются в такого рода вещах.

– Да, я из ООН, лунная колония, знаете? – небрежно бросила Есилькова, наблюдая за лицом собеседницы.

Ее лошадиная челюсть не дрогнула, но губы поджались, в углах рта появились складки. Спенсер заговорила, и зуммер разразился писком.

– Так что же привело вас сюда, лейтенант?

– Обычная нудная работа. У нас ведь была эпидемия, слышали, конечно. А поскольку с вашей станции поступает много продуктов питания...

– Никакие продукты от нас не поступают, – перебила ее Спенсер. Зуммер звенел не умолкая. – Вернее, через наши продукты интересующая вас болезнь распространяться не может.

Спенсер раздраженно откинула со лба выбившийся из-под заколки клочок волос.

– Да что вы говорите! – деланно изумилась Есилькова.

– Именно так. Бактерии, которые бывают в свинине, злаках или фруктах – всякие там клостридии и сальмонеллы, – Спенсер усмехнулась, но смысл шутки остался для Есильковой загадкой, – вызывают заболевания с другими симптомами.

Кроме единственного раза вначале, на протяжении всей реплики Спенсер зуммер молчал. Лейтенант Есилькова представляла собой гораздо более чувствительный (и дорогой) детектор лжи, чем тот, что лежал у нее на коленях. На этот раз ошибки не было – Спенсер говорила правду.

Правдивые ответы тоже были нужны – для контроля и для доказательства точности работы аппаратуры. Конечной целью разговора было получение достаточного количества документально зафиксированной лжи, чтобы потом добиться от властей разрешения на арест Спенсер.

– Все это хорошо, доктор. Нам гораздо выгоднее покупать продукты у вас, чем привозить с Земли. Синтетику, изготавливаемую на Луне, есть никто не желает. Надеюсь, вы понимаете, как важны для нас ваши поставки. Именно поэтому я и провожу расследование. Вы не могли бы поподробнее рассказать о вашем директоре? – Невинный заинтересованный взгляд.

– О Сатклифф-Боулсе? Пожалуйста, а что вас интересует?

Зуммер молчит.

– Вы не шутите? У него действительно такая дурацкая фамилия – Сатклифф... Как там

дальше? Ладно, а что вы думаете о...?

За спиной Есильковой громко загудел кондиционер.

– Простите, лейтенант, эта штука так шумит, что иногда...

Голос Спенсер прервался, она судорожно сглотнула. На мгновение настала тишина, слышалось лишь негромкое шипение. Из кондиционера вылетело сероватое мутное облачко и быстро растаяло в воздухе.

Есилькова, подхватив сумку, вскочила на ноги. Спенсер удивленно посмотрела на кондиционер, глаза у нее закатились, и она мягко уронила голову на стол.

Не выпуская из рук сумки, Есилькова быстро вытащила станнер и бросилась на пол, где воздух должен был быть чище. Она пыталась ползти, но тело ее не слушалось. Ослабшие пальцы не могли удержать оружие. Ее затошнило, перед глазами поплыли зеленые пятна, потом наступила темнота...

Через несколько минут в стене бесшумно открылась потайная панель.

Жан де Кайпер, нагнувшись, пролез через образовавшееся отверстие, с плазменным излучателем наготове – на всякий случай. От вставленных в ноздри фильтров его нос казался еще более хищным. Под мышкой он держал рулон липкой ленты, используемой космическими рабочими для упаковки и временного крепления небольших грузов в вакууме.

Де Кайпер осторожно склонился над Спенсер. Она лежала грудью на столе, сжимая в руке хрустальный флакончик, который постоянно таскала с собой. Флакончик не разбился, даже не треснул. Это было очень хорошо.

Надо бы его забрать, но африканер не мог заставить себя даже прикоснуться к нему. Обругав Спенсер, которая сейчас казалась еще уродливее, чем обычно, он подошел к Есильковой.

Связывая светловолосую лейтенантшу – ее спутник, тщательно спеленутый липкой лентой и вдоволь надышавшийся газом, уже лежал в шлюзовой камере, – де Кайпер заметил шейную цепочку из блестящих металлических шариков. Потянув за нее, он увидел пластиковую карточку.

Это было удостоверение на имя лейтенанта Сони Есильковой из Службы Безопасности ООН – точно такое же он вытащил из бумажника Йетса. Интересно, что надо этим двоим? Йетс был из визово-миграционного отдела, Есилькова – из патрульного подразделения... Судя по их удостоверениям, ни он, ни она не были уполномочены проводить расследование на орбитальной станции.

Сердито ворча себе под нос, де Кайпер продолжал обматывать Есилькову лентой. Покончив с этим, он вытащил из кармана инъектор и ввел антидот в яремную вену Спенсер.

Когда она очнется, то, конечно, не скажет ему спасибо за головную боль и вообще будет недовольна таким методом решения их общей проблемы, но до этого африканеру было мало дела. Он думал о другом.

Йетс и Есилькова виделись с Брэдли, которая к тому времени должна была быть мертва. Оказывается, ван Зелл оставил сообщение на автоответчике де Кайпера, но в нем говорилось только, что попытка похищения не удалась. Куда запропастились ван Зелл и его ребята? И что делать с этими двумя – Йетсом и Есильковой? Они слишком много знают.

Жан де Кайпер с трудом протащил спеленутое тело через потайную дверь. Он ни минуты не сомневался, что придется избавиться от Йетса и лейтенантши. Но каким образом? Следов не должно остаться. Если в Клубе узнают, что он потерпел хотя бы относительную неудачу, это может неблагоприятно сказаться на Плане и на его собственном будущем.

Выбора почти не оставалось. Прежде всего – о неудаче с похищением никто не должен знать. Потом надо доставить сюда Йетса, как можно скорее допросить пленников с помощью Спенсер и избавиться от них. За Кэтлин придется приглядывать, чтобы она не натворила глупостей.

Оставив Есилькову, он вернулся в кабинет. Спенсер все еще не пришла в себя. Де Кайпер принялся растирать ей кисти рук.

Прежде чем тащить Йетса сюда, надо удалить весь персонал лаборатории. А потом...

потом все станет ясно: что случилось с ван Зеллом и как спасти План и собственную жизнь.

23. ХОД БРЭДЛИ

Телефон успел позвонить только один раз, а Элла уже схватила трубку.

– Доктор Брэдли? – спросил вежливо-официальный голос, какие бывают у секретарей.

– Да, это я. – Элла была разочарована: она ожидала несколько важных звонков, но ни один из них не должен был так начинаться.

– Вас беспокоят из главного офиса Нью-Йоркского университета на площади Вашингтона. С нами связался заместитель Маклеода относительно вашего запроса о Родни Бэтоне.

Несмотря на отвратительную слышимость – Элла не могла даже понять, кто говорит, мужчина или женщина, – она ясно почувствовала в далеком голосе неприязнь.

Но это было не важно. Главное – хоть какие-то сведения о Бэтоне. Спасибо Тейлору и его связям. Если бы еще сегодня позвонил сам Тейлор, Йетс или Есилькова, большего нечего и желать.

Она не расслышала, как представился ее собеседник. Придется ждать подходящего момента, чтобы переспросить.

– Да, – сказала она. – Я давно жду эту информацию. Не вешайте трубку, я подготовлю аппаратуру для приема.

Паузы в разговоре Земля – Луна создавали впечатление, что собеседник раздумывает над ответом и говорит неискренне.

Через несколько секунд человек на том конце провода ответил:

– Мы не можем ничего вам переслать, потому что в настоящее время у нас нет данных.

Пауза.

– Но как это может быть? Я имею право знать все, что содержится в досье Бэтона. Разве Маклеод не сказал вам, что мой запрос – срочный?

Пауза.

– Я знаю, доктор Брэдли. Когда мы послали ваш запрос, – так быстро, как только возможно, – выяснилось, что на Звездном Девоне им должна заниматься доктор Спенсер. Как раз в это время у нее в лаборатории произошла авария, поэтому ответа ждать не приходится. Мы бы попросили вас сообщить в ЮСИА, что наша организация оказала вам максимальную помощь.

Снова пауза. Теперь понятно, зачем звонят. Хотят спихнуть с себя это дело. Ну, посмотрим.

– А что за авария?

– Мы сами толком не знаем. Думаю, ничего страшного, но что бы там ни было, исправление повреждений займет определенное время. Вы не сообщите своим друзьям в Вашингтоне, что мы сделали все возможное? Вы ведь все-таки работаете у нас, а не у них.

Интересно, что это за секретарь, осмеливающийся делать такие намеки? Элла сказала:

– Конечно, я сообщу, если вы напомните, как вас зовут...

Тут она поняла, что ее уже не слушают.

Надо же! Так нагло оборвать разговор! Она швырнула трубку и легла, прикрыв рукою глаза. Проклятые бюрократы! Но долго злиться она не могла – ее не покидали тревожные мысли.

Почему до сих пор не звонит Йетс? Есилькова, возможно, и не стала бы звонить, но он сделал бы это обязательно, если бы смог. Да еще и эта авария как раз там, куда они отправились... Можно побиться об заклад – она весьма на руку тем, кто пытался ее похитить.

В разговоре с Маклеодом Элла ни словом не обмолвилась о похищении, иначе он потребовал бы, чтобы она бросила работу на Луне и возвращалась на Землю первым же рейсом, или приставил к ней охрану и запретил выходить из квартиры.

Сейчас ее охраняет – слава Богу – всего один человек. Можно из дома заказать билет на Звездный Девон, потом попросить охранника проводить ее до женского спортзала, куда мужчин не пускают, а оттуда бежать в космопорт и...

Вот до чего она дошла – бегать за Йетсом, который ей даже не позвонил. словно школьница.

«Ну и что? Не позвонил, потому что не смог», – возразила она самой себе. Конечно, Йетс и Есилькова – сотрудники Безопасности, но они не способны рассчитывать комбинации более чем на один ход вперед. К сожалению, отсутствие воображения может привести к печальным последствиям, особенно если действительно существует какой-то страшный заговор, называемый Планом, в который могущественные люди вложили огромные деньги.

Два полицейских против такой силы? Они обречены на поражение, но она не сумела их в этом убедить. Просто они никогда не общались с революционерами и контрреволюционерами, не жили в тоталитарном государстве, и у них не было таких знакомых, как у нее.

Получается, она должна все делать одна: сообщить о происшедшем властям, найти Йетса и Есилькову и спасти человечество. Если бы Сэм послушался ее с самого начала, ничего этого не случилось бы.

Он сказал тогда, что их поездка затеяна не во имя спасения мира, а во имя спасения его, Йетса. Есилькова закатила глаза и принялась рассуждать о ничего не понимающих теоретиках.

Теперь они, наверное, об этом сожалеют.

Элла сняла трубку и набрала номер. Занято. Она поставила телефон на автодозвон, вытащила из шкафа саквояж и положила туда станнер, который обнаружила у себя в квартире в день похищения.

Она не знала, как с ним обращаться, но в свое время, когда она работала в Африке, у нее было много знакомых, которые прекрасно владели оружием.

Пусть Йетс никогда не простит ей, но она все-таки расскажет обо всем Тейлору, предварительно взяв с него клятву, что он будет молчать. Он может оказаться очень полезным.

Если она погибнет, кто-то должен знать, что происходит.

Последнее соображение очень важно, а Йетс и Есилькова этого не понимают. Наоборот, они считают, что чем меньше людей знают о чем-либо, тем безопаснее. У них нет широты мышления.

А у нее, Эллы, есть. И у Маклеода тоже. Телефон дозвонился наконец. Элла заказала билет до Звездного Девона. На ближайший рейс.

Отлет через три часа – этого времени достаточно, чтобы поговорить с Тейлором или, по крайней мере, оставить ему записку. Потом можно отправляться в спортзал, избавляться от охранника. Не тащить же его на Звездный Девон! Там от людей типа Есильковой мало пользы.

24. КОНТРОЛЬ

Когда Кэтлин Спенсер вошла в кабинет Сатклифф-Боулса, директор расслаблялся, слушая музыку. Снова Вагнер. Спенсер подумала, что старина Вагнер со своим националистическим мистицизмом одобрил бы План.

Директор повернулся вместе с креслом и раздраженно нажал кнопку на дистанционном пульте. Музыка резко оборвалась, и настала слегка зловещая тишина. Сатклифф-Боулс смотрел на Спенсер, его обычно розовое лицо налилось кровью. Она тоже смотрела на него и ничего не говорила.

Все в этом кабинете было рассчитано на то, чтобы произвести впечатление: никому не понятная музыка, стол на возвышении, огромное кресло и многозначительное молчание самого хозяина, который, словно огромная толстощекая сова, взирал на посетителей.

– Что там у тебя, Кэти? Отчет о твоих убытках? – Сатклифф-Боулс первым сдался и заговорил.

Она холодно смотрела на него.

– Не отчет. Контроль. Контроль убытков. Причем ваших, а не моих. – Она положила бумаги на стол. – Здесь список микроорганизмов, которые – возможно, но не обязательно – попали во внешнюю среду. Лабораторию надо опечатать и провести дезинфекцию. Это обычная мера предосторожности.

В соответствии с происхождением Сатклифф-Боулсу полагалось бы носить твидовый костюм и пить чай в каком-нибудь саду в Стратфорде-на-Эйвоне, а не сидеть за поликомпозитным столом и разбирать микробиологические проблемы.

– Но послушай, Кэти. Мы пытаемся замять скандал. Если пройдет слух...

– Позвольте, сэр, – перебила его Спенсер. Она внезапно снова почувствовала дурноту, от которой уже, как ей казалось, избавилась. Паралитический газ и антидот странным образом взаимодействовали в ее организме. – Предотвратить распространение слухов – не самое трудное. Мои люди будут молчать, разве что ваш персонал проболтается. Я договорилась со службой жизнеобеспечения, что проведут дезинфекцию без всякой огласки.

Симптомы возвращались, а ведь этого не должно быть. Страшно разболелась голова.

Сатклифф-Боулс сидел с открытым ртом. Мало кто из его служащих осмеливался так с ним разговаривать.

Спенсер не могла больше находиться в кабинете этого глупца, ей было слишком плохо, хотелось ухватиться рукой за край стола. Она сказала очень тихо и значительно, чтобы поскорее закончить разговор:

– Если хотите, чтобы авария не превратилась в катастрофу, вы должны прежде всего заставить молчать ваших людей. Стоит прессе пронюхать, и вам придется давать объяснения всю оставшуюся жизнь.

Сатклифф-Боулс понимал, на что намекает Спенсер: на орбитальной станции боялись не просто заражения, а полного вымирания. После эпидемии на Луне появились реальные основания для таких опасений. Недоверие покупателей к продуктам Звездного Девона может превратить его в бесполезный кусок железа стоимостью во много миллиардов.

С лица Сатклифф-Боулса сбегала краска, в голосе зазвучал страх.

– Кэтлин, можете ли вы заверить меня, что дело не получит никакой огласки? Ведь ничего такого не случилось, правда? Опасности же нет?

Он вытер внезапно вспотевший лоб.

– Вы хотите сказать, нет ничего вирулентного? – Час ее торжества настал. Наконец-то этот поганый аристократишка будет поставлен на место. – Ничего, что грозило бы смертью, как на Луне? Могу вас заверить, директор, что этого нет. Если вы последуете моим рекомендациям, то, смею надеяться, и не будет. Но мне нужна ваша безоговорочная поддержка...

– Вы получите ее. Я... я обещаю, – заикаясь, выдавил из себя Сатклифф-Боулс. Таким Спенсер хотела бы его видеть всегда.

– Прекрасно, – холодно кивнула она ему. – Я сообщу вам, если появятся новости. Позаботьтесь, чтобы ваши люди не путались у меня под ногами. И держите свои страхи при себе.

Ничто так быстро, как ужас перед эпидемией, не заставляет человека вспомнить о Боге. Даже такого, как Сатклифф-Боулс.

25. ПЛЕННИК

Жан де Кайпер, отдуваясь, тащил бесчувственного офицера Безопасности в опустевшую лабораторию. Йетс был велик и тяжел, а де Кайпер не привык к нагрузкам.

Но все-таки откуда такая одышка? Если эта сука Спенсер ведет нечистую игру, и вирус... Тогда он сам убьет ее, и смерть эта будет медленной и мучительной.

Де Кайпер мрачно осмотрелся вокруг. Он не боялся неудачи, просто старался все предвидеть. Когда он разберется с Йетсом и Есильковой, предстоит еще найти Пита ван Зелла, а это будет непросто, он чувствовал.

Де Кайпер, крикнув, сбросил ношу с плеч. Инспектор Сэмюэл Йетс грохнулся на пол.

Закрывать шлюз ему помог один из подручных Спенсер, который потом попросил отпустить его. Пот градом катился по бледному лицу. Этот парень работал в лаборатории Кэтлин, и она его завербовала. Не слишком надежный помощник. Де Кайпер разрешил ему уйти, понимая, что от него мало толка. Парень был на грани срыва.

Для де Кайпера такой грани не существовало. У него был План. Он хотел странствовать по вельду, не встречая на пути ни одного черномазого. Когда парнишка ушел, де Кайпер отметил, что дальше его использовать опасно – придется убрать. Потом он повернулся к Йетсу, который еще не пришел в себя.

Перед тем как втащить его в лабораторию, де Кайпер зашел туда. Все было в порядке. Есилькова по-прежнему лежала на полу. Он приподнял ей веко одной рукой и одновременно сильно надавил между ног пальцами другой. Зрачок не расширился. Значит, она не притворялась.

Грязно выругавшись, он выпрямился. Ему в голову пришла одна идея, но сначала надо удостовериться, что никто их не побеспокоит. Он проверил двери – все ли закрыты. Потом осмотрел аппаратуру – не включена ли запись. Только после этого подтащил Йетса и усадил его спиной к столу Спенсер, лицом к Есильковой.

Обычно во время допроса он направлял в глаза жертве яркий свет лампы, что не только давало психологический эффект, но и не позволяло видеть того, кто допрашивает. Правда, это было не так уж важно – допроса почти никто не выдерживал.

На этот раз де Кайпер хотел использовать другой метод. Никогда не знаешь, что сработает лучше.

Де Кайперу было все равно, как получить нужную информацию – важен результат. Если он немного развлечется с Есильковой на глазах у Йетса (что само по себе приятно), он гораздо быстрее узнает все необходимое, чем выбивая признание у каждого в отдельности.

Де Кайпер впрыснул Йетсу антидот. Потом подкатил кресло Спенсер на роликах, поставив его между пленниками, уселся и стал ждать.

Время шло, де Кайпер внимательно наблюдал за Йетсом. Когда он придет в себя и поймет, что не может пошевелиться, расслабленные лицевые мышцы должны напрячься.

Глядя на Сэма, де Кайпер размышлял, что при других обстоятельствах они могли бы стать друзьями. Кожа у Йетса бледная, волосы светлые – смесь нордической и славянской крови, может быть и германские предки. Широкие скулы, немного косой разрез глаз, голландский нос, но рот и подбородок истинно тевтонские. В жилах этого человека текла добрая кровь многих европейских народов.

Мог быть другом и союзником, а сейчас опасный враг. Земная мускулатура еще не утрачена, грудь широченная, как мехи. Действительно, сильный человек. Очень сильный.

Де Кайпер связал его крепко, не пожалел ленты, ему не вырваться – это выше человеческих сил.

В карманах у Йетса оказалась только личная карточка, удостоверяющая, что он работает в визово-миграционном отделе. Но должно же быть что-то еще, иначе он не оказался бы здесь.

Наверное, эта карточка была только прикрытием. Видимо, Йетс чей-то агент. Но чей? Оппозиции? Тогда какой фракции? Какого правительства? Кто знает, что он здесь? Какие силы стоят за ним? Кто станет его искать и мстить за своего агента, который погибнет при исполнении задания? Когда...

– Ты работаешь на... Спенсер, – запинаясь, произнес Сэм. Язык еще не совсем его слушался.

Жан де Кайпер снял с пояса электрошок и принялся демонстративно разглядывать его. Потом лениво произнес:

– Ах, так мы проснулись? Давно пора. Скоро в школу. Видишь вот это?

Йетс посмотрел на электрошок, на неподвижное тело Есильковой и сказал:

– Я вижу перед собой идиота, который работает на Спенсер. Ее песенка спета, не важно, что произойдет со мной. Слишком поздно...

– *Я не работаю на Спенсер*, – прошипел де Кайпер и тут же пожалел об этом. Он пришел в ярость, что его считают подручным этой паучихи. – Я не работаю ни на кого. Я работаю ради нашего Плана, ради того, чтобы вернуть на Землю наш народ, подготовить Африку к заселению *людьми*. Спенсер – ничтожество, ноль, да к тому же и психованная. Только сумасшедшая может носить на шее флакон с вирусом. Если его сорвать с цепочки, раствор впрыскивается в атмосферу, и через десять минут все, кто находится поблизости, погибают... – Де Кайпер понял, что проболтался, и оборвал фразу.

Йетс не должен знать, что все они в отчаянном положении, а не только он с Есильковой. И должен верить, что у него есть надежда на спасение...

– Ладно, вы не работаете на Спенсер, но почему... – спокойно проговорил Йетс, хотя на лице его было замешательство.

– Я буду задавать вопросы, – ласково перебил его де Кайпер, – а ты, дружище, – отвечать.

Он взмахнул электрошоком, который давал разряд в сорок тысяч вольт, и подошел к Есильковой.

Рядом с ней лежала синяя сумка, выпавшая из рук, когда подействовал газ. Де Кайпер наклонился, чтобы повнимательнее рассмотреть ее – раньше на это не было времени, – и на мгновение забыл о Йетсе.

– Постойте, – закричал Сэм. – Давайте поговорим.

Все ясно: Йетс подумал, что он собирается приложить к Есильковой контакты электрошока. Сделав вид, что не слышит его, де Кайпер спросил, показывая сумку:

– Кто вы, инспектор? На кого вы работаете? Почему вы здесь? Придется все мне рассказать. – Он достал из кармана складной нож и раскрыл его. – Говори.

– Я не понимаю, о чем вы, – хмуро ответил Сэм. – Я из визово...

– Придется все-таки рассказать. И чем раньше, тем лучше, иначе твоей крошке плохо придется.

Йетс молча смотрел на него. Де Кайпер стянул с Есильковой брюки и трусы. Бросив многозначительный взгляд через плечо, он принялся водить лезвием по ее животу.

– Стойте, – сказал Йетс.

Игра становилась все интереснее. Де Кайпер пока не мог решить, как привести Есилькову в чувство: впрыснуть ей антидот или применить электрошок.

26. ПРОПУСТИТЕ ДАМ

Элла Брэдли никогда раньше не бывала на Звездном Девоне. Если бы не симпатичный молодой человек, который встретил ее в космопорте и сказал: «Тинг послал меня помочь вам», – она бы ни за что не нашла дорогу.

Тинг – прозвище Тейлора, которое он ненавидел, уменьшительное от Хантингтон. В детстве его так называли родители. Элла узнала о прозвище, когда Тейлор пригласил ее к себе в Бельфорд на День Благодарения. Она его тогда просто задразнила, а вообще-то в лицо его звали Тингом только черная няня и тетка из Атланты.

Теперь это прозвище послужило паролем, который не вызывал сомнений и не мог быть перехвачен. Здорово же соображает Тейлор! Присланный им молодой человек был чрезвычайно корректен, с приятными чертами лица, а главное – молчалив: за всю дорогу не задал ни одного вопроса.

– Мы будем рады выполнить любое ваше пожелание, доктор, – сказал он ей, вручая карточку с номером телефона.

Он производил впечатление спокойного, уверенного в себе человека, во взгляде

чувствовались холодный юмор и проницательный ум – это было типично для людей, которые работали на Тейлора. Элла решила сначала, что он из ЮСИА, но потом усомнилась в этом. Уже больно быстро он провел ее через таможенную, даже багаж не стали открывать. Видимо, этот молодой человек работал в более влиятельной организации. Спросить его об этом она не решилась.

Элла попросила проводить ее до квартиры доктора Кэтрин Спенсер. Когда они пришли, молодой человек – судя по карточке, его звали Пек Смит – сказал с едва уловимым оксфордским акцентом:

– Вот тут, третья дверь слева. – И добавил: – Вы уверены, что я больше ничем не могу вам помочь?

– Нет, разве что откроете мне дверь, если Спенсер нет дома, чтобы не пришлось ждать в коридоре, – пошутила Элла.

– С удовольствием, – улыбаясь, ответил Смит. Не прекращая улыбаться, комически приложив палец к губам, он огляделся по сторонам, потом постучал, подождал минуту и склонился над замком.

– Вауа, – вполголоса произнес он и толкнул дверь.

Если бы положение не было таким серьезным, происшествие позабавило бы Эллу, но сейчас ей было не до того. Она незаконно вламывается в чужую квартиру! Поэтому она только прошептала в ответ:

– Спасибо вам. Я сообщу Тингу, как вы мне помогли.

– Хорошо. Пожалуй, я пойду. Если вам понадобится что-нибудь еще или просто станет скучно – наберите мой номер. Всегда рад служить. – Он подмигнул, повернулся и ушел быстрым шагом. Когда он скрылся за углом, Элла вошла внутрь и плотно закрыла за собой дверь.

Господи, как она дошла до такого? Однако времени на ахи и охи не было. Она прекрасно понимала, что делает, и Пек Смит это тоже понимал, но не задал ни одного вопроса. Казалось, был даже рад. Теперь, когда она узнала, с чем связана работа Маклеода, их безмятежные отношения никогда больше не вернутся.

Элла решила не просить больше помощи у Смита, разве что в крайнем случае, например, если ее или Йетса с Есильковой посадят в тюрьму за незаконные действия. Они с Маклеодом так и договорились: она будет делать все, что сочтет необходимым, и только если потерпит неудачу, он введет в дело своих людей. От Эллы требовалось лишь держать его в курсе событий.

Тогда Тейлор говорил ей по телефону:

– Конечно, для нас сейчас главное – кто. Доказательства были бы крайне полезны, но я не очень на них рассчитываю.

– А что делать с обвиняемыми, если они появятся? Хотя, наверное, Йетс и Есилькова знают, как поступить.

В трубке раздался смешок.

– Кажется, твои друзья скоро превысят свои полномочия, и у них будут неприятности. Не со стороны обвиняемых, как ты их называешь, а со стороны влиятельных людей, которые за все платят.

– Но ты поможешь Йетсу и Есильковой?

– Естественно – ведь они, похоже, по уши завязли в этом деле. Если они оставят мне пространство для маневра, я могу гарантировать им анонимность, но ты должна разыскать их и все объяснить. Для этого ты мне и нужна – в качестве связной.

«Ах, я тебе нужна! Как трогательно. Романтично. Волнующе». Слова Маклеода почему-то взбесили ее, хотя Элла сама настаивала, чтобы он позволил ей принять участие в деле. Раз он согласился, он будет использовать ее с максимальной эффективностью – это ясно.

Пожалуй, Элла недооценила его хватку и проницательность. Он со всей серьезностью воспринял ее рассказ о Плате и искусственно выращиваемых вирусах.

Закончился разговор так:

– Я гарантирую тебе любую поддержку, какая в наших силах. Желаю удачи. Если бы я мог быстро вернуться на Луну, я попросил бы тебя повременить с этим делом, но я не могу.

Она ответила совершенно искренне:

– Тейлор, ты – чудо!

Он снова сухо усмехнулся и ответил:

– Да ты и сама чудо, доктор Брэдли. Задай им жару! Трупы можешь не считать, этим займутся мои люди.

Элла помнила: когда она повесила трубку, сердце билось очень быстро. Казалось, снова вернулись давно прошедшие дни, когда она работала в Северной Африке, а между добром и злом лежала неодолимая пропасть. Тогда она познакомилась с Тейлором.

И вот к чему это привело – она влезла в чужое жилище, как взломщик! Сравнение немного развеселило Эллу.

Тем не менее ей не следовало этого делать. Ей предстоит сразиться один на один со страшным и беспощадным врагом – это вам не содействие освобождению заключенных из южноафриканских тюрем, когда могло выручить американское гражданство или вмешательство посольства. Лучше бы Смит остался с ней. Теперь Элла понимала, почему отказалась от его помощи. Она просто не хотела, чтобы кто-нибудь – особенно человек Маклеода – узнал, что она укрыла от таможи наркотики правды и игольчатый станнер. Типично женская черта – не выносить сор из избы.

Когда она уже совсем было решила выбираться из квартиры и звонить Смигу, снаружи звякнули ключи.

Элла вжалась спиной в стену, крепко держа в потной руке станнер. Внезапно она вспомнила пропавших Йетса и Есилькову, невинных арабов, убитых этой женщиной для проверки. Ненависть волной захлестнула Эллу. Давно, когда она выполняла задание Корпуса Мира, она мечтала о всеобщем равенстве. Теперь она знала, что это невозможно. Невозможно из-за таких людей, как доктор Спенсер.

Это действительно была она, Элла узнала ее по голограмме, которую показывал Йетс. Она пришла одна.

Элла отступила от стены и произнесла:

– Молчите и не шевелитесь, я закрою дверь. Держите руки так, чтобы я могла их видеть. Вы должны немедленно сообщить мне, где находятся Йетс и Есилькова.

– А позвольте спросить: какого черта? – хрипло осведомилась Спенсер, резко поднося руку к шее.

Элла машинально нажала на спуск, и Кэтлин Спенсер с приглушенным криком упала на пол.

27. ЖЕСТОКАЯ ИГРА

Когда Сэм пришел в себя, он не сразу понял, что случилось. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ему было холодно. Посмотрев вниз, вдоль тела, он увидел, что на нем нет никакой одежды.

Потом он все вспомнил и рванулся, пытаясь разорвать путы, но вакуумная пленка только сильнее стянула кожу. Это было чертовски больно. Йетс закрыл глаза и досчитал до десяти, надеясь, что спит и сейчас проснется. Наверное, он напился вчера, буянил, и его бросили в каталажку – отсыпаться.

Но все происходило наяву. Когда он снова открыл глаза, то увидел перед собой обнаженное тело Есильковой. Он попытался окликнуть ее, но с онемевших губ сорвался лишь стон.

К Есильковой подошел человек, который их захватил. Йетс видел, как он водит ножом по нежной женской коже. Он попытался еще раз разорвать ленту, но тщетно – видно, его связывал настоящий мастер своего дела.

По телу Есильковой пробежала дрожь. Она тоже очнулась и пыталась вырваться. Африканер обладал большим опытом ведения допросов и своими методами мог сломить любого храбреца. Что уж говорить о женщине!

Йетс резко дернулся, стул под ним скрипнул. Есилькова взглянула на него, а африканер даже не обернулся. Он сильно ударил женщину по щеке тыльной стороной кисти. В лицо Йетсу бросилась краска, словно пощечину вlepили ему. Соня сдавленно вскрикнула, но тут же замолчала, крепко сжав губы. Она смотрела мимо африканера на Йетса.

– Ничего не говори ему, – сказал Сэм. – Он все равно убьет нас, иначе не был бы так жесток.

Де Кайпер снова ударил женщину и обернулся к Йетсу.

– Вы ошибаетесь, инспектор. Я отпущу вас обоих, как только вы мне все расскажете.

И направился к Сэму со шприцем-тюбиком в руке. Йетс почувствовал укол в бедро, стены комнаты завертелись, и он потерял сознание.

Очнувшись, Сэм услышал, как де Кайпер уговаривает Есилькову быть хорошей девочкой и начать отвечать на вопросы. Значит, она еще ничего не сказала.

«Теперь лучше закрыть глаза». Адреналин насытил его кровь, в висках отчаянно бился пульс. Сквозь полуприкрытые веки Йетс видел белое женское тело, корчившееся в бессильной попытке избежать разрядов электрошока, терзающих гениталии.

Да, Есилькова еще ничего не сказала, или африканер не удовлетворен ее ответом. Его больше всего интересовало, как они оказались на Звездном Девоне без официальных инструкций и документов. На что они вообще рассчитывали? Почему у Йетса одно лишь удостоверение визово-миграционного отдела? На кого они работают? На террористов? Или на какое-нибудь правительство? Африканер не собирался прекращать развлечение, пока хоть один из них не разговорится.

Йетс не мог больше этого выносить. Есилькова лишь слабо вскрикивала, когда ее ударило током. Только теперь Йетс заметил, что ее колени привязаны к ручкам кресла, как на осмотре у гинеколога, чтобы легче было прикладывать контакты электрошока к половым органам.

Он вдруг обнаружил, что выкрикивает какие-то бессвязные слова, ругательства, проклятья. Он не думал о себе – только бы остановить пытку!

У Йетса не было никаких иллюзий относительно их участи. Они просто исчезнут, сгинут, не оставив следа.

Де Кайпер наклонился над ним, держа в одной руке окровавленный нож, в другой – электрошок. Пришло время для нового развлечения. Йетс был готов рассказать все, но губы его оставались сжатыми. Жестокая усмешка словно приклеилась к лицу де Кайпера.

– Ну, что? Не хотите присоединиться к нашей вечеринке, инспектор? Конечно, хотите. Представляете, как будет здорово – соединить вас и Есилькову в одну... э-э... цепь. Какая-то часть вас, какая-то ее, это славно. Главное – чтобы вы оба были влажными.

Де Кайпер поигрывал электрошоком на уровне глаз Сэма, который, словно зачарованная змеей птица, не мог оторвать от него взгляда. Потом африканер медленно поднес электрошок к его гениталиям, и Йетс закричал:

– Нет! Я все скажу! Все!

Де Кайпер коротко хохотнул в ответ:

– Конечно, скажешь, но сначала мы проведем эксперимент, согласен? Чтобы тебе не пришлось в голову соврать.

Дьявольский прибор неотвратимо приближался, и Йетс отчаянно вжался в кресло. Все его тело пыталось спастись от «безумной боли. За спиной африканера рыдала Есилькова, но в тот момент Йетс не мог о ней думать.

28. ПОТАЙНОЙ ХОД

Теплая пластмассовая рукоятка станнера удобно лежала в руке. Простое и надежное

оружие: батареи, высокочастотный генератор, соленоиды и иглы.

Элла помнила страшную боль, когда иглы вонзились ей в спину – у нее мгновенно отнялись ноги. Она не могла не то что крикнуть, даже вздохнуть.

По спине пробежал холодок. Человек, выстреливший в нее, умер. Его товарищ погиб. И ее друзьям, которых она втянула в эту кошмарную историю, тоже грозит гибель.

Она вытянула руку с фонарем, освещая себе путь. Впереди дорогу преграждали какие-то толстые трубы, пришлось через них перелезть.

Внезапно она представила себе Соню Есилькову на мраморном столе: бородатый мужчина снимает у нее кожу с черепа, не обращая внимания на льющуюся кровь, а доктор Спенсер ощупывает петли кишок, вытянутых из распоротого живота.

Видение было ярко и вызывало какой-то сладкий ужас. Элла знала, что такое бывает даже с цивилизованными людьми, когда речь идет о соперничестве. Усилием воли она отогнала видение.

Нельзя об этом думать. Всю энергию – физическую и психическую – следует приберечь для передвижения по темным глубинам Звездного Девона, где гравитация выше, чем на Луне.

Она не могла себе представить, что ждет ее впереди. Оставалось только надеяться, что ей удастся не сбиться с дороги и найти лабораторию Спенсер. Она шла по секции номер 9, куда попала через дверь под платформой станции, открыв ее механическим ключом, помеченным «Зап.выход», который забрала у Спенсер.

Пройти какую-то сотню метров по трюму орбитальной станции оказалось в тысячу раз труднее, чем она предполагала. Огромные трубы не давали свернуть в сторону. Слева все было тихо, но справа через равные промежутки времени труба издавала протяжный вой. Очевидно, по ней с помощью сжатого воздуха транспортировали какие-то твердые материалы. Элла это прекрасно понимала, но все равно ей было жутко.

Она не могла не заметить лабораторию в таком туннеле. Подбадривая себя, Элла осторожно продвигалась дальше.

Поворот. Прямо в глаза ей ударил желтый луч фонаря. Элла инстинктивно выбросила вперед руку со станнером, который ударился обо что-то твердое. Хорошо еще, что не произошло выстрела.

Приступ парализующего страха прошел, и Элла поняла, что случилось. Свет ее собственного фонаря отразился от полированной алюминиево-пластиковой стены.

Труба справа снова взвыла. Поведя вокруг фонарем, Элла огляделась. Лампочка светила довольно тускло, едва разгоняя крошечную тьму. Видно было неважно. В стену уходило множество мелких труб, о которые она спотыкалась по дороге. Одна была окрашена в ярко-голубой цвет. Элла, разумеется, не знала, что это означает, но почувствовала, что от трубы тянет теплым свежим воздухом. Видимо, вентиль не был до конца затянут.

К стене была прикреплена дверная ручка. Элла даже не сразу поняла, что нашла потайной вход в лабораторию. Она схватилась за ручку и дернула. Дверь не шелухнулась.

Дура! Конечно же, должен быть замок или что-нибудь в этом роде. Посветив фонарем, она обнаружила небольшой засов пониже ручки. Элла как можно тише оттянула его и осторожно положила на пол фонарик, все время держа станнер стволом вверх. Нельзя забывать, что эта штука стреляет. Иначе она не только не спасет друзей, но и погибнет сама.

Прочитав короткую молитву, Элла толкнула дверь, и та с легким шуршанием поддалась. Де Кайпер был действительно мастер на все руки и отделал тайный ход как надо.

За дверью находилась освещенная комната. Элла, не колеблясь, сделала шаг вперед и на мгновение была ослеплена яркими лампами дневного света, вделанными в потолок.

Она чихнула.

– М-м-м! – ответил ей Сэм Йетс.

Элла вздрогнула и резко обернулась. Ствол станнера едва не уперся в грудь привязанного к стулу Сэма.

Де Кайпер упаковал его профессионально. Отдельным куском ленты он связал ему

лодыжки, отдельным – кисти и только потом примотал Сэма к стулу несколькими оборотами, захватив грудь и живот. Даже если бы Йетсу удалось оторваться от стула, он был бы все равно беспомощен. Подобным же образом была привязана к креслу для посетителей Соня Есилькова.

Дверь, ведущая в лабораторию, была открыта, и Элла рассмотрела за ней угол стола и компьютер. В лаборатории никого не было видно, но свет почему-то горел. Элла вошла в кабинет, не отрывая взгляда от открытой двери, и чуть не споткнулась.

Длинные ногти всегда доставляли ей неприятности, когда приходилось работать на компьютере, но сейчас они здорово помогли. Элла ловко поддела липкую ленту, закрывавшую рот Йетса, и быстрым движением отодрала ее, что причинило ему сильную, но кратковременную боль.

Только после этого она поняла, что случилось бы со ртом Йетса, если бы его заклеили не обыкновенной лентой, а грузовой, которой были связаны его руки и ноги. Грузовая лента не отклеивалась даже при многократных перегрузках, создаваемых беспилотными ракетами, следовательно, отирать ее можно было только вместе с кожей. Дальнейшая судьба пленников не интересовала де Кайпера, но ему нужно было, чтобы они заговорили.

– Он там, – прошептал Йетс, кивая на входную дверь. – Поджидает Спенсер, чтобы впустить ее.

– Она не придет, – мрачно сказала Элла, рассматривая спеленутые ноги Йетса.

Кто бы мог подумать, что придется распутывать не веревки, а ленту. Хорошо еще, что она захватила выкидной нож! Кнопка на рукоятке ножа поддавалась плохо, к тому же Элле приходилось действовать указательным пальцем левой руки, поскольку в правой был станнер. Лезвие выскочило неожиданно, щелчком, едва не вонзившись ей в ладонь.

– Руки, – прошептал Йетс, но Элла вместо этого принялась за ленту, привязывающую его к стулу.

Йетс неловко встал и, не глядя на одежду, которую аккуратный африканер сложил на столе, требовательно вытянул вперед руки.

– Давай, режь скорей! – яростно зашипел он.

– М-м-м! – замычала Есилькова, сидевшая лицом к двери.

Де Кайпер испугался даже больше, чем Элла. Она-то, по крайней мере, знала, что он может войти. Но африканер был лучше подготовлен ко всяким неожиданностям. После секундного замешательства он бросился на нее.

Элла растерялась. В одной руке у нее был открытый нож, но она даже не вспомнила о нем, в другой станнер, который никак не хотел стрелять.

Есилькова оттолкнулась от стола ногами, насколько позволяли путы. Этого усилия оказалось достаточно, чтобы врезаться плечом в живот несущемуся навстречу африканеру.

– Стреляй! Стреляй! – вопил Йетс, отчаянно дергаясь и пытаясь высвободить руки.

Элла, как замороженная, смотрела на станнер. Время остановилось. Звуки исчезли. Она медленно-медленно нажала на спуск. Оружие выстрелило, и наваждение исчезло.

Есилькова сумела-таки сбить африканера с ног. У стола образовалась куча мала. Долго это, конечно, продолжаться не могло. Де Кайпер отшвырнул Есилькову и заученным движением выхватил нож.

В этот момент Элла выстрелила снова. Одна игла попала африканеру в ухо. Он сделал выпад в сторону Есильковой, но его уже скрутила судорога, и нож вонзился в пластиковую спинку стула. Де Кайпер упал, не сумев смягчить падение руками, словно нокаутированный боксер.

Он был оглушен, но не парализован. Одной иглы, вонзившейся в ушной хрящ, где нервных окончаний немного, оказалось недостаточно.

Элла выстрелила снова. Мимо. Йетс не мог прийти ей на помощь со спутанными ногами. Он едва стоял, неуклюже опираясь на крышку стола.

– Стреляй же!

Подняв станнер обеими руками, Элла послала облачко игл напрямик в стенной шкаф.

Де Кайпер полуослеп от боли, разрывавшей голову сбоку, но ему уже приходилось испытывать на себе действие станнеров, и он знал, что через пятнадцать – двадцать секунд боль отпустит.

Нужно было выиграть время. Приходилось отступать даже перед таким стрелком, как эта женщина с бледным перекошенным лицом. Он выбежал из кабинета в лабораторию.

Есилькова попыталась поставить ему подножку, но неудачно. Элла выстрелила африканеру вслед, целясь в поясницу. Именно так Стикс парализовал ее саму во время похищения.

Африканер вскрикнул и метнулся в сторону. Иглы, вонзившиеся в кожу около спинного мозга, должны были подействовать.

– Есть! – завопил Йетс и упал животом на стол, протягивая вперед руки. – Режь ленту! Быстрее!

Элла вспомнила, что выронила нож, когда стреляла второй раз, но, к счастью, он валялся неподалеку. Из лаборатории доносились звон стекла и дикие крики де Кайпера.

Внезапно Элла полностью успокоилась. Мозг работал четко. Она решила, что гораздо эффективнее освободить умеющего стрелять Йетса, чем продолжать пальбу самой. Аккуратно положив станнер возле себя на стол, она взяла нож в правую руку и принялась быстро пилить ленту. Лезвие резало с противным скрипом.

– Держи, – прохрипела Элла, вкладывая Йетсу в руку станнер. – Но не шевелись, пока я не освобожу тебе ноги. Голый Йетс стоял в нелепой позе со станнером в руке, по-прежнему опираясь на стол.

– Готово!

Сэм сделал неуверенный шаг в сторону, а Элла бросилась освобождать Есилькову.

В этот момент в дверях появился африканер, прикрываясь, как щитом, пластиковой столешницей. Йетс выстрелил. Иглы вонзились в пластик, но, должно быть, это испугало де Кайпера, и он нажал на спуск плазменного излучателя на секунду раньше, чем требовалось. Поток плазмы, пролетев мимо Сэма, ударил в стену. Огненное облако обожгло голое тело Йетса, незажившие ожоги отзывались острой болью. Элла двигалась как во сне, не обращая внимания на происходящее. Стол защитил ее и Есилькову от раскаленных паров металла. Нож даже не дрогнул в ее руке, она продолжала пилить и резать. Ноги Есильковой уже были освобождены – осталось разрезать ленту на руках. Тут Есилькова, изогнувшись, пнула дверь ногой и захлопнула ее. Следующий выстрел из излучателя дверь полностью приняла на себя. Наружный слой титана, из которого она была сделана, испарился, но внутренний выдержал, лишь покоробившись, словно кто-то ударил по нему кувалдой.

После первого выстрела Йетс инстинктивно бросился на пол. Пары металла осели на окружающих предметах красивыми блестками.

Плазменные излучатели с некоторых пор пугали Йетса, но особенно опасно было это оружие в руках африканера, который знал, как с ним обращаться. В де Кайпера попала пара игл. Судя по тому, как он двигался, ноги его были частично парализованы. И, несмотря на это, похоже, он собирался изжарить их живьем.

Есилькова торопливо перерезала последние витки ленты. Элла потянулась к какому-то предмету, лежавшему у стены.

– Немедленно пригнись! – зашипел на нее Йетс.

Титановый лист раскалился добела, от него исходил невыносимый жар. Ясно было, что металл не выдержит следующего выстрела.

Плазма ударила в дальнюю стену – туда, где была потайная дверь. Йетс выстрелил наугад и закричал:

– Бегите!

Половина двери исчезла, часть стены тоже. На полу вспыхнул ковер. В кабинете стало трудно дышать из-за раскаленного воздуха и удушливых газов от сгоревшего пластика.

Сквозь плотные клубы дыма Йетс чудом разглядел блеск вороненого ствола излучателя и выстрелил, целясь немного правее. Это были три последние иглы, оставшиеся в магазине

станнера.

Он слишком поспешил. Можно было выждать секунду и прицелиться получше. Теперь оставалось только одно – бежать. Спасать свою голую шкуру.

– Бегите! – его голос сорвался на визг. Он сам подал пример, рванувшись к потайной двери. Элла замешкалась у письменного стола Спенсер, собирая одежду. Следующий выстрел сжег кондиционер. В стене образовалась дымящаяся дыра с неровными краями. Внутри оказалось табло с ярко-красной цифрой» 30»и кнопка под стеклянным колпачком.

– Смотрите! – воскликнула Есилькова, просовывая руку в отверстие.

Сэм схватил Эллу и толкнул ее в туннель потайного хода. Отбросив бесполезный станнер, он попытался проделать то же с Есильковой, но она увернулась, ударила кулаком по колпачку, разбила его и нажала кнопку. Цифры мигнули, на табло начался обратный отсчет – 29, 28...

Йетс бешено дернул Есилькову за руку, втянул ее в темный проход и заставил бежать. Завернув через сотню метров за угол, он грубо бросил обеих женщин на пол. Позади них кабинет осветился еще одной ослепительной вспышкой. Потом стало темно. И тихо. Элла, недовольно освободив плечо от сжимающей его руки Йетса, сказала:

– У меня ваша одеж...

– Нет, потом, надо бежать, – перебила ее Есилькова, которая уже успела освободить рот от ленты. – Я запустила самоликвидатор, сейчас будет взрыв.

– Но...

Горячая волна воздуха бросила их на пол. Снова вспышка – на этот раз багрово-красная. Оглушающий звук взрыва наполнил туннель.

Согласно инструкции, Жан де Кайпер должен был не только избавиться от Спенсер, но и уничтожить все лабораторное оборудование, записи и культуры вирусов, как только препарат окажется в распоряжении членов Клуба. Теперь никто не мог бы сказать, что он не выполнил второй части задания.

Мины направленного действия, заложенные в стенах, взорвались одновременно, превратив лабораторию в облако раскаленного газа. Мощный взрыв пробил перекрытие, опалил и оглушил беглецов, несмотря на то что они находились довольно далеко.

– Господи! – только и смог произнести Йетс.

Элла едва расслышала его сквозь звон в ушах. Сглотнув, она сказала:

– Одевайтесь. Вот ваши вещи. Надо уходить.

В туннеле уже не было так темно: свет проникал через развороченную крышу. Воняло горелым пластиком.

– Господи! – повторил Сэм, натягивая брюки поверх обрезков ленты, плотно приклеившихся к коже.

Элла почувствовала дурноту. Ей казалось, что воздух пропитан запахом сожженной плоти Жана де Кайпера.

29. ЕСЛИ МНЕ ПОМОГУТ ДРУЗЬЯ

– Господи! – в третий раз произнес Йетс. Голос его дрожал.

Они быстрым шагом, не придерживаясь какого-либо определенного направления, уходили прочь от места взрыва. Есилькова на скорую руку склеила разрез на своих брюках куском ленты.

Элла не стала спрашивать, почему брюки лейтенантши дошли до такого состояния, – вид Есильковой говорил сам за себя. Она лишь сказала Сэму:

– У меня здесь есть друг, вернее, это друг Тейлора, который поможет нам, даст чистую одежду и не будет задавать никаких вопросов.

Йетс остановился и посмотрел на нее, вытирая пот со лба.

– Только этого нам не хватало – твоих друзей. Кто такой этот Тейлор, черт бы его побрал?

– Это ее приятель – Тейлор Маклеод, – встряла Есилькова, бросив на Брэдди неприязненный взгляд.

– Ну и что? Помощь нам нужна. Мы даже не знаем, куда идем. Как нам теперь найти Спенсер?

– Не поручусь за тебя, дорогая, но я знаю, куда мы идем и где Спенсер, – свысока бросила Есилькова, надуваясь от гордости.

– Послушай, Сэм, – жалобно сказала Элла. – Маклеод специально выделил нам человека, к которому всегда можно обратиться. Пожалуйста...

– Давай отложим это, – перебил ее Йетс и повернулся к Есильковой: – Ну как, Соня? Сделаешь это?

Элла не знала, о чем они говорят, но их лица были очень серьезны.

– Все в порядке, Сэм. Не трусь. Встретимся на Луне, когда все будет кончено. Но я не хочу, чтобы ее друзья-чистюли путались у меня под ногами.

– Элла, скажи честно, это не ты навела на нас африканера?

– Нет, честное слово. – Но почему она должна оправдываться? В конце концов, они обязаны ей жизнью.

Йетс моментально забыл о ней и снова заговорил с Есильковой:

– Что ты хотела сказать, Соня?

– Я хотела сказать: «Не беспокойся, все будет хорошо».

Элла отвернулась, ей не хотелось видеть, как эти двое обнимаются. Ее лицо запылало. Что происходит? Она едва не погибла в ужасном взрыве, может быть, впереди снова поджидает опасность, а ее больше всего интересует, поцелует Йетс эту славянскую корову или нет.

Элла так этого и не узнала. Когда она повернулась, Есилькова уже уверенно шагала дальше по коридору. Видимо, она действительно знала, куда идти.

Йетс сказал:

– Давай-ка поговорим о «друге» Маклеода. Кто он? Что ему известно? Что известно Маклеоду?

Его голос звучал так грозно, что Элла не выдержала.

– Сэм Йетс, – сказала она, всхлипывая, – как вы смеее так разговаривать со мной? Тейлор только хотел узнать, кто платит за создание вируса. Он не вмешивается в ваши дела. Вы убиваете людей и взрываете лаборатории, а я виновата. Вам не обойтись без человека, который исправил бы ваши ошибки!

– Так я и знал. Ты мыслишь по-обывательски. Ничего удивительного. Ладно, мы возвращаемся на Луну. Надеюсь, об этом не пронюхает твой дружок, как его там?

– Пек Смит.

– Наверное, лучше называть его лорд Пек Смит или, по крайней мере, сэр Пек.

Он грубо схватил ее за руку и потащил по коридору в ту сторону, куда ушла Есилькова.

Элла внезапно вспомнила, что произошло со Спенсер.

– Куда пошла Есилькова? К Спенсер? Этого нельзя было делать. Я устроила засаду в ее квартире и угрожала ей станнером.

– Ты? – рассмеялся Йетс, потом мрачно сказал: – Мы не можем рисковать и позволить Спенсер узнать, каким рейсом мы отправляемся. Это было бы самоубийством.

Они завернули за угол и вышли к лифту. На стене висела карта с красной стрелкой и надписью: «ВЫ НАХОДИТЕСЬ ЗДЕСЬ».

– Ты так и не ответила мне, что известно Смиу, – напомнил Йетс, нажимая кнопку вызова.

– А ты не ответил мне насчет Спенсер. Счет равный.

– Хорошо. – От голоса Йетса по коже пробежали мурашки. – Можешь позвонить своему другу и сказать, чтобы он заказал нам билеты на ближайший рейс и обеспечил свободное прохождение Есильковой. Или ваша дружба не простирается так далеко?

Элле снова стало страшно.

– Теперь я поняла, что вы задумали. Есилькова должна убить Спенсер, а мы должны помочь ей в этом, так?

– Да, примерно так. Возможно, потребуется обеспечить ей что-то вроде дипломатического иммунитета. Но это в крайнем случае. Ведь ваш Пек как раз и должен исправлять наши ошибки, не так ли?

«Но он не должен покрывать хладнокровное убийство». Она не смогла произнести это вслух.

– Я позвоню ему и скажу, что лейтенант Есилькова не должна подвергаться аресту и обыску ни при каких обстоятельствах. Больше я ничего делать не буду.

Это называется соучастием в убийстве, кажется. Тейлор никогда бы так не поступил.

Она позвонила, когда они прибыли в космопорт. Там почти никого не было: люди уже знали о взрыве в лаборатории и предпочитали сидеть дома, боясь повторных террористических актов. Они опасались за свою жизнь.

Элле тоже надо было опасаться. Сэм Йетс представлял для нее не меньшую угрозу, чем де Кайпер со своим плазменным излучателем.

30. КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ

Карел Преториус в самом прескверном расположении духа шел к Кэтлин Спенсер.

Он уже знал, что случилось с ее лабораторией. О взрыве все только и говорили – в космопорте, на таможне, в транспорте. Всюду на глаза попадались сотрудники Безопасности, многие особо осторожные обыватели носили огнеупорные костюмы и таскали за собой аварийные респираторы. Как будто маска, натянутая на нос, может спасти от утечки воздуха!

Преториус шел очень быстро. Ему предстояло выполнить важнейшую задачу – забрать из квартиры Спенсер вирус – настоящий вирус, а не опытный слабенький образец, предназначенный для арабов. Большинство негров являются носителями гена серповидноклеточной анемии. Новый вирус будет размножаться в организме тех, у кого есть этот ген.

Африка должна быть очищена от черных. И ничто, никакая сила на свете не предотвратит этого. Преториус не знал истинной причины взрыва. Он предполагал, что Спенсер запаниковала и попыталась замести следы. Если это так, она должна быть немедленно ликвидирована.

«Рано или поздно ее пришлось бы убить», – подумал африканер, стучась в квартиру Спенсер.

Ему открыл невысокий мужчина в синем лабораторном халате. Он с удивлением посмотрел на Преториуса.

– Что вам нужно?

Тот молча оттолкнул его и вошел. В комнате царил беспорядок. Спенсер лежала на диване. Нос ее распух и покраснел, на лице – струйка запекшейся крови.

За спиной Преториуса захлопнулась дверь, но он не обратил на это внимания. Его взгляд был прикован к обрывкам одежды. Такие обрывки остаются после того, как от ткани отдирают грузовую липкую ленту...

Человек в синем халате схватил Преториуса за плечо:

– Какого черта вы тут делаете?

В руке у него был пистолет, стреляющий пулями. Такие пули не ранили – они убивали наповал.

Африканер, поняв, что попался, попытался спасти положение.

– Я – деловой партнер Кэтлин, – улыбаясь, сказал он.

– Ага, значит, партнер.

– Именно так, – не переставая улыбаться, ответил Преториус и опустил руку в жилетный карман. Он выстрелил, не вынимая пластикового револьвера. Это оружие было запрещено международной конвенцией, так как не могло быть обнаружено обычной аппаратурой, используемой Службой Безопасности в космопортах.

Выстрел прозвучал как негромкий хлопок. Невысокий человек схватился за живот и осел на пол.

Преториус даже не потрудился убедиться, что тот мертв. Без малейшей паузы, словно ничего не случилось, он спросил Спенсер:

– Надеюсь, План не пострадал из-за того, что произошло в лаборатории?

Спенсер с трудом приподнялась на локте, прижимая к носу окровавленный носовой платок, и принялась кричать:

– План! Какой план? Все кончено, ты, глупый расист! Плана вашего больше нет! Не знаешь разве, что лаборатория взлетела на воздух? Не понимаешь, что это значит?

Преториусу быстро надоело ее слушать. Он пристрелил ее тем же способом – не вынимая револьвера из кармана – и направился к двери.

Дверь была распахнута. Преториус не слышал, когда ее открыли. На пороге стояли двое: светловолосая женщина в форме офицера Службы Безопасности и мужчина в элегантном деловом костюме. Судя по выражению их лиц, они видели последнее убийство.

Преториус растерялся, встретившись лицом к лицу с двумя новыми врагами, и машинально полез в карман за револьвером. Это было ошибкой.

Женщина сказала:

– Кажется, мы видели достаточно, мистер Смит. Теперь мой ход. – И выхватила полицейский пистолет из руки мужчины...

Преториус дергал револьвер, который зацепился курком за край кармана, когда пуля разнесла ему лоб. Последним предсмертным движением он все-таки нажал на спуск своего оружия, направленного дулом вниз. Пуля оторвала ему ступню, но Карел Преториус этого не почувствовал. Он был уже мертв.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

31. СПИСОК ПРЕТОРИУСА

– А потом старик Пек и говорит мне, что не возражает, если я возьму оригинал, потому что у него есть копия списка Преториуса и он уже отправил ее на Землю. – Есилькова с усмешкой тряхнула головой, усаживаясь на стул перед голотанком в кабинете Йетса. – Мне пришлось согласиться, после того как она, – тут лейтенантша посмотрела на Эллу, – втянула ЦРУ в наше дело.

Йетс невольно тоже взглянул на нее и сказал Есильковой:

– Зря ты так, Соня. Готов поспорить, ты была рада, когда он одолжил тебе пистолет, а потом помог с билетом.

Звучало это благородно, но Йетс сам не верил в то, что говорил. Элла здорово осложнила дело, втянув в него своих приятелей. По крайней мере, они с Есильковой так думали.

Брэдли, конечно, знала это. Она сидела, опустив голову, и легонько постукивала пальцами по поверхности стола. Всю обратную дорогу она молчала.

Это начинало действовать на нервы. Ему уже хотелось, чтобы она произнесла хоть слово, начала защищать себя или своих друзей, ответила бы что-нибудь Есильковой.

«Может быть, происшедшее в лаборатории явилось для нее слишком большим потрясением. Или это из-за того, что сделали со Спенсер...» Любой бы на ее месте сломался. И надо признать, приятель Эллы действительно помог. Правда, теперь у Маклеода есть досье на него и на Есилькову и они взяты под колпак.

Что бы там ни было, Элла не виновата. Она хотела как лучше и действовала так, как считала правильным.

Но Есилькова не желала этого признавать.

– Так вот, насчет этой проклятой копии и вообще всего, – нарушила она затянувшееся молчание. – Я хотела бы, чтобы наша уважаемая мисс Влиятельные Друзья позвонила

своему приятелю и попросила его не устранять нас. Хотя бы недельку дали пожить.

– Видимо, что-то в словах Смита вы поняли неправильно, лейтенант, – безжизненным голосом ответила Брэдли. – Маклеод не собирается ни возвращаться назад на Луну, – он сам оставил для меня сообщение на автоответчике, – ни посылать сюда кого бы то ни было. Вы делаете совершенно ложные выводы.

– Какие такие выводы? – Есилькова явно была готова затеять новую склоку.

– А я считаю, что их организация не будет вмешиваться, – поспешно перебил ее Йетс. – Они, наоборот, будут счастливы свалить всю черновую работу на нас. Они не станут нам помогать до тех пор, пока Элла не попросит их об этом. Ведь так, Элла?

– Да. – Брэдли слегка оживилась и подняла голову. – Они хотели бы, чтобы вы вообще забыли об их участии в этом деле.

Есилькова положила ногу на ногу и заявила:

– Раз они так просят... – она сделала подобострастное лицо, – мы не можем отказать.

– Соня, немедленно прекрати, – снова вмешался Йетс, хлопнув ладонью по столу. – Лучше покажи нам этот список, из-за которого ты так шумишь.

Насколько Йетсу было известно, ЦРУ редко позволяло посторонним иметь на руках документы, представляющие ценность для разведки. Удивительно, что Смит отдал Есильковой список.

Кажется, если бы не Элла, ни ему, ни Есильковой не удалось бы выбраться со Звездного Девона живыми.

Он с новым интересом посмотрел на нее, но ничего особенного не заметил. Обыкновенная женщина, на лице усталость и безразличие. Последний раз он видел ее такой, когда они возвращались на Луну. Зря Есилькова так к ней придирается.

Лейтенантша вытащила из кармана сложенный вчетверо листок, который они со Смитом нашли в кармане Преториуса, когда обыскивали труп, и передала его через стол. Йетс внезапно вспомнил, как она сидела, примотанная к стулу, а де Кайпер в это время...

Йетс поскреб рукой подбородок, прежде чем принялся за чтение. Есилькова явно гордилась, что раздобыла эту бумагу. Это и неудивительно! Сколько им пришлось потрудиться, и как все-таки повезло. Если бы в кармане Преториуса не оказалось этого списка, расследование после выстрела Есильковой зашло бы в тупик.

Его беспокоило только одно – почему Смит не остановил ее? Ведь он знал, что Преториус – единственный оставшийся в живых свидетель.

На этот вопрос ответа не было. Вообще дело очень запутано. По правде говоря, все они трое должны быть мертвы. Или Маклеод предпочел о них забыть?

Люди Маклеода, очевидно, знали о Клубе довольно давно, но у них не было доказательств его преступной деятельности. И вот двое офицеров Безопасности совершенно неожиданно добывают нужные данные, оставаясь в неведении, для чего используют их информацию.

Или Маклеод ради Эллы пошел на нарушение правил конспирации? Такое случается довольно часто, Йетс знал тому немало примеров.

Он развернул бумагу Есильковой. Это был оригинал, весь в жирных пятнах и потертый на сгибах. Йетс начал читать и не поверил своим глазам. Похоже, он недооценивал Смита, и Эллу, и того парня, которому так и не вернул костюм.

– Тут только игроки высшей лиги, – прошептал он.

– Я в курсе, – коротко отозвалась Есилькова.

Наступила тишина.

– Можно мне посмотреть? – негромко спросила Элла.

Йетс не помнил, как вскочил на ноги и начал нервно расхаживать по тесному кабинету. Слова Эллы и голотанк, о который он ударился локтем, привели его в чувство.

– Да, посмотри, конечно.

– Они будут присылать цветочки на наши могилы. Или сошлют на самый дальний астероид. – Есилькова криво улыбнулась.

Брэдли было неудобно обходить стол, поэтому Йетс зачитал список вслух. Если кабинет прослушивался, то они и так уже сказали достаточно, чтобы быть убитыми немедленно. Йетсу хотелось услышать, как звучат имена, которые казались нереальными, мифическими.

– Это список тех, – пояснил он для Эллы на всякий случай, – кто, по мнению Преториуса, состоял в Клубе и на кого он работал. Вот, например: «НЕСОМНЕННО: аль-Фахд; ВЕРОЯТНО: Блейк, Ли, Хейдиггер, НЕИЗВЕСТНЫЕ: одиннадцать??»- с двумя знаками вопроса. Здорово, а?

Элла посмотрела ему в глаза и сказала:

– Тейлор так и говорил, что вы будете поражены, когда узнаете, кто за всем стоял. Что я могу для вас сделать?

– Ради Бога! Не надо ничего делать! – простила Есилькова. – Ты и так сделала слишком много.

Элла даже головы не повернула в ее сторону, продолжая смотреть на Йетса. Он сказал:

– Надо проверить список. Если вирус собирались применить на Земле, они обязательно покинут ее на время, опасаясь за свои шкуры. Они же пока не знают, что План провалился. Или мы не знаем, что у них есть запасная лаборатория, запасные Спенсер, де Кайпер и Преториус. И запасной вирус, конечно.

– Господи! – ахнула Есилькова.

– Верно! – воскликнула Брэдли. – Давайте проверим, не собираются ли они улететь с Земли. Вот, например, скоро будет празднование годовщины ООН...

Йетс, потрясенный, уставился на нее. Он никогда не думал, что женщина может быть такой умной, проницательной... Он на секунду прикрыл глаза, вспоминая ночь, проведенную в ее квартире.

Элла снова принялась постукивать пальцами по столу, рассеянно поглядывая по сторонам.

Великолепная догадка. Следует проверить списки прибывающих на Луну. Мог бы и сам догадаться, тупица!

Как бы он хотел знать, что Тейлор наговорил ей на автоответчик!

Он сложил бумагу по старым сгибам. Есилькова поднялась и сказала, обращаясь к Йетсу:

– Кажется, проверка прибывающих – прямая функция твоего отдела. Что же ты сидишь?

32. КЛУБ НА ПРОГУЛКЕ

Махавишту позвонил Сакаи, потом они вместе позвонили Хейдиггеру, тот в свою очередь позвонил мадам Плейал, вице-секретарю, остальные двое слушали разговор по конференц-линии:

– Двадцатая годовщина ООН на Луне должна быть отмечена отличным обедом, мадам. Посторонних не будет, только пятнадцать членов Клуба. Аль-Фахд пригласил нас всех – за свой счет, разумеется, – в лучший французский ресторан на Луне... «Мулен Руж». Вы согласны присоединиться к нам?

– Прекрасное предложение, Хейдиггер, – радостно ответила мадам Плейал. – Поблагодарите аль-Фахда от меня. Договоримся на восемь в понедельник, хорошо? – И она повесила трубку.

Все трое облегченно вздохнули. Они не могли назначить встречу раньше – это было бы небезопасно. Итак, одно дело сделано, но оставалось еще множество других.

Пятнадцать членов Клуба представляли пятнадцать различных стран, программа их пребывания на Луне, соответственно, была связана с пятнадцатью миссиями, поэтому каждому приходилось самостоятельно изыскивать возможность посетить ресторан в день применения вируса на Земле.

Все было готово, иначе Преториус, их агент, позвонил бы и предупредил о неувязках. Они паковали свои вещи с расчетом на долгое путешествие.

Они брали с собой бриллианты, золотые монеты и ценные бумаги, – все, что может понадобиться, когда они вернутся на Землю. Вирус сделает свое дело.

– Я не верю, что у этих гадов есть нервы, – ворчала Есилькова. Она сидела в кабинете Йетса, развалившись сразу на двух стульях, и нервно вертела ручку в пальцах.

Брэдли ушла домой – «залезть в душ», как она выразилась.

Есилькова вопросительно посмотрела на Йетса. Он помнил этот взгляд. Так она смотрела на него в ресторане в тот страшный вечер, когда ей нужна была помощь, поддержка, а гордость не позволяла прямо попросить об этом... Они только что узнали, что мадам Плейал и четырнадцать ее «друзей» приказали снять с дверей «Мулен Руж» печати Службы Безопасности. За этим поступком угадывались жестокость и цинизм.

– Значит, именно ты должна снять печати и открыть ресторан, потому что вела дело? – проговорил Йетс.

– Угу, – с наигранным равнодушием ответила Есилькова, закидывая ногу в военном ботинке на стол. Она была рада, что он спросил. Определенно рада. – Видимо, у этой своры луженые желудки. Мне бы там кусок в горло не полез.

– Это лишний раз подтверждает наши предположения – нормальные люди выбрали бы для встречи другой ресторан, а мадам Плейал позволяет себе делать все, что ей заблагорассудится. Только тот, кто знает, что вирус уже не опасен, может осмелиться поужинать там...

– Не забывай, что на Луне не так уж много ресторанов, которые годились бы для приема пятнадцати столь важных шишек. Вдруг это просто совпадение?

Сэм понимал, что она не договаривает: это означало конец ее карьеры, и его тоже. Может, только Элла Брэдли выйдет сухой из воды...

Интересно, как это будет выглядеть... «Позвольте побеспокоить вас, мадам Плейал, но вы арестованы. Обвинение – участие в заговоре...»

Смешно? Смешно. Ни он, ни Есилькова не имеют права и не должны были вмешиваться в это дело. На Звездном Девоне им был преподан отличный урок. Если бы не Смит, Соня могла бы вернуться оттуда в черном пластиковом мешке (естественно, она не признается в этом даже на смертном одре). Или оба бы сидели за решеткой, в лапах у властей орбитальной станции, от которых длинная цепочка привела бы к мадам Плейал и ее приятелям. К Клубу.

Есилькова просто-напросто боялась. И хотела, чтобы Йетс еще раз подтвердил, что они не ошиблись. Но он молчал, мрачно уставясь в стену. На него было страшно смотреть. Прошло несколько минут.

Есильковой надоело ждать, пока Йетс ответит. Она решительно встала, собираясь уходить и словно говоря: «Молчишь? Ну и черт с тобой!»

Йетс тоже поднялся и шагнул к ней. Соня замерла в ожидании. Но он не коснулся ее, а только сказал:

– Я думаю, ты должна открыть для них ресторан. Мы вместе – ты и я – подготовим им такой прием, какого они заслуживают.

– Да ну? – В ее голосе еще звучала обида.

– Мы провернем все так, – продолжал Йетс, – что ребята Маклеода не смогут ничего нам пришить. Досье, заведенные на нас из-за Брэдли, исчезнут.

Есилькова, как ни в чем не бывало, уселась на край стола и весело произнесла:

– Какой умный мальчик! А теперь расскажи тете, как это сделать.

Йетс криво улыбнулся.

– Ты ведь знаешь, я не доверяю коллегам, которые работают со мной. Когда Брэдли сказала насчет душа, я вспомнил, что всегда хотел увидеть тебя в ванне. Пойдем включим воду, она будет громко шуметь, и никто не сможет подслушать, о чем мы говорим.

– Вы убедили меня, инспектор, – важно ответила Есилькова. – Соглашаюсь

исключительно из соображений безопасности. В какой душ пойдем – в ваш или в мой?

Йетс рассмеялся.

– Это не так уж важно для безопасности, но я предлагаю свой.

Он протянул ей руку и помог встать, хотя это и не требовалось. Снисходительным кивком головы Есилькова поблагодарила за проявленное джентльменство.

Рука Сэма переместилась к ней на талию. Лейтенантша нежно проворковала:

– Ты такой милый, что я хотела бы подарить тебе кое-что. Сувенирчик с Девона. Маленький, нетяжелый, думаю, на нас двоих хватит. Надо только решить, как мы его используем.

Йетс развернул ее к себе лицом. Он больше не улыбался.

– О чем ты говоришь, Соня?

– Об украшении, которое я сняла со Спенсер. Де Кайпер о нем говорил, это точно. Внутри вирус, понимаешь?

И она достала из кармана хрустальный флакон, который висел раньше на шейной цепочке Спенсер.

33. УСЛУГА

Сэм здорово нервничал, когда говорил по телефону с инспектором системы жизнеобеспечения. Этот инспектор тоже был африканером, но не обязательно же каждый африканер на Луне участвовал в Плане.

Однако проверить было необходимо. Разговор он начал так:

– Инспектор, я от Карела Преториуса.

Он ожидал, что голос на другом конце провода ответит что-нибудь вроде: «От кого?» или «Кто это такой?», но африканер сказал:

– Понимаю.

И замолчал, ожидая продолжения. Хорошо, что это был разговор по телефону, а не с глазу на глаз! Йетс не очень представлял, что говорить дальше, а засыпаться было нельзя. Этот человек действительно участвовал в Плане.

Встретаться Сэм не рискнул, потому что его собеседник мог принимать участие в похищении Брэдли и запомнить его.

Наконец Йетс сказал:

– Вы должны забрать пакет из транзитной комнаты отдыха. Номер триста девяносто девять. То, что найдете внутри, нужно присоединить к системе вентиляции «Мулен Руж». В пакете будут также диаграмма и схема. Эту работу должен был выполнить ван Рун, но... – Тут его голос упал.

Йетс опасался вопросов, и, как оказалось, не зря.

Африканер спросил:

– А когда это должно быть сделано? Это опасно? Разве ресторан не опечатан? Оплата двойная, согласны? Деньги через двадцать четыре часа, обычным способом.

На эти вопросы Йетс мог ответить. На все, кроме последнего. Но он не собирался торговаться с африканером. И уж вовсе не собирался платить ему. Спустя двадцать минут после того, как работа будет выполнена, инспектора арестует патруль по какому-нибудь пустяковому обвинению. Объяснив африканеру все, что требовалось, Йетс повесил трубку. Слава Богу, вроде обошлось без накладок.

Сэм перевел дух. Сердце бешено колотилось. Африканер стал не просто оружием в их руках – он стал подсадной уткой. Когда все будет кончено, именно он будет считаться единственным исполнителем, и если люди Маклеода решат, что дело требует секретности, устранят, конечно, его.

Он пытался объяснить это Брэдли – когда в дело замешана разведка, нельзя доверять таким, как Маклеод, только потому, что он считается другом.

Она рассмеялась ему в лицо.

Ну что ж! В конце концов, Есилькова с ним согласна.

34. «МУЛЕН РУЖ»

Одетая в форму патрульной, Элла Брэдли стояла с Есильковой и Йетсом в коридоре, ведущем в ресторан.

«Прятаться надо на самом видном месте». Теперь Элла убедилась, что Йетс был совершенно прав. В толпе частных охранников и сотрудников Безопасности они совершенно не выделялись. Часть пейзажа, так сказать. Коллеги Есильковой прикрывали их.

Утром Соня сказала:

– Там будет куча саудовских наемников с именными станнерами.

Ее слова оказались пророческими.

Охранников было пруд пруди. Некоторые пришли очень рано, чтобы проверить, как идут приготовления, посмотреть, нет ли подслушивающей аппаратуры, взрывчатки, лежат ли на столах серебряные обеденные приборы.

Есилькова с ног сбилась с этими приготовлениями. Ни одна мелочь не должна была вызвать подозрение, которое могло повлечь за собой более тщательный обыск.

Есилькова устроила для них троих что-то вроде штаба в маленькой комнатке с табличкой на двери: «Посторонним вход воспрещен. Система жизнеобеспечения». Внутри они спрятали мониторы и подслушивающие устройства, которые никто не сможет обнаружить, потому что их включают только тогда, когда члены Клуба войдут в ресторан, а вся охрана останется снаружи.

Есилькова оказалась в центре внимания. По званию она была самым старшим офицером. Частные охранники должны были взаимодействовать с ней. Они подходили, шептали что-то, пожимали руку, показывали оружие и документы. Им не нужны были никакие неприятности с местными властями.

Неприятности никому не были нужны, в том числе и Есильковой. Йетс шепнул Элле:

– Расслабься. Ты выглядишь так, как будто ждешь, что вот-вот обрушится крыша. Все эти люди исчезнут, когда появятся питбули.

– Питбули?

– Ну, личные телохранители. Эти – просто мелкая сошка. Они убедились, что взрывов не должно быть, и теперь уйдут. По крайней мере, перейдут в соседний коридор, там для них приготовлена комната отдыха. Теперь появятся настоящие охранники... те, что спят на коврикe возле постели Плейал, и им подобные.

– Но для чего это?

– Все. Больше никаких вопросов. – Йетс выглядел очень внушительно в униформе Службы Безопасности. – Просто наблюдай. Увидишь, что я прав.

Элла последовала его совету и скоро заметила, что толпа в коридоре действительно начала редеть.

Потом – как Моисей, раздвинувший воды, – сквозь нее прошел первый член Клуба – генерал НАТО Хейдиггер. По бокам шли телохранители – высокие парни с холодными внимательными глазами, одетые в безупречные темные костюмы, которые, впрочем, не могли скрыть, что их владельцы вооружены.

Хейдиггер прошел, небрежно кивнув Есильковой. Он исчез в ресторане, а телохранители остановились у двери и принялись невозмутимо осматривать все вокруг. У входа Элла увидела трех мужчин, вооруженных плазменными излучателями, которых не заметила раньше.

Есилькова прошептала:

– А вот и сама леди-дракон!

Элла обернулась. Прибыла мадам Плейал собственной персоной, тоже в сопровождении двух охранников. Когда она проходила мимо, Элла уловила слабый запах лилии, исходящий от ее заколотых бриллиантами волос. У входа телохранители мадам тоже

остановились и присоединились к первой паре своих коллег.

Потом появился Сакаи. Его легко было узнать по ореховому цвету кожи, маленькому росту и искусственному глазу, если, конечно, внимательно вглядываться в лицо.

За ним прибыл Ли, истинное воплощение загадочного Востока, одетый в расшитый цветами халат.

Позже приехали остальные: Перилла, бразилец из Португалии, Махавишту с черными кругами под глазами, Блейк, блондинистый англосакс, какой-то генерал, которого Элла не знала по имени.

Все охранники, как на параде, выстраивались возле двери.

Потом они ушли в комнату отдыха, и лишь троица с излучателями осталась на месте, продолжая зыркать по сторонам.

– Что же делать? – прошептал Йетс, глядя на часы. – Аль-Фахда до сих пор нет. Кажется, он так и не приедет.

– Этого не может быть, – хрипло прошептала Элла. Аль-Фахд был единственным членом Клуба, который в списке Преториуса числился в разряде НЕСОМНЕННО. Если он не прибудет, вся акция потеряет смысл. – Что же делать? – повторила Элла за Йетсом.

– Что делать? – переспросила Есилькова, еле шевеля губами. – То, что собирались.

– Я считаю, – прошептала в ответ Элла, придвигаясь ближе к Есильковой, но глядя не на нее, а на охранника, – надо все отменить. Может быть, аль-Фахд не приехал потому, что в ресторане чувствовал бы себя не в своей тарелке. А может, мы просто ошиблись, и...

– Элла, – перебил ее Йетс, – немедленно прекрати паниковать. Ничего остановить уже нельзя. – Он посмотрел на часы. – Осталось три минуты.

Элла взглянула Сэму в лицо. Его глаза были пусты и холодны, как ледышки. Она вздрогнула.

– Хорошо, тогда давайте еще подождем...

– Слушай, Соня, может, правда подождать? Что, если аль-Фахд действительно опоздал?

– Тогда займемся им позже. – Есилькова говорила спокойно, но на виске у нее билась жилка. – Мы не можем рисковать. Встреча началась без него, значит, его не ждут. Ты боишься, что нам придется принимать отдельные меры против него? Я не боюсь. Мы не можем упустить этих. Это наш единственный шанс. Другого не будет. Четырнадцать из пятнадцати – не так уж плохо.

– Может, и так, – нерешительно пробормотал Йетс.

Элла понимала, почему он колеблется: с самого начала они – по крайней мере Йетс и Есилькова – планировали устранить весь Клуб. Элле они взяли с собой, поскольку не очень доверяли ей – боялись, что она может выдать план операции в самый последний момент. Однако она была нужна им, чтобы обеспечить прикрытие со стороны своих друзей после того, как все будет кончено.

Теперь Элле терзали сомнения. Йетс же, напротив, все для себя решил.

– Хорошо, Соня, сейчас я включу эту штуку – посмотрим, что выйдет.

– Ты не мог бы поменьше болтать и приступить к делу?

Йетс опустил руку в кобуру, прикрепленную к поясу, и нажал красную кнопку спрятанного там передатчика.

Ничего не произошло. В коридоре по-прежнему было тихо и относительно мирно. Зато в самом ресторане лопнул хрустальный флакон, встроенный африканером в систему вентиляции.

Элла кусала губы, стараясь не думать, что происходит сейчас за стеклянной дверью «Мулен Руж», закрытой симпатичной розовой занавеской.

Йетс тронул ее за локоть.

– Ладно, пошли.

И она тоже участвовала в этом! Йетс втянул ее. Он говорил, что она должна помочь, поскольку разболтала обо всем Тейлору. Только теперь Элла поняла, что стала соучастницей убийства. Йетс и Есилькова... как она ненавидит их!

На подкашивающихся ногах она последовала за ними к двери, где по-прежнему стояли трое охранников с плазменными излучателями.

Элла была уверена, что у нее на лице написано все, о чем она думает. Она с ужасом чувствовала, что краснеет.

– Так, ребята, – весело провозгласила Есилькова. – Вот наши карточки! А теперь покажите-ка ваши! – Она и Йетс держали в руках удостоверения.

Один их охранников ответил:

– Займитесь лучше кем-нибудь еще. Мы уже полчаса тут торчим.

Другой толкнул его локтем и прошептал что-то по-немецки. Третий смотрел поверх головы Брэдли, как будто каждую секунду ожидал нападения из-за ее спины.

– Ладно, коллеги, сейчас, – недовольно проворчал первый охранник и полез в карман за карточкой, второй тоже вытащил свою. Их движения были неуклюжи и резковаты, видимо, они не успели привыкнуть к лунной гравитации. Третий охранник продолжал внимательно оглядывать коридор.

Элла, как зачарованная, смотрела на его руку с оружием, которая медленно поднималась. Указательный палец на спусковом крючке побелел от напряжения. Он собирается стрелять!

– Теперь ты, ковбой, – обратилась Есилькова к нему. В дальнем конце коридора с визгом остановилась патрульная машина.

В этот момент за стеклянной дверью ресторана раздались крики. Из машины выскочили полицейские и побежали ко входу в ресторан.

Охранник выстрелил в потолок. Плазма мгновенно выжгла металлические панели над головами полицейских. Все замерли – и Йетс с Есильковой, и два других телохранителя. Элла в ужасе метнулась к стене.

Ей казалось, что движения людей внезапно стали очень медленными и плавными.

Охранник Клуба опустил оружие. Несколько мгновений он смотрел Элле в глаза, потом повернулся и взялся за ручку двери.

Есилькова всадила рой парализующих игл ему в затылок.

Окровавленная рука скомкала дверную занавеску, и человек с обезумевшими глазами медленно сполз по двери на пол, оставляя смазанный красный след на стекле.

После этого оглушение прошло. Элла словно вынырнула из безмолвия. Есилькова велела двум другим охранникам бросить оружие, если они хотят жить, после чего Йетс принялся их обыскивать. Один телохранитель громко возмущался и угрожал, что это им даром не пройдет.

А Элла Брэдли сидела на полу, прижавшись спиной к стене, и, закрывая ладонью рот, молча плакала.

35. МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Единственный оставшийся в живых член Клуба, аль-Фахд, находился в своем номере, когда ему позвонила лейтенант из Службы Безопасности и попросила принять ее. Аль-Фахду ничто не угрожало. Если его спросят, почему он не пришел на ужин в ресторан, он ответит, что не может веселиться там, где погибли его соотечественники, и это будет правдой.

Поэтому, когда Соня Есилькова, патрульное подразделение номер четыре Службы Безопасности. ООН, вошла к нему, он был чрезвычайно любезен. Даже гостеприимен.

Эта русская в солдатских ботинках не могла причинить ему ни малейшего вреда. Если она что-нибудь пронюхает или решит начать расследование, придется просто позвонить кому надо, и ее уволят. С этим сложностей не будет.

– Садитесь, лейтенант. – Аль-Фахд царственным жестом указал на роскошное кресло. Он занимал президентский номер, единственно пригодный для человека такого благородного происхождения. – Это начальник моей охраны. – Он кивнул в сторону молчаливого мрачного человека, стоявшего в углу. Аль-Фахд не потрудился его представить. – Так чем же

могу вам служить?

– Видите ли, сэр, у меня есть пара вопросов насчет того, что произошло в «Мулен Руж».

– Я готов, лейтенант. – Эта женщина, наверное, просто глупа. Все равно, надо быть осторожнее – глупые люди тоже бывают опасными. – Так какие у вас вопросы?

– Видите ли, сэр, вы были в списке приглашенных, но не явились. Конечно, я рада за вас, но почему вы не пришли? Были ли какие-нибудь угрозы, которые остальные ваши коллеги не восприняли серьезно, или что-нибудь в этом роде?

– У меня страшно болел живот. Пришлось даже вызвать врача. Он сказал, что это от низкой гравитации. Мне повезло, что я так плохо переношу Луну.

– Да, действительно повезло... У вас нет никаких предположений – кто мог это сделать? И зачем? У Клуба были враги?

– Лейтенант Есилькова, – сурово, но вежливо перебил ее аль-Фахд (таким тоном он обычно разговаривал со своими скаковыми лошадьми, когда они не слушались), – вы не имеете права задавать подобные вопросы. Это дело спецслужб тех стран, чьими гражданами являлись погибшие. Вы должны понимать, что не можете проводить это расследование.

«Читай: не суйся, куда не просят, или окажешься в концентрационном лагере в Северном Йемене».

– Да-да, вы правы, – смущенно сказала Есилькова, пряча записную книжку в карман. – Это работа для более солидных организаций. Простите, что отняла у вас время.

– Ничего, ничего. Извините, может, я был немного резок, но эта ужасная трагедия...

– Я понимаю. – Есилькова направилась к двери. – Еще раз прошу прощения за беспокойство.

И она торопливо вышла, прикрыв за собой дверь.

Минуту спустя телохранитель аль-Фахда сказал:

– Извините, сэр, но эта женщина оставила свой дурацкий дипломат... – И он взялся за ручку.

Стены отеля дрогнули от мощного взрыва...

ЭПИЛОГ

Сэм смертельно устал. Четыре дня он оправдывался и изворачивался, поэтому теперь готов был сорвать злобу на ком угодно.

Когда Есилькова зашла за ним, чтобы вместе пойти поесть, он даже не сообщил своей секретарше Эчеверии, где его искать, если он кому-нибудь понадобится.

Но Элла Брэдли нашла его. Сэм сидел с Есильковой за столиком уличного кафе. Они ели пиццу.

Большая шестиместная машина плавно и почти бесшумно остановилась у тротуара, из нее вылез темноволосый мужчина ростом примерно с Йетса, но не такой широкоплечий. Он обошел машину и открыл заднюю дверь со стороны тротуара, затем галантно помог выйти Элле Брэдли. Йетс понял, кто этот брюнет, по покрою костюма. Он сказал Есильковой, которая сидела спиной и не видела подъехавшей машины:

– Оглянись-ка. Если это не Пек Смит с Эллой, то могу спорить, что это Тейлор Маклеод собственной персоной.

Есилькова обернулась и сказала с набитым ртом:

– Это не Пек Смит.

– Так я и думал, – заметил Йетс и нарочито зевнул, искоса глядя, как Элла и ее кавалер приближаются к столику.

Элла поздоровалась, светски улыбаясь, словно на приеме в каком-нибудь посольстве. Йетс в упор рассматривал ее приятеля. У него были прямые черные волосы, холодные серые глаза и удлиненное лицо – настоящая копия переселенца с «Мейфлауэра».

– Здорово, Элла, как дела? – спросил он, даже не приподнявшись с места. Есилькова

молча кивнула, прожевывая очередной кусок пиццы.

– Сэмюэл Йетс, Соня Есилькова, позвольте представить Тейлора Маклеода. Вы не будете возражать, если мы присоединимся к вам?

Ах, какие мы теперь стали вежливые.

– Пожалуйста, – ответил Йетс, радушно указывая на свободные пластиковые стулья.

Маклеод пожал ему руку.

– С нетерпением ждал встречи с вами, инспектор. – Он слегка картавил. – Элла и Пек рассказывали о вас что-то невероятное.

– Когда происходят невероятные события, появляются и невероятные слухи.

– Верно, – одобрительно сказал Маклеод, словно не ждал такой умной мысли от Йетса.

Молчавшая до сих пор Есилькова тоже решила принять участие в разговоре.

– Пиццы не хотите? – жизнерадостно спросила она, изящно подвигая к ним пальцем тарелку с недоеденными кусками.

– Нет-нет, большое спасибо, – ответил Маклеод, откидываясь на спинку стула.

Элла метнула на Йетса умоляющий взгляд.

Сэм сделал вид, что не заметил, и сказал Маклеоду:

– Знаете, мне ведь пришлось позаимствовать ваш костюм...

– Не беспокойтесь об этом, – снисходительно махнул рукой Тейлор. – Ведь вы спасли Элле жизнь, и уж хороший костюм точно заслужили.

Хороший костюм?! В других условиях он показал бы этому высокопоставленному клоуну его место.

– Я заказал вам такой же, – сказал Йетс вслух. – У вашего портного из Севил-Роу. На днях его должны привезти с Земли.

Маклеод вежливо улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

– Вы талантливый сыщик, инспектор Йетс, раз отыскали моего портного, но не надо было так беспокоиться, вы могли просто вернуть мне старый.

– Старый был испорчен кровью, которая не отстирывается от мериносовой шерсти – так, по крайней мере, сказали мне эксперты. Но давайте перейдем к делу. Позвольте узнать, зачем вы нас разыскали?

Прежде чем Тейлор открыл рот, Элла торопливо сказала, коснувшись рукой лба, при этом у нее на пальце сверкнуло кольцо, которого раньше не было:

– Тинг, то есть Тейлор, и я на следующей неделе решили объявить о нашей помолвке. Мы хотели, Сэм, чтобы ты знал об этом. – И она вымученно улыбнулась.

Йетс видел, как она расстроена, и понимал, что это из-за него. Но что он мог поделать?

– Поздравляю, – сказал он. – Вы, наверное, покинете Луну в поисках более зеленых пастбищ?

Наступило неловкое молчание. Есилькова, не сдержавшись, невежливо хихикнула.

– Нет, – ответила Элла. В глазах ее промелькнуло какое-то выражение, которого Сэм не мог понять. – Мы будем работать здесь до самой свадьбы, то есть до следующего года. Скорее всего, и тогда уедем.

– Понятно, – кивнул Йетс. – Может быть, мистеру Маклеоду нужны какие-то признания или заявления с моей стороны...

– Нет, не нужны, – оборвал его Маклеод. – Элла хотела, чтобы между нами не осталось неясностей. Мы приготовили вам небольшой подарок – по вашему делу не будет проводиться никакого расследования. Можете спокойно продолжать работать.

Тейлор Маклеод поднялся и снова пожал Йетсу руку. Когда пришел черед прощаться с Эллой, Сэм задержал ее руку в своей.

– Все в порядке, красавица? – тихо спросил он.

Она кивнула. Глаза ее подозрительно заблестели. Потом они с Маклеодом направились к машине.

Йетс смотрел им вслед, пока не захлопнулись двери и автомобиль не исчез за поворотом.

– Ну и ну, – вздохнула Есилькова. – Кажется, нас допрашивали.

– Скорее исследовали, – буркнул Йетс, плюхаясь на стул. Он принялся рассеянно ковырять вилкой остывшую пиццу. – Еще повезло, что нас не собираются упечь за решетку или того похуже...

– Это верно, – весело согласилась Есилькова. – Тебе вообще повезло. Твоя подружка собирается, кажется, почаще встречаться с тобой, несмотря на то что у нее будет такой важный муж.

– Ошибаешься. Она принадлежит к тому типу женщин, которые хранят верность супругу...

Йетс вспоминал, как странно Элла смотрела на него. В ее взгляде было то ли обещание, то ли сожаление – трудно разобраться.

Сэм поднял голову и встретился глазами с Есильковой. Она улыбалась. Он тоже улыбнулся ей в ответ и сказал:

– А вообще-то все закончилось хорошо, правда? Мы остались живы, познакомились друг с другом, нас не выгнали с работы, и мы завели себе друзей в самых высоких сферах.

Ибо нет сфер выше, чем Луна.